

АБАРИС

ЖУРНАЛ ДРУЗЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ
выходит один раз в год

Редакционная коллегия: О. В. Бударagina, В. В. Зельченко,
В. С. Синельников
Художник: А. Ю. Енбекова
Компьютерная поддержка: К. Б. Катенин
Эмблема журнала: Елизавета Дмитриева

№ 7 (2006)

Адрес редакции: 197198, Санкт-Петербург, ул. Красного Курсанта, д. 6/9

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	1
С. В. Бурячко. Дилетантизм или невежество?	2
Авсоний. Утро (<i>Ephemer.</i> 1). Переводы с латыни Т. А. Мартыновой, Н. Кузнецовой, М. Шляхтер, В. В. Зельченко, А. Дистеля, Л. Лукиной, Д. Тяпина	5
BRITANNICA: Латынь в английском	8
А. Л. Пастернак. Тразименский туман	9
Чужие письма. Переводы с древнегреческого Г. Воробьева, А. Хесиной, А. Михайловой, А. Иванюшина, А. Ветушко, А. Горбовой	12
М. Васильева. <i>Carminis Nipponici a Matsuo Basho conscripti aemulatio Latina</i>	15
А. К. Гаврилов. Лингвистическая Троя Шлимана	16
О. В. Бударagina. Латинские надписи в Петербурге	20
BRITANNICA: Таблички из Виндоланды	22
ГИМНАЗИЧЕСКИЙ ТЕАТР: "Словарь Даля". Рецензия М. М. Позднева	24
BRITANNICA: Ричард Бентли, тираноборец	27
К. Корешков. <i>Navigare necesse est, vivere non necesse</i>	28
Заседания кружка "Классика" в 2005/2006 учебном году	32
И. Нахмансон. <i>Codex Sacti</i>	33
BRITANNICA: <i>Gabberbocchus</i>	42
Лиутпранд Кремонский. Донесение о константинопольском посольстве (главы 1–12). Перевод с латыни А. Горбовой	44
Сапфо. Новонайденное стихотворение. Переводы с древнегреческого Г. Воробьева, К. Корешкова, К. Егоровой	49
Е. М. Молоствова. Обезьяньи процессы как зеркало нашей эволюции	51
Certamen Latinum MMVI	54
BRITANNICA: Classics at Winchester	57
Список выпускников Санкт-Петербургской классической гимназии (2005 г.)	59

На первой странице обложки: Этнический фестиваль 2006 г.: английский король — Даниил Сухан,
конь — Полина Гармаш и Алексей Искендеров. Фото Константина Корешкова, 11 класс
На четвертой странице обложки: Одиссей. Рисунок Константина Антонова, 5 класс

Формат 60×90 1/8. Офсетная печать. Тираж 500 экз. Зак. № 36

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии "ИПК «Бионт»"
199026, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 86, тел. (812) 320-52-85

От редакции

На сей раз редакция “Абариса” решила отступить от своих обычных правил. Если прежде главной темой номера неизменно становился какой-нибудь аспект жизни греков и римлян или же творчество кого-то из древних писателей, то этому выпуску подошел бы заголовок “Британия и античность”. В будущем мы надеемся с вашей помощью подготовить номера, посвященные “античному следу” в немецкой и русской культурах, — а там, может быть, и в итальянской, голландской, новогреческой и т. д.: ведь в этом оркестре у каждого инструмента свой голос и своя партия.

*С Британии мы начали не только потому, что английский — один из двух новых языков, которые изучают наши гимназисты. Пример “острова пышного, острова чудного” по-своему поучителен. Дальняя окраина ойкумены (Катулл с уважительной опаской именует британцев *ultimi*), жители которой в полной боевой раскраске встретили Цезаря градом копий, а потом веками храбро сопротивлялись римскому владычеству, стала одной из самых ревностных хранительниц и восприемниц античного наследия: средневековые историки Ненний и Гальфрид Монмутский даже возвели генеалогию своего народа к баснословному Бритту-Бруту, сыну или внуку Энея, будто бы основавшему Лондон “в третьем веке Божьего мира”. В историю рецепции и изучения древности британцы привнесли собственные неповторимые черты: афористичную сдержанность — и безоглядный восторг северян перед благословенным югом; верность традициям — и готовность “учиться античности” у всякого, кто знает о ней больше (будь то итальянские гуманисты или же немецкие профессора, вынужденные эмигрировать при Гитлере и получившие кафедры в Оксфорде и Кембридже); просвещенный скептицизм, культ *common sense* — и почти мистическое озарение Джона Китса, который в напряженном созерцании безвестной греческой вазы вывел формулу красоты.*

*К сожалению, объем журнала заставил нас ограничиться малым. Нам хотелось бы рассказать об опальном Юлии Агриколе, без страха и упрёка служившем Риму на берегах Альбиона; о сюжетах Плутарха и Овидия, которые причудливо преломились в драмах Шекспира; о сокровищах Британского музея; об Элладе Байрона и Шелли; о том, как Катон и Брут вдохновляли трибунов английской революции, а Август и Траян — идеологов *Pacis Britannicae*; о гомеровских штудиях премьер-министра У. Гладстона; об открытиях папирологов Б. Гренфелла и А. Ханта, которые подарили нам множество новых античных текстов; о той новелле Конан Дойля, где Холмс ищет похитителя экзаменационного билета с отрывком из Фукидида; о молодом архитекторе Майкле Вентрисе, расшифровавшем микенские письмена, — здесь, впрочем, благоразумнее остановиться, ибо исчерпать нашу тему не под силу и многотомной энциклопедии.*

Navita de ventis, de tauris narrat arator: разговор об античности в Британии на страницах школьного журнала неизбежно вернул нас к теме классического образования. Номер открывается размышлениями директора гимназии С. В. Бурячко, сопоставляющего английскую, немецкую и нынешнюю российскую образовательные системы, продолжается мемуарами московского и петербургского гимназистов, а завершается заметкой Стивена Андерсона, который ведает древними языками в одной из старейших и лучших школ Англии — Winchester College. Кстати сказать, в длинном списке выпускников Уинчестера значится и имя Арнольда Тойнби, выдающегося историка и мыслителя XX в. В конце жизни Тойнби написал слова, которые могли бы стать эпиграфом к “британскому” номеру “Абариса”: “Мое классическое образование оказало мне услугу, которую невозможно переоценить: оно дало моему сознанию точку опоры вне того времени и места, где и когда мне случилось появиться на свет”.

С. В. Бурячко

директор Санкт-Петербургской классической гимназии

Дилетантизм или невежество?

Тема этого выпуска “Абариса” — “Британия и античность” — дает повод поразмышлять о тенденциях развития европейской школы, о том, соответствует ли им российское образование.

В спорах, предшествовавших созданию нашей гимназии, Л. Я. Лурье обозначил два направления в европейском образовании — англосаксонское и германское. Примем эту дихотомию в качестве отправной точки, имея в виду прежде всего концептуальное различие, связанное с решением главных образовательных задач.

В первую очередь образование призвано обеспечить достаточный уровень функциональной грамотности и социальной коммуникативности населения — уровень, который дает каждому возможность ощущать себя членом общества, способным использовать ресурсы окружающей его природной, социальной, культурной, технической и информационной среды для обеспечения своей жизнедеятельности. Понятно, что перечень необходимых для этого “навыков и умений” будет достаточно широким — от способности заполнить налоговую декларацию и проверить счета за коммунальные услуги до пользования интернетом, ведения собственного банковского счета и т. п. Очевиден также относительный характер этих требований: если, например, для европейца раздельная утилизация бытовых отходов есть нечто само собой разумеющееся, то для наших сограждан это далеко не так.

Эта задача — задача подготовки “квалифицированных пользователей” ресурсов — важнейшая, без ее решения общество не может функционировать. Но она экстенсивна, поскольку сама по себе не обеспечивает сохранения и развития среды, что в конечном счете ведет к стагнации. Сегодня в большинстве стран 90–95% работающего населения заняты в сфере репродуктивного производства товаров и услуг, то есть фактически являются теми самыми квалифицированными пользователями. Добавим сюда долю неработающего населения и получим, что реальный социальный, культурный и технологический прогресс обеспечивается исчезающе малой долей жителей Земли! Таково положение вещей, и с этим ничего не поделаешь. Вопрос в другом: а как же общество готовит эту элиту? И вообще, возможна ли целенаправленная общественная деятельность, связанная с обеспечением гарантий развития? Или это процесс, с одной стороны, случайный, а с другой — объективный, почти естественный, не связанный с волей и желанием общества или его отдельных групп?

В этой связи интересно посмотреть, как различные образовательные системы настроены на решение этих задач.

Британская система образования — одна из старейших в мире, ее традиции накапливались в течение столетий, и даже бури английской буржуазной революции не затронули основных черт системы. 93–95% британских

школьников обучаются бесплатно в государственных средних школах (State Schools), причем начальное и среднее образование является обязательным для всех граждан Соединенного Королевства. Остальные 7%, т. е. около полумиллиона человек, получают образование в частных школах и колледжах, число которых достигает сегодня 2500. Среди них выделяются около двухсот т. н. Public Schools — частных школ-пансионов; эти школы (самые знаменитые из них — Eton College, Harrow School, друженственный нам Winchester College) по праву считаются лучшими. Около трети всех Public Schools были основаны до 1600 г., а четыре имеют более чем тысячелетнюю историю!

Обычно, когда заходит речь о британской школе, имеются в виду именно эти частные колледжи. Но, как мы видим, система частного образования охватывает менее 10% семей королевства. Государственный сектор образования, претерпе-

вший серьезные изменения после реформ конца 1980-х — начала 1990-х гг., полностью обеспечивает потребности рынка труда и университетов. Следует сказать, что важный вклад в эти преобразования внес премьер-министр Тони Блэр, сам закончивший государственную Grammar School.

После окончания начальной школы с 11 до 16 лет британцы учатся в школах средней ступени, которые бывают общеобразовательными (Comprehensive Schools), с углубленным изучением предметов (Grammar Schools) и средними специальными (Secondary Modern Schools). Все это время дети подвергаются постоянному отбору, сдают бесчисленное количество экзаменов и получают множество разнообразных сертификатов об образовании. По окончании средней школы сдается серия экзаменов “первого уровня”. К 16 годам подростки должны решить: продолжать ли образование, чтобы впоследствии поступить в университет, или получить профессиональную подготовку и начать работать. Тем, кто выбрал первый путь, не пройти мимо специального двухгодичного курса в колледже для старшеклассников (6th Form College), где изучают определенный набор дисциплин — исходя из выбора учеников и требований того университета, куда они намерены поступать. Традиционно студенты выбирают изучение двух или трех предметов, лежащих в одной области наук — например, языки, технические или гуманитарные дисциплины. В последнее время, однако, появилась тенденция готовиться к предметам из разных сфер знания. В 18 лет (в Шотландии — в 17), по окончании данного курса, ученики сдают экзамены второго (“продвинутого”) уровня, т. н. A-levels, и получают “Свидетельство о среднем образовании продвинутого уровня” — General Certificate of Education (GCE A-levels). Ученики, выбравшие курсы профессиональной подготовки, сдают экзамены на профессиональную квалификацию второго уровня — GNVQ/NVQ Advanced.

Требования к ученикам государственных и частных школ одинаковы. Государственные школы обязаны придержи-

живаться единого учебного плана (The National Curriculum), введенного повсеместно с 1989 г., однако программы сертификации едины для всех. Тем не менее если сертификат A-level получают практически все выпускники Public Schools, то в государственных школах это далеко не так.

Даже такого поверхностного взгляда на британскую систему образования довольно, чтобы понять: в самой ее структуре заложены предпосылки для решения обеих главных образовательных задач, обозначенных выше. С одной стороны, всем детям дается возможность получить среднее образование на уровне достижения функциональной грамотности, достаточной для начала самостоятельной трудовой деятельности; с другой — гибкая и многоуровневая система оценки знаний и сертификации позволяет еще на стадии обучения отобрать тех, кто способен в будущем заниматься инновациями в различных областях. Эта вторая функция образования представляется британскому правительству настолько важной, что в 2005 г. была принята особая стратегическая программа “Образование для устойчивого развития” (Education for Sustainable Development), в которой необходимые изменения в системе образования непосредственно связываются с важнейшими социальными и экономическими показателями развития в таких областях, как экология, энергетика, медицина, новые технологии, занятость и т. д. Но и сегодня жителям туманного Альбиона есть чем гордиться: британские ученые получили больше Нобелевских премий (70 с лишним), чем любая другая страна за исключением США; на долю Великобритании приходится 4,5% объема всех научных исследований в мире.

В отличие от британской, нынешняя система образования Германии значительно моложе: она начала складываться в период царствования Фридриха II. В этот период были приняты законы об обязательном обучении детей до 14 лет, заметно выросли как сеть школ, так и контингент учащихся. Основные черты современной средней школы в Германии сформировались во времена Веймарской республики: тогда произошло разделение на полную народную школу, реальную школу и гимназию, однако их доступность ограничивалась тем, что два последних вида школы, дававшие более качественное образование, были платными. В 1950-е гг. было начато преобразование школьной системы, сделавшее ее доступной для всех. Управление образованием в Германии децентрализовано и замыкается на уровне федеральных земель; наиболее общие вопросы рассматриваются Коллегией министров образования земель, решения которой носят рекомендательно-консультативный характер. Соответственно, учебники, программы и даже продолжительность обучения могут различаться в разных землях: например, каникулы в Баден-Вюртемберге не совпадают с каникулами в Нижней Саксонии; в бывших восточных землях дети учатся 12 лет, тогда как в землях бывшей ФРГ — 13.

Средние школы в Германии делятся на пять основных типов: гимназия, реальная школа, главная школа, профессиональная школа и общая школа.

В младших классах гимназий (Gymnasium) учатся не более 16% подростков соответствующего возраста. В течение учебы происходит отсев школьников, который особенно велик при переходе на старшую ступень (11–13 классы). Оканчивают гимназию лишь половина из тех, кто поступил в нее. Гимназии имеют специализированный характер и традиционно делятся на классические, естественно-математические и современные языков; есть также инженерные, экономические и педагогические гимназии. Обязательные предметы для всех типов гимназий — немецкий язык, история, география, математика, биология, физкультура, музыка и религия (этика). В классических гимназиях обязательно изучение латинского, греческого и одного из современных языков; в естественно-математических углубленно изучаются математика, физика и химия.

Реальная школа (Realschule) также обладает достаточно высоким статусом и дает профессиональное образование в сферах обслуживания, торговли и государственной службы. Высокий балл, полученный по результатам обучения в реальной школе, позволяет поступить в старший класс гимназии, а затем — в университет.

В последние годы в Германии наметилась тенденция к увеличению доли учащихся гимназий и реальных школ.

Главная школа (Hauptschule) предназначена, в основном, для учащихся, не предполагающих продолжать образование в университете; то же можно сказать и о профессиональной школе (Professionalschule), которая ориентирована преимущественно на тех, кто стремится овладеть той или иной рабочей профессией. Общая школа совмещает различные особенности гимназий и реальных школ, позволяя получать одновременно гуманитарное и техническое образование. Учащиеся общих школ, сдав экзамены по программе гимназии, получают возможность поступить в университет.

В Германии установлены общие правила поступления в вузы. Своего рода допуском в университет является диплом Abitur, который выдается по результатам учебы в гимназии или в общей школе по программе гимназии. Для этого выпускникам необходимо сдать экзамены по четырем основным предметам. Соответствие образовательному стандарту, зафиксированному дипломом Abitur, обычно позволяет поступить в университет без экзаменов. Несколько лет назад ряд престижных университетов сделал исключение из этого правила — некоторые факультеты (в особенности медицинские) все же ввели для абитуриентов приемные экзамены и конкурс. Реформа немецкой высшей школы, связанная с объединением страны в 1991 г. и, соответственно, с необходимостью унификации образовательных стандартов, привела к тому, что диплом Abitur перестал рассматриваться как безусловная гарантия качества среднего образования, полученного его обладателем. В ближайшем будущем прогнозируется дальнейший рост числа вузов, практикующих систему конкурсного отбора студентов.

В настоящее время система образования Германии находится не в лучшем состоянии. Качество среднего образования падает, что отмечают многие специалисты, в том числе и наши коллеги — немецкие учителя. Это связано с рядом реформ 60-х — 70-х гг., носивших явно выраженный популистский характер. В первую очередь это отмена конкурсного набора учеников в гимназии, сокращение учебной недели и объемов домашних заданий — одновременно с увеличением средней нагрузки учителей (до 23 часов в неделю!). В результате в некоторых землях доля детей, обучающихся в гимназиях, доходит до 30–35%, школы переполнены — в старших классах до 40 и более человек! Социал-демократические партии, в течение длительного времени находившиеся у власти, выдвинули на первый план идею “социального заказа” в образовании, суть которой заключается в том, что школа должна быть такой, какой ее хотят видеть родители-налогоплательщики.

В результате гимназия, став массовым учебным заведением, перестает быть инструментом отбора наиболее талантливых детей и передает эту функцию университетам. А поскольку, как говорилось выше, конкурсные экзамены в университеты практически отсутствуют, вузы с трудом справляются с таким потоком студентов. Проблема настолько серьезная, что в 2005 г. федеральное правительство внесло законопроект о переходе на частично платное государственное высшее образование, чтобы создать хотя бы условный барьер (речь идет о действительно символической плате порядка 450 евро за семестр). Одновременно, как следствие снижения качества образования, в конце XX в. Германия столкнулась с дефицитом рабочей силы в высокотехнологичных областях промышленности и в фундаментальной науке, после чего вынуждена была открыть двери предприятий и научных институтов иностранным специалистам.

Шоком для научной и педагогической общности Германии стали опубликованные в 2004 г. результаты независимого международного исследования качества среднего образования PISA–2003 (Programme for International Student Assessment). Немецкие школьники оказались на 20 месте, пропустив вперед такие страны, как Новая Зеландия и Чехия!

В исследовательской программе PISA–2003 приняли участие более 250 000 школьников и студентов из 41 страны, в том числе и из России. Был разработан единый для всех стран-участниц инструментальный исследования (тесты, содержащие комплексные или структурированные задания), позволяющий оценить уровень

математической грамотности и, грамотности чтения, естественно-научной грамотности и умения решать проблемы (problem solving), — т. е. справляться с задачами, которые не связаны напрямую с определенными учебными предметами, однако часто встречаются в жизни и требуют комплексного использования знаний и навыков из различных областей. Ключевой вопрос исследования — “Обладают ли 15-летние школьники, получившие общее обязательное образование, знаниями и умениями, необходимыми для полноценного функционирования в обществе?” Исследование PISA — не олимпиада для одаренных детей; его цель как раз оценить эффективность той или иной школьной системы с точки зрения первой, обязательной задачи образования.

Интересно отметить, что и в 2000, и в 2003 г. среди безусловных лидеров по результатам исследования PISA оказывались Гонконг и Финляндия. Гонконг от нас далеко, а вот соседняя Финляндия с населением, чуть большим населения Санкт-Петербурга, заслуживает особого внимания.

Организаторам исследования PISA удалось выявить, что:

- показатель наполняемости классов в Финляндии — один из самых маленьких в Европе;
- труд школьного преподавателя в этой стране ценится и оплачивается гораздо выше, чем в других государствах ОЭСР;
- ремесло учителя традиционно пользуется в Финляндии особой популярностью как одна из общественно ценных профессий. В подготовку учителей вкладываются зачастую рекордные суммы. Их уважительно называют “экспертами”, наделяют особыми полномочиями — скажем, правом устанавливать внутренние экзамены произвольной формы или вводить в качестве оценочного индикатора “портфолио” — копилку личных достижений подопечных;
- исключительно серьезно внимание уделяется приобретению учащимися навыка нестандартного мышления (“Мы не можем сделать творцом каждого ребенка, — отмечает профессор Университета Хельсинки Кари Уусикяла, — но развивать его креативные способности — наш профессиональный долг. Дрессура, давление, нажим должны быть полностью исключены из арсенала педагогических средств”);
- финские школьники вплоть до окончания девятилетнего образования не подвергаются контролю со стороны национальных служб аттестации и в принципе каким-либо экзаменационным испытаниям государственного ранга;
- страна “самых грамотных учеников” выделяется подчеркнуто высокой культурой домашнего чтения. Число тех, кто мало читает, среди финских граждан значительно меньше, чем допускают международные стандарты;
- в Финляндии нет ни одного школьного инспектора. Их уволили на всех уровнях — от муниципального до федерального, ликвидировав таким образом порочную практику посещения школ с целью инспекции. За планирование, координацию, качество обучения отвечает Министерство образования Финляндии и Высший аттестационный совет по образованию. Подобная система управления опирается на доверие к знаниям учителя, не запуганного набегами ревизоров.

Эти данные, надеюсь, навсегда развенчивают миф о высоком качестве российского (советского) образования. Обратим внимание, что по результатам того же исследования PISA–2003 российские школьники “провалились” именно в тех областях, которые традиционно считались нашими сильными сторонами — математика (29 место) и естественные науки (24 место). Здесь, конечно, встает вопрос о критериях качества образования. Традиционно таковыми считались внутренние количественные показатели — средние баллы по отдельным предметам, количество победителей олимпиад и т. п. Деятельность школ и успехи учеников никогда не оценивались по таким общественно значимым параметрам, как, например, развитие креативности, информационная грамотность, способность к самообразованию, степень социализации и последующая профпригодность. Даже т. н. образовательные стандарты, на разработку которых ушло столько сил и средств (в прямом смысле!), на деле обернулись всего лишь перечнем предметных навыков, перекочевавшим из школьных учебных программ.

В прошлом году в рамках приоритетного национального проекта “Образование” был объявлен “Конкурс общеобразовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы”, призванный выявить “лидеров образования”, определить “точки роста” российской образовательной системы. Среди 30 с лишним критериев отбора школ только один (!) имеет отношение к качеству образования — “высокие показатели качества обучения и воспитания”, которые измеряются, как и всегда, средними экзаменационными оценками, числом медалистов и призеров олимпиад. Вообще эти документы достойны внимания общественности как образец бюрократического “сотворчества” — не покидает ощущение, что к ним приложили руку все заинтересованные ведомства от МВД и МЧС до Минфина, но только не специалисты в области образования!

Что же мы имеем сегодня, на исходе первого десятилетия XXI в.? Стало ли российское образование лучше советского? Соответствует ли его уровень общественным ожиданиям? К сожалению, приходится констатировать, что нет.

По данным опроса, проведенного фондом “Общественное мнение” летом 2006 г., только 37% наших сограждан верят в то, что могут получить хорошее образование в России; 60% называют это невозможным. При этом растет число людей, считающих, что качественное обучение необходимо для будущей карьеры: если в 1996 г. так думали 53% респондентов, то в этом году их уже 62%. 46 % жителей страны заявили, что качество образования по сравнению с советскими временами ухудшилось, для 15% оно осталось таким же, и лишь 19% уверены в переменах к лучшему.

Сегодняшнее российское образование сохранило в целом все черты советской системы, только идеологическую нишу заняла теперь “вертикаль власти” и уверенно пробирающееся в светскую школу православное духовенство. Главная черта советской школы, сохранившаяся до сего дня, — ее единство. Помните: “единая трудовая политехническая...”? Разнообразие средних учебных заведений — гимназии, лицеи, школы с углубленным изучением предметов и пр. — скорее фикция, жест в сторону либерально настроенного меньшинства. И с Западом разговаривать удобнее: у немцев гимназии, так и у нас пожалуйста! И на каждого француза у нас свой лицей имеется — неважно, что бывшее швейное ПТУ. Если серьезно, то единство нашей школы поддерживается единым аттестатом, единым базисным учебным планом, единым типовым положением и финансированием. Критерии оценки деятельности школ, как уже говорилось выше, — чисто внутренние, слабо коррелирующие с общественно значимыми целями и одинаковые для всех. Единая школа удобна чиновникам и имеет только одно преимущество — как инструмент воспитания в рамках одной господствующей идеологии. Но обеспечить высокий уровень функциональной грамотности и инновационное развитие общества она не в состоянии. От попыток создать единую школу отказались все ведущие образовательные системы мира. Особенно интересна в этом смысле история британской системы образования, которая столетиями развивалась практически без вмешательства государства, ориентируясь только на общественные потребности. На континенте британцев часто называют дилетантами — в том смысле, что их деятельность не всегда подкреплена специализированной профессиональной подготовкой. Но просвещенный дилетант лучше образованного невежды — он, по крайней мере, осторожен при принятии социально значимых решений, тогда как невежда всегда категоричен. Картина мира для невежды заключена в границах его незнания. Отсюда и ответ на популярный ныне вопрос: если у нас такое хорошее образование, то почему мы так плохо живем? Наше образование не хорошее и не плохое — оно неэффективно и общественно бесполезно. Уже почти столетний опыт советской и постсоветской школы показывает, что она не может готовить ни квалифицированных сантехников, ни компетентных и ответственных государственных деятелей.

КОНКУРС ПЕРЕВОДОВ

Децим Магн Авсоний (IV в. н. э.)

УТРО (*Ephemer. 1*)

Mane iam clarum reserat fenestras,
iam strepit nidis vigilax hirundo:
tu velut primam mediamque noctem,
Parmeno, dormis.

Dormiunt glires hiemem perennem,
sed cibo parcunt; tibi causa somni,
multa quod potas nimiaque tendis
mole saginam.

Inde nec flexas sonus intrat aures,
et locum mentis sopor altus urget,
nec coruscantis oculos lacessunt
fulgura lucis.

Annua quondam iuveni quietem,
noctis et lucis vicibus manentem,
fabulae fingunt, cui Luna somnos
continuarit.¹

Surge, nugator, lacerande virgis!
*Surge, ne longus tibi somnus, unde
non times, detur!*² Rape membra molli,
Parmeno, lecto!

Fors et haec somnum tibi cantilena
Sapphico suadet modulata versu?
Lesbiae depelle modum quietis,
acer iambe!

Утро широко распахнуло окна.
Парменон, вставай, подымайся с ложа!
Ласточки давно уже все при деле,
Ты же — в постели.

Сони спят зимой — экономят пищу,
Ты же спишь, мой друг, из-за вечной пьянки.
Столько пить и есть невозможно — треснет
Бедное брюхо!

Дрыхнуть ты горазд — ничего не слышишь,
Сон глубокий мозги тебе туманит,
Белый свет не мучает глаз закрытых
Блеском сиянья.

Говорят, что как-то давно в пещере
Усыплен был юный пастух Селеной.
Беспробудно спал он и днем и ночью,
Пылкий любовник...

Ну, вставай, бездельник, достойный порки!
Чтобы сон не стал из простого — вечным,
Поднимай, давай, свои руки-ноги
С мягкого ложа!

Может быть, сапфических строк теченье
В сон тебя такой погрузило долгий?
Может быть, тебя поднимать с постели
Бешеным ямбом?

¹ Речь идет об Эндимионе.

² Цитата из Горация ("Оды", III, 11, 38–39).

Ранняя заря раскрывает окна,
Ласточка в гнезде затевает щебет —
Ты, Пармёнон, спишь, будто в поздний вечер
Или полночь.

Сони крепко спят долгою зимою,
Чтоб сберечь еду; снов твоих причина —
В том, что ни в еде, ни в вине пьянящем
Меры не знаешь.

Только потому звук не входит в уши,
Свет звезды дневной не щекочет очи,
И глубокий сон глубоко стесняет
Разум в размерах.

Мифы говорят о прекрасном муже:
Вечный сон его длился днем и ночью,
Ведь ему Луна продлевала время
Сладких видений.

Ты, бездельник, встань! (В детстве не пороли!)
Встань, иначе сон может не прерваться!
Хватит в снах витать, подымись с перины
Мягкой, Парменон!

Может, это легкий напев лесбосский
Навевает сон в этих грозных строчках?
Прогоняй тогда, ямб задорный, в шею
Сонные ритмы!

Перевод Натальи Кузнецовой, 7 класс

Рассвет давно стучится в окна,
Вокруг гнезда щебечет Прокна
И раздумячился восток — но
Ты крепко спишь, Пармён!

Зимуют в спячке землеройки,
Доверясь жировой прослойке;
Тебе ж обжорство и попойки
Внушили долгий сон.

Коснея, разум поникает,
И в уши звук не проникает,
И вялых век не размыкает
Сияние лучей:

Вот уже рассвет освещает окна,
Ласточка, проснувшись, в гнезде щебечет,
Ты же, Парменон, вечером и утром
Спишь беспробудно.

Сони, хоть и спят долгою зимою,
Берегут еду; ты же оттого спишь,
Что, обжорствуя, набиваешь брюхо
Грузом чрезмерным.

Ни единый звук в уши не пробьется,
Застарелый сон занял место мысли,
И блестящий свет глаз не потревожит,
Сомкнутых плотно.

Сказки говорят, что Луна однажды
Втихомолку юноше сон продлила;
С той поры он дремлет, не просыпаясь,
В полдень и в полночь.

Встань, лентяй! Побить бы такого палкой!
Встань, не то тебя вечный сон настигнет!
Ну же, Парменон, поднимай же тело
С мягкого ложа!

Может быть, тебя даже эта песня
Усыпляет нежной Сапфо строкою?
Прочь гони скорее, о ямб свирепый,
Лесбоса ритмы!

Перевод Майи Шляхтер, 11 класс

Так древле юноша, влюбленной
В него Селеной усыпленный,
Не отличал в истоме сонной
Полудней от ночей.

Подъем! Отставить разговоры!
Протри сомкнуты негой взоры!
Долой тюфяк, подушку, шторы —
Вставай, вставай скорей!

А может, этих ямбов скука
Тебя баюкает?.. А ну-ка,
Ворвись к бездельнику без стука,
Задиристый хорей!

Перевод В. В. Зельченко

Утро ясное растворяет ставни,
Ранних ласточек раздаётся пенье,
Спишь, Пармен? Ты спал и в начале ночи,
И в середине.

Зиму напролет древесные сони
Спят, еду берегут. А ты, напротив,
Набиваешь брюхо и пьешь в три горла —
Вот сна причина.

Вот и уши твои не слышат звуков,
Место разума занял сон глубокий,
И само сиянье лучей проворных
Глаз не тревожит.

Есть преданье: Луна, когда влюбилась,
Сны продлила юноше. В безмятежном
Круглый год пребывал покое, будь то
Днем или ночью.

Ну же, встань, лентяй, заслужил ты розгу!
Встань, чтоб вечный сон не постиг, откуда
Сам не ждешь! Давай, подними же члены
С мягкого ложа!

Может быть, мои стишки тебе тоже
Сон строфой сапфической навевают?
Ритм спокойный Лесбоса мы прогоним
Яростным ямбом!

Перевод Александра Дистеля, выпуск 2000 г.

Уж раннее утро окна раскрыло
И ласточка громко распелась в гнезде;
Но спит себе Парменон, премило
Улыбаясь звезде.

Столько спит только соня, орех приобняв,
Но еду экономит она;
А ты ешь и пьешь, и в этом неправ —
Вот причина сна.

Твой разум вытеснен долгою спячкой,
И звуки не входят в повернутый слух,
И очи не видят лучей горячих —
И нем ты, и глух.

Как-то влюбилась богиня Селена
В молодого красавца; решила она
Заключить любовь в оковы плена
Векового сна.

Вставай скорей, бездельник Парменон!
Проснись и пой, кончай ласкать подушку!
А то побьем тебя, “краса Эндимион”!
Подымай тушку!

А если стих сапфического лада,
Как колыбельная, тебя ласкает —
Прогоним же покой, ведь спать не надо!
Пусть ямб ругает!

Перевод Любы Лукиной, 7 класс

Солнечный луч уже заглянул в твои грязные окна;
Ласточки, вечно снующие птички, шумят в своих гнездах —
Ты же, о сонный Парменон, пернатым явно не ровня.

Даже и сони, что скованы сном непробудным всю зиму,
Корм берегут на весну; но ты, когда пробудишься,
Яств никаких не найдешь — всё съел и поэтому дрыхнешь.

Звук никакой не проникнет в твой слух, пораженный дремотой,
Сон, что крепче вина, вытесняет разум наружу,
Даже палящего солнца лучи тебе очи не дразнят.

Ходит по свету молва о юноше, спавшем веками:
Он безмятежно и ночью, и днем оставался в покое —
Вроде бы парню Луна подарила то вечное счастье...

Хоть бы под розгами встал ты скорее, бесстыжий бездельник!
Встань, чтобы жертва Морфея не стала жертвой Гипноса!
С мягкой перины своей подыми разомлевшее тело!

Может, сапфическим ритмом
стихи мои сон навевают?
Пусть же, Парменон, тогда
лесбосскую мерную песню
Гонит, вместе со сном,
напор язвительных ямбов!

*Перевод Дмитрия Тяпина
11 класс*

Спящий Эндимион. Рим, I в. н. э.

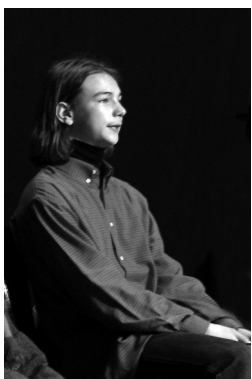

Фото: В. Н. Кравченко, М. Л. Шляхтер, В. М. Ярош

BRITANNICA

Латынь в английском

Из всех германских языков английский оказался самым восприимчивым к заимствованиям: в нем есть множество слов французского, итальянского, испанского, голландского и, конечно, латинского и греческого происхождения. Латинская лексика проникала в английский язык постепенно, в несколько этапов; мы остановимся только на самых ранних.

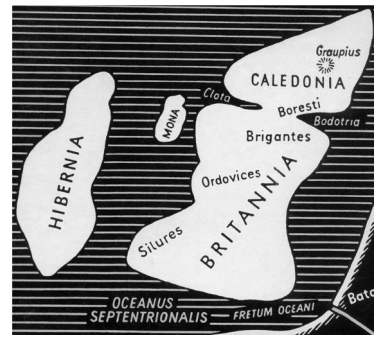
С VIII по II вв. до н. э. Британию заселили кельтские племена — гэлы, бритты, белги; однако исторической основой английского языка явились наречия древнегерманских племен англоv, саксов и ютов, которые переправились на остров с континента значительно позднее, в V–VI вв. н. э. К этому времени самые ранние заимствования из латыни уже проникли в язык кельтов, и вот как это произошло.

В I в. до н. э. кельтская Британия впервые подвергается нашествию римских легионов: в ходе галльских войн Цезарь дважды решил на морскую экспедицию в южные районы острова. Эти походы, впрочем, были более эффективны, чем эффективны; подлинное покорение Британии, при котором вся южная и центральная ее части перешли в руки римлян, произошло в 43 г. н. э. при императоре Клавдии.

Чтобы держать страну в повиновении, римляне построили в различных частях острова ряд укреплений для своих гарнизонов. Вот почему наиболее древними следами латинского языка в Британии являются названия городов с составной частью *-chester*, *-caster* или *-castle*, происходящие от латинских *castra* “военный лагерь” и *castellum* “укрепление”, а также с элементами *foss-* (от *fossa* “ров”) и *col(n)-* (от *colonia* “поселение”): *Manchester*, *Lancaster*, *Newcastle*, *Fossway*, *Fossbrook*, *Lincoln*, *Colchester* и др. Чтобы быстро перебрасывать легионы с одного места на другое, римляне провели мощные дороги, называемые *strata via*, откуда происходит английское *street* “улица”; слово, означающее стену (*wall*), связано с латинским *vallum*; и т. д.

Богатая зерном Британия была житницей Римской империи. Виллы римских землевладельцев и купцов превращались в укрепленные замки, вокруг которых концентрировалось население. Постепенно налаживавшийся натуральный обмен привел к возникновению городов — таких, как *Londinium* (совр. Лондон), *Eboracum* (совр. Йорк) и др., — а живое устное общение римлян с бриттами способствовало заимствованиям.

Был и другой путь раннего проникновения латинской лексики в Британию — через посредничество германских

Британия по Тациту

плем. Попытки римлян подчинить себе германцев, неоднократно предпринимавшиеся в I в. до н. э. — I в. н. э., успеха не имели, но экономические связи между Римом и Германией были прочными и разветвленными. Они шли преимущественно через римские колонии — гарнизоны, расположенные вдоль Рейна и Дуная. Об этом напоминают названия немецких городов *Köln* (от лат. *colonia*), *Koblenz* (от лат. *Confluentes*, буквально “стекающиеся” — Кобленц расположен при впадении Мозеля в Рейн), *Regensburg* (из лат. *Regina <castra>*), а также слова, обозначающие продукты сельского хозяйства, которые вывозили за Рейн купцы (*Wein* из лат. *vinum*, *Rettich* из лат. *radix*), термины строительного дела (*Mauer* из лат. *murus* “каменная стена” — в отличие от герм. *Wand* “плетень”, *Pforte* из лат. *porta*, *Fenster* из лат. *fenestra*) и многие другие.

Итак, завоевание кельтской Британии англосаксонскими племенами в V–VI вв. увеличило число усвоенных островитянами латинских заимствований — за счет слов, которые ранее восприняли от римлян германцы. Сравним лат. *vinum*, нем. *Wein* и англ. *wine*; лат. *campus*, нем. *Kampf* и англ. *camp*.

Следующий этап связан с христианизацией Британии в VI в. н. э.: с эпохи раннего средневековья латынь стала в Англии, как и по всей Европе, языком богослужения и науки. Так начался процесс проникновения в английский язык латинских книжных заимствований, который продолжался вплоть до XVI–XVII вв. Отличительной чертой этого лексического слоя является то, что в нем много глаголов и прилагательных,

в то время как самые ранние заимствования представлены почти исключительно существительными. В количественном отношении он в десятки раз превосходит слой устных заимствований, поэтому мы ограничимся лишь несколькими примерами: *dental* — от *dentalis* “зубной”, *frigid* — от *frigidus* “холодный”, *continuous* — от *continuus* “длительный”, *absent* — от *absens* “отстоящий от чего-либо, отсутствующий”, *distribute* — от *distributus* (причастие от *distribuere* “распределять”) и т. д.

Наконец, в 1066 г. при Гастингсе англосаксонская армия потерпела решающее поражение от войск Вильгельма Завоевателя. Покорение Англии французскими норманнами обогатило английский язык множеством латинизмов, пришедших из старофранцузского — но это уже отдельный сюжет.

Екатерина Желтова

8 класс

Голова Горгоны (предположительно)
Рельеф из храма Минервы-Сулис
в г. Бат на юго-западе Англии

А. Л. Пастернак

Тразименский туман

Вступительная заметка Д. О. Торшилова

Уроки древних языков в русских классических гимназиях конца XIX — начала XX в. описаны в мемуарах многих выпускников (они частично собраны на страничке “Воспоминание об уроке латыни” сайта нашей гимназии, <http://610.ru/study/latinmemoirs/>, и в указанных там статьях). Так или иначе, из них далеко не всегда складывается радужная картина. В воспоминаниях (особенно в тех, авторы которых учились в классической гимназии не слишком успешно) повторяются, словно *loci communes*, жалобы на скуку и жесткость грамматической зубрежки, на беспросветное однообразие разбора никому не нужных древних авторов, на панический страх вызова к доске. Жалобы переходят в обвинения: классическому образованию ставится в вину полное несовпадение с чаяниями и интересами гимназиста, террористическое отношение к этому несчастному гимназисту и, главное, бесполезность и совершенная чуждость окружающей жизни.

Мемуары А. Л. Пастернака (1893–1982), архитектора, брата Б. Л. Пастернака, на этом фоне оказываются неожиданным исключением. Начав со стандартного, легко узнаваемого образа скуки изучения “мертвых языков”, он заканчивает тем, как расслышал в них нечто совсем иное. Мы не знаем, что произошло с гимназистом Сашей на уроке по Титу Ливию, когда за скупыми латинскими строками (они приведены в конце текста) он увидел столь трогательную картину. Но пускай даже эта картина ему просто померещилась: важнее последние из публикуемых страниц, рассказывающие о том, что А. Л. Пастернак, вовсе не став специалистом, филологом или историком, сумел все же что-то вынести из своего классического образования, что-то, оставшееся с ним и оправдавшее девиз *non scholae, sed vitae discimus*.

Текст, снабженный условным заглавием, печатается по изд.: А. Л. Пастернак. *Воспоминания*. М., 2002. С. 282–288. За идею публикации редакция благодарит Мару Маланову.

Когда сейчас я переношу себя в тот далекий и невозвратимый мир гимназии¹ и думаю о многом, с нею связанном, я не перестаю удивляться, как недаровито преподносили нам, в нашем классе (я отмечаю здесь, что в классе моего брата, даже по его тогдашним словам — все было куда выше, интереснее и потому — увлекательнее!), особенно те два предмета, которыми и отличалась наша гимназия. Я имею тут в виду те два языка, которые назывались “мертвыми”, что одно уже обеспечивало им возможное проявление скуки. Мы как-то преодолевали все трудности грамматики и синтаксиса и с трудом форсировали болота каких-то хрестоматийных фраз, взятых из античных текстов — только для подтверждения тех или иных правил — весьма учеными мужами с однородными и нерусскими фамилиями, стоящими на титульных листах ими составленных учебников, как Нетушиль или Поспешиль² (что я не вру, свидетельствуют сами эти учебники, которые у меня на руках). Эти имена вызывали в нас острейшее желание придумать им другие схожие, но обидные фамилии — например, Надуриль или подобное.

А пока все это кое-как шло, со скрипом и трудом, вперед — мы либо отчаянно скучали, проклиная уроки, либо занимались чем-нибудь посторонним из недоделанных еще домашних заданий. Я не думаю сейчас, что в те годы я был самым идиотичным учеником в нашем классе, однако же я тогда, да

и какое-то время и после того, был вполне уверен, что все эти “примеры” из текстов, якобы Цезаря или Ливия, Ксенофонта или Платона, и других древних авторов (как значилось в конце каждой фразы), — что все это на самом-то деле было состряпано вот этими самыми Нетушиль-Поспешильями и специально для правил на применения этих *dum* и *cum*.

Сейчас мне непонятно, как могло подобное зародиться и обрести такую надо мною силу внушения, и стыдно не только говорить об этом, но даже и подумать — и однако же! так оно ведь тогда и было!

И даже когда наш класс приступил к чтению, переводам и разбору целых больших отрывков из античной прозы, например, из Ксенофонта “Анабазиса”, автор, его имя и он сам для нас — думаю, всех учеников класса — был не живым некогда человеком, а каким-то призрачным фантомом: в самом деле, кто его знает, может быть, все это и правда было вымышлено этими Поспешильями? Ведь никто не подумал разъяснить нам об этом авторе, кто он был, что он писал, куда жил и что делал, никто не пытался нас заинтересовать сутью дела — а ведь как-никак можно было бы нас увлечь тем хотя бы, что автор этих мемуарных, географических, историографических, наконец, просто житейско-бытовых повествований был не только живым, а не вымышленным лицом, но очевидцем и участником этого похода и отступле-

А. Л. Пастернак
в год окончания московской
Пятой гимназии Фото 1911 г.

ния! Ни о нем, ни о его времени, ни о значении этой замечательной прозы, написанной совсем не “мертвым” языком, а самым наизговорнейшим, на котором тогда говорил весь древний мир и который звучал на самом-то деле — так музыкально красиво! Но нам ни об этом, ни о задачах и целях этих авторов никто ни полслова не сказал, нас увлекших бы... Вот и получилось, что мы по святому, казалось бы, давно уже исчезнувшему принципу допотопной бурсы времен Гоголя учили все “наизусть без понимания” — как мы тогда сами над собой издевались.

В таком падении грустно, но приходится признаваться — так уж пошло; а остановить и изменить это даже время не смогло! Мы до невозможности боялись осточертевших нам античных авторов, главной целью которых было нас унижить и над нами поиздеваться. Потому всеми ухищрениями гимназических навыков мы стремились отлынивать от жути вызова “к доске”. Но Немезида не простила нам постыдного нашего отношения к предмету и, вылавливая нас отовсюду, ставила перед доской, со всеми явными последствиями беглых преступников. Можно объяснить только нашей слабостью, что блистательный, вот уже третье тысячелетие ежеминутно оживающий мощный водомет искрящейся красоты и хрустальной чистоты и прозрачности — нашими трудами, на наших уроках превращал себя в мутную, хилую, вялую струйку невнятной речи — то есть в “школьный предмет”, в таком его виде, действительно, никому не нужный, лишний и подлинно уж мертвецки-мертвый язык!

Но все же к какому-то времени некоторым из учеников, и мне в их числе, стало проясняться, что “мертвый” язык и его живой прообраз, бывший разговорным когда-то, — еще и сейчас сосуществуют; что тут две ипостаси одного явления, одна — по изложению, другая — по сути самого явления, и что они могут отлично уживаться, то есть идти дружно не пересекающими себя направлениями.

Почти более половины лет, положенных на обучение языку, для меня, в сущности, пропало; эти линии рядком, бок о бок бежали, нигде не сходясь и даже не задевая друг друга! Я тогда — впрочем, как и другие соученики — не подозревал даже о существовании второй, параллельной дороги! Но — в нужный момент сила истинного искусства сама скагапультировала меня и некоторых из нас с линии мертвого языка на другую, вдохновенную и искрящуюся красотой орбиту античного живого слова. С опозданием непоправимым, постепенно и медленно, но все явственней, стали доноситься из далей тумана звуки божественной эллинской речи — да и римской тоже! В сухих, скучнейших, ранее казалось, реляциях римских полководцев, консулов и военных историографов, всех тех, кого мы, как огня, боялись, стала раскрываться — в четкости наблюдения, в образности и живости изложения, в построениях фраз — кра-

Спящий гимназист
Рисунок Л. О. Пастернака.
1902 г.

сота и сила чудесных, лаконичных и смело-выразительных описаний!

Вот, к примеру, отрывок, запомнившийся мне с гимназических еще лет, о начале сражения римлян с пуническим войском Ганнибала. Передаю его не дословно, конечно, но так, как он с тех пор мне помнится:

Очень раннее утро, только-только просыпающаяся природа; густой, предрассветный туман клубится, чуть розовеет в свете еще не выкатившегося из-за гор светила. Постепенно утро разгоняет туман; он медленно проползает по серой, сонной еще глади озера. На том берегу чувствуется незримое еще скопление врага, притихшего в зарослях тростника. Кругом все тихо; птицы не подают еще своих голосов. Напряженное ожидание, как угроза, скрывается в обманчивой тишине — но не безжизненности — природы. Солнце, показавшее, наконец, над горами край своего раскаленного диска, выхватывает из предутреннего тумана — то тут, то там — вспыхивающие искры на гребешке шлема, на острие копья, на значке когорты, и этими блесками выдает присутствие войск, спрятанных в засаде.

В молчащей тревожности стоят солдаты и ожидают условного крика рожка горниста, который резкостью звука разрывает тишину природы.

Последнее передано почти что дословно: этот “крик рожка” меня уже тогда поразил. Так описал утро на Тразименском озере, где Ганнибал наголову разбил римлян, — не поэт, не художник, а всего лишь историк, ненавистный нам Тит Ливий, гроза гимназистов, виновник их бед! Историк только — а писал словами и образами художника и поэта! А мы, идиоты, зубрили тексты, не вникая ни в их красоту, ни в сочные, краткие, но такие выразительные фразы.

Ника. Рельеф из храма
Бескрылой Победы.
Афины, середина V в. до н. э.

А Юлий Цезарь? Кто, сидя за партой, не трепетал в чудовищном страхе, ожидая в тоске спасительного звонка, пока очередная жертва сменяла уже павшую? А ведь и у этого жупела немало замечательных описаний, подобных стихотворениям в прозе. И если в этом, все же “армейском” языке (*arma virumque cano*) встречаются чудесные строки, то что же сказать о том, другом мертвом языке, абсолютно музыкальном? Через сложности самого этого языка, через завалы грамматических и синтаксических трудностей — древнегреческая речь начала постепенно обращаться к нам красотой своего звучания. Как туман Тразименского озера, стал таять и исчезать туман наших занятий, а звуки и слова дивно-музыкальных фрагментов расцветали все ярче и яснее. <...>

К чести гимназистов нашего класса скажу, что в восьмом, последнем классе, группа учеников — и я в том числе — совместно с преподавателем греческого языка устроили большой вечер греческой античной литературы.³ Был прочитан вводный доклад, написанный учеником П. Рудиком,⁴

в качестве примеров к докладу были прочтены (наизусть) стихи разных поэтов античности; во втором отделении нами был поставлен второй акт Софокловой “Антигоны”. Без игры и бутафории, стоя у рампы в гимназических куртках, без суфлера, мы читали полный текст наизусть, как ныне говорят — “в концертном исполнении”. В зале среди приглашенных был цвет профессуры филологического факультета Московского университета. И среди них — столп языкознания и литературы античного мира — А. А. Грушка.⁵ Мне передавали, что он был очень доволен вечером, особенно чтением “Антигоны”. Для нас это было серьезной похвалой. Мне пришлось исполнять роль Антигоны. В наиболее патетических местах я невольно, того не желая, переходил на почти что игровую декламацию; тогда в зале мне хлопали...

Я забежал сильно вперед. Но, заговорив уже о восьмом классе гимназии, я закончу эти воспоминания другими мыслями. Гимназия, несомненно, и несмотря на не всегда

и не во всем удачное преподавание все же свое дело для меня делала; она упорядочила и расширила еще с детства мне привитую приверженность — из-за отца⁶ — к античному миру и искусству. Образцы античной скульптуры, вазовой росписи и храмовой архитектуры, знакомые мне по отцовым книгам с моей еще догимназической жизни, а теперь предлагаемые в виде иллюстраций к истории Греции, оказались сущей правдой, историческими реалиями, а не передачей детских сказок. <...>

Моими друзьями становились уже в те годы — конца гимназии — одинаково как архаичные обрубки-“ксоаны” деревянных истуканов, захватывающей, чарующей музыкой их скользящих, неясных блуждающих улыбок, так и зрелая уже скульптура движения — у Мирона, Фидия или, например, на изумительных анонимных фризах храмака Бескрылой Победы — этих движущихся торсов Ники! Не перечисляя всего, скажу, что уже тогда гимназист ощутил все это как эталон величия духа и красоты тела: καλοὶ κάγαθοί.

P. S. *Тит Ливий, XXII, 4, 4–6: начало битвы у Тразименского озера (217 г. до н. э.)*

Flaminius cum pridie solis occasu ad lacum pervenisset, inexplorato postero die vixdum satis certa luce angustiis superatis, postquam in patentiore campum pandi agmen coepit, id tantum hostium, quod ex adverso erat, conspexit: ab tergo ac super caput deceptae insidiae. Poenus ubi, id quod petierat, clausum lacu ac montibus et circumfusum suis copiis habuit hostem, signum omnibus dat simul invadendi. Qui ubi, qua cuique proximum fuit, decurrerunt, eo magis Romanis subita atque improvisa res fuit, quod orta ex lacu nebula campo quam montibus densior sederat agminaque hostium ex pluribus collibus ipsa inter se satis conspecta eoque magis pariter decurrerant.

Фламиний подошел к озеру на закате, а на другой день без предварительной разведки миновал ущелье, едва только рассвело; поэтому, когда войско стало разворачиваться на открытом пространстве, он увидел только тех врагов, что стояли напротив, а засады в тылу и сверху остались незамеченными. Пуниец, получив то, чего добивался — неприятеля, запертого озером и горами и окруженного войском, — дает сигнал к одновременному наступлению всех частей. Когда они ринулись вниз по склонам, кому как было ближе, битва оказалась для римлян тем более внезапной и неожиданной, что поднявшийся от озера туман на равнине был гуще, чем в горах, — а вражеские воины хорошо различали друг друга, и тем легче им было ринуться со всех холмов одновременно.

¹ Как и его старший брат, А. Л. Пастернак учился в московской Пятой гимназии (1903–1911) и окончил ее с золотой медалью (аттестат зрелости см.: Лица. Вып. 3. М.; СПб., 1993. С. 276–277). Пятая классическая гимназия, основанная в 1865 г., пользовалась репутацией одной из лучших московских школ; после реформы 1902 г. она осталась единственной в Москве казенной гимназией с обязательным изучением греческого. В числе воспитанников Пятой гимназии — В. С. Соловьев, философ и музыкальный критик Э. К. Метнер, лексикограф Д. Н. Ушаков, не кончивший курса В. В. Маяковский (который получил в школе “античное” прозвище Одноглазый Полифем), биохимик А. Р. Кизель и др.

² Сочетание двух этих чешских фамилий — для пушного комического эффекта искаженных — запомнились многим гимназистам рубежа XIX и XX вв. и, наряду с чеховским “человеком в футляре”, стало эмблемой мертвящей рутины школьного классицизма (см., напр.: *Андрей Белый*. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 295). Между тем оба эти педагога, попав в Россию в числе славянских стипендиатов (о них см.: Абарис. 2005. Вып. 6. С. 23–24), зарекомендовали себя не только знатоками, но и энтузиастами своего дела. Иван Вячеславович Нетушил (1850–1928) — энергичный ученый, автор трудов по латинскому языкознанию и истории Рима, член-корреспондент Петербургской академии наук, профессор, а в 1912–1919 гг. ректор Харьковского университета; в девятом классе многие из вас пользовались его учебными

комментариями к Овидию (1891). Алексей Осипович (Алоиз) Поспишил (1851–1929) занимался Платоном и историей чешско-русских культурных связей, основал педагогическое Товарищество Яна Амоса Коменского в Киеве (1907); автор множества школьных пособий, в том числе древнегреческо-русского словаря (1881), которому удавалось выдерживать конкуренцию со словарем Вейсмана. Много лет преподавал в Первой киевской гимназии, один из выпускников которой в автобиографии мимоходом дал портретную зарисовку Поспишила (*К. Г. Паустовский*. Собрание сочинений: В 8-и тт. Т. 4. М., 1968. С. 169–170).

³ Подробнее о программе этого вечера рассказывает посвященное ему издание: *Московская V классическая гимназия*. 16 февраля 1911 г. Эллинский вечер, устраиваемый учениками VIII класса под руководством С. П. Гвоздева: Тексты и программа. М., 1911.

⁵ Петр Антонович Рудик (1893–1983), впоследствии — один из основателей отечественной спортивной психологии.

⁶ Аполлон Аполлонович Грушка (1870–1929) — профессор Московского университета, выдающийся филолог-латинист и яркий преподаватель. В описываемое время среди слушателей университетских лекций Грушки был Борис Пастернак, ценивший их очень высоко (см.: *К. Г. Локс*. Повесть об одном десятилетии: 1907–1917 // *Минувшее*. Вып. 15. М.; СПб., 1994. С. 61–62).

⁷ Леонид Осипович Пастернак (1862–1945), живописец и график, преподаватель Училища живописи, ваяния и зодчества.

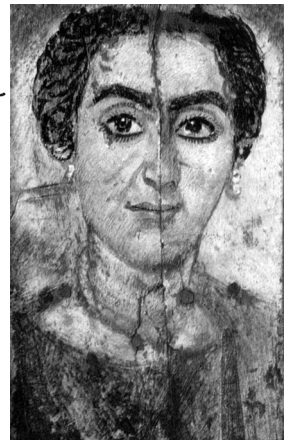
ЧУЖИЕ ПИСЬМА

Эту подборку составили восемь греческих папирусных писем III в. до н. э. — III в. н. э., обнаруженные в разные годы в песках Египта — этом неисчерпаемом архиве древнего мира. За шаблонными фразами, неловкими оборотами и грамматическими ошибками писем скрыты характеры и обстоятельства, которые нам остается лишь домысливать. Так, мы прочтем между строк, что чиновник из письма № 3 получает мзду от богатого Демофонта и фактически служит у него на посылках; что учитель из письма № 8 нервничает из-за платы, которую должен привезти ему отец Фонида; что его коллега из письма № 1, не продвинувшись с учеником дальше шестой песни “Илиады”, подался вниз по Нилу в поисках более выгодного места (о плачевном статусе античных школьных учителей ярко свидетельствует письмо № 6); что отправитель письма № 5 завербовался в римскую армию (служившие в ней варвары часто принимали условные “латинские” имена), но потерпел крах и теперь содрогается при мысли, что родственник-доброхот рассказал матери правду о его долгах; нетрудно догадаться (хотя догадка эта будет печальной), почему адресата письма № 2 просят привезти с собой белый хитон его сестры. Что касается всего остального, то здесь открыт простор для вашей фантазии.

1. Письмо матери сыну-школьнику (III в. н. э.; PОху 930)

[..] ἢ μή ὄκνη μοι [γ]ράφειν καὶ περὶ ὧν ἐ[ὰ]ν χρεῖαν ἔχῃς ἐντεῦθεν. Ἐλοιπήθην ἐπιγνοῦσα παρὰ τῆς θυγατρὸς τοῦ καθηγητοῦ ἡμῶν Διογένοους καταπεπλευκέναι αὐτόν· ἡμερίμουν γὰρ περὶ αὐτοῦ εἰδυῖα, ὅτι κατὰ δύναμιν μέλλει σοι προσέχειν. Ἐμέλησε δέ μοι πέμψαι καὶ πυθέσθαι περὶ τῆς ὑγίας σου καὶ ἐπιγνῶναι, τί ἀναγειγνώσκεις. Καὶ ἔλεγεν τὸ ζῆτα, ἐμαρτύρει δὲ πολλὰ περὶ τοῦ παιδαγωγοῦ σου. Ὡστε οὖν, τέκνον, μελησάτω σοί τε καὶ τῷ παιδαγωγῷ σου καθήκοντι καθηγητῇ σε παραβάλλειν. Ἀσπάζονται σε πολλὰ αἱ ἀδελφαί σου καὶ τὰ ἀβάσκαντα παιδιά Θεωνίδος καὶ οἱ ἡμέτεροι πάντες κατ’ ὄνομα. Ἀσπασαί τὸν τεμιώτατον παιδαγωγόν σου Ἐρωτα. [...]

... Не стесняйся писать и о том, не нужно ли тебе чего отсюда. Я расстроилась, узнав от дочери твоего учителя Диогена, что он уехал вниз по Нилу. Ведь я и не вообразилась о нем, зная, что он, сколько хватит сил, будет о тебе печаль. Я даже решила написать ему, чтобы разузнать о твоём здоровье и спросить, что ты читаешь. И он отвечал, что шестую песнь, ^и много рассказывал о твоём рабе-педагоге. Ну так вот, сынок, теперь вам с педагогом надобно позаботиться, как подобрать подходящего учителя. Большой тебе привет от твоих сестёр и от детей Фонида, да не коснется их дурной маж, и от всех наших. Передай привет почтеннейшему педагогу твоему Эрота.

2. Письмо о болезни сестры (III в. до н. э.; PТebt 421)

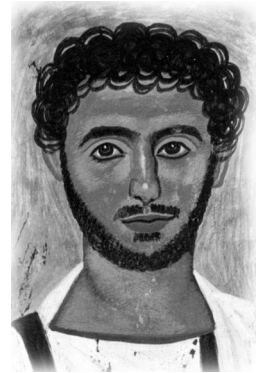
Ἀπίων Διδύμω χαίρειν. Πάντα ὑπερθέμενος ἐξαυτῆς ἅμα τῷ λαβεῖν σε ταῦτά μου τὰ γράμματα γενοῦ πρὸς ἐμέ, ἐπεὶ ἡ ἀδελφή σου νοσθεύεται. Καὶ τὸ κιτῶνιον αὐτῆς τὸ λευκὸν τὸ παρὰ σοὶ ἐνιγκὸν ἐρχ[ό]μενος, τὸ δὲ καλλάινον μ[ὴ] ἐνίγκης, ἀλλὰ θέλεις αὐτὸ πωλῆσαι [ἢ] πώλησον, θέλεις αὐτὸ ἀφεῖναι τῇ θυγατρὶ σ[ου] ἄφες. Ἄλλὰ μὴ ἀμελήσης τι αὐτῆς [κ]αὶ μὴ σκύλης τὴν γ[υ]ναϊκά σου ἢ τὰ παιδιά, ἐρχόμεν[ο]ς δὲ ἐρχοῖς Θεογενίδα. Ἐρρωθθαί σε εὖχομαι.

А

Апион приветствует Дидима. Сразу как получим это моё письмо, фрось всё и спешим ко мне: сестра твоя кашкет. Возьми также с собой её белый хитон, а бирюзового не бери: хочешь его продать — продай, хочешь придержать для своей дочери — придержи. Но только не оставляй сестру заботами, а жему твою и детей беспокоить ни к чему. Соберись — приезжай в Февгениду. Молюсь о твоём здоровье. ➡

6. Ο *подарках учителям* (обрывок письма II в. н. э.; PGIess 80)

[..]σου. Ἀσπάζεται σε [Ἡρα]ιδουῶς κα[ὶ] Ἡμου[.].ήτης κα[ὶ] Ἑλένη καὶ Τינוῦτις κα[ὶ] ὁ πάπας [α]ὐτῆς καὶ πάντες ἐν οἴκῳ καὶ ἡ μήτηρ [τῆς γλυκυ]τάτης Ἡραιδουῶτος. Τὰ [πε]ριστερίδι[α καὶ ὀ]ρνυθάρια, ἃ οὐκ ἤθωθα ἐσθίειν, πέμψον[.] ...[.] τῷ καθηγητῇ Ἡραιδουῶτος. [Πα]ρέκαλεσ[έ] σε Ἑλένη ἡ μήτηρ Ἀπολλωνίου διὰ χερὸς ἔχειν Ἑρμαῖον τὸν υἱὸν αὐτῆς. Ὅσα ποτὲ οὐκ ἔφαγον παρὰ σοῦ ἀφεςτία[...][...]ας, πέμψον τῷ καθηγητῇ τῆς θυγατρὸς μου, ἵνα φιλοπονήσῃ εἰς αὐτήν. Ἐρρῶσθαί σε εὐ]χομαι. Χοῖακ ιζ'.

Вниматель медя и Урауда, и ~~Термиа~~, и Елена, и Пинкитис, и ея давошана, и все дамашские, и мать поделенной Урауды. Термидиов и пингек, которые я не ем, отомилли ~~зато~~ учитель Урауды. Елена, мать Аполлонии, очень просила, чтобы ты привезла за ея сыном Термием. А вот, это я не дам, когда дам у меда в ростях, отирави учителью мойю дочери: пусть занимается с нею усердно. Мамоси отвои згорюте. Месяца хоюана, 17 числа.

7. *Упреки брату* (III в. н. э.; POxy 2783)

Ἀπολλώνιος Ἀρτεμᾶ τῷ ἀδελφῷ χαίρειν. Πρὸ μὲν παντὸς εὐχομε πᾶσι τοῖς θεοῖς τὰ ἐν βίῳ σοι κάλλιστα ὑπαρχθῆναι καὶ νῦν τῷ ἀδελφῷ σου ἔδωκα (δραχμᾶς) φ', καὶ τῷ Πτολεμαίῳ ἤδη μετεβαλόμην ἀπὸ μέρους, καθὼς ἠθέλησεν. Θαυμάζω δέ, ὅτι εἰς μὲν ἔλαιον τὸ τοσοῦτο ἀργύριον ἐχώρησαι. Ἐξ δις ἔβαλας· ἐνθάδε γὰρ τὸ Ἀμμωνιακὸν (δραχμῶν) σκ', τὸ δὲ Αὐαστικὸν (δραχμῶν) σ' ὅθεν ἡ εἰς ἄλλην χρίαν λαμβάνεις δυναμένην ἡμᾶς ὠφελῆσαι, καλῶς ποιεῖς. Ἐγραψας δέ μοι ὡς ἐμοῦ σε κατακόπτοντος ἄποντα, καὶ τοῦτο δὲ χεῖρω τῶν πρώτων. Εἰ γὰρ ἀπαρτὶ ἐπίστασαί μου τὴν γνώμην, οὐκ ὀφίλις ἄνθρωπος κρίνεσθαι. Καὶ ἄλλοτέ σοι ἔγραψα, ὅτι οὐτ' ἐγὼ τὸν κάμηλον Ἑρμία κατέσχον οὔτε ἄλλου τινός. Εἰ δὲ ταῦτα θέλεις με γράφιν, γράφω σοι. Τάχα γὰρ οὐκ ἀναγινώσκεις ἃ σοι γράφω. Ὅσα δὲ ἔπαθαν ἐνθάδε χάριν τῶν καμήλων τῆς Κόπτου ὃ τε Ἀμμωνᾶς καὶ ὁ αὐτοματάρης Ἀνθρωπᾶς καὶ οἱ ἄλλοι πάντες δύνασαι ἀκοῦσαι ἀπὸ τοῦ ἀδελφοῦ σου. Οἱ δὲ τάμροι σου οἱ κατάραιοι στρηνίωσι καὶ πολλὰ ὑπὲρ αὐτῶν προήλθα χάριν σοῦ. Ἐὰν[...][...]..... [..]... βουλήν ἔχω, ἐρῶ σοι. Ἴνα μὴ δοκῶ πολλὰ γράφιν, ἐρρῶσθαί σε <εὐ]χομαι. Τὸν τυφλὸν ὁ ἀδελφός σου ἀνήκασαί μοι πωλῆσαι.

Аполлоний криветисъветъ брату Артемаса. В первую голову молюсь всем богам, чтобы в жизни все у тебя было как у меня лучше. Молю я отдам по тебе брату 500 драхм и Птолемаю уже отослал тебе золота, как он просил. Давилоси, сколько денег у вас было на масло. Медя, как видно, крупно повезло: между прочим, аммонийское масло идет по 220 драхм, а из оазиса по 100. Но если ты итраитишь откуда на это другое, это может пойти и на пользу, то красное делание. Ты написала мне, что я одурачил тебя за твою ошибку - а это еще хуже прежнее. Если хочешь знать мое мнение, медя и за золовка-то сшибать можно. И раньше писала тебе, что не дам верблюда ни у Термиа, ни у кого еще; если ты это сделаешь от меня услышав, вот я тебе пишу. Но ты ведь, покарый, и не читаешь моих писем. А отом, чего ка термелись пишу с коптскими верблюдами и Аммонас, и Аитропас-механик, и все остальные, попросишь спросить у своего брата. Кстати, даки твои проклятые okaza-лись с коровом, и я - по твою милости - из-за них велю хонсу в суд. Если решишь ~~сделать~~, сообщу тебе. Это не показывать никому - только забавлять. P.S. Сленого твою брат выкупил меня продать.

8. *Школьник отцу* (начало III в. до н. э.; SB III, 6262)

Κυρίῳ μου πατρὶ Ἀρίονι Θῶνις χαίρειν. Πρὸ μὲν πάντων τὸ προσκύνημά σου ποιῶ καθ' ἐκάστην ἡμέραν καὶ εὐχόμενος, ἵνα σε ἀπολάβω ὀλοκληροῦντα καὶ τοὺς ἡμῶν πάντας, παρ' οἷς ἐπιξενοῦμαι πατρῷοις θεοῖς. Ἴδου πέμπτον σοι τοῦτο γράφω, καὶ σύ, εἰ μὴ ἅπαξ μόνον, οὐκ ἔγραψάς μοι οὐδὲ περὶ τῆς σῆς ὀλοκληρίας οὐδὲ πρὸς ἐμὲ ἦλθας. Ταξάμενός μοι ὅτι ἔρχομε' οὐκ ἦλθας, ἵνα καὶ μάθης, ἢ προσέχει μοι ὁ διδάσκαλος ἢ οὐ. Καὶ αὐτὸς οὖν καθ' ἡμέρα(ν) σχεδοῦ τι πυνθάνετε περὶ σοῦ, ὅτι 'οὐπω ἔρχεστε;' Κἀγὼ οὖν λέγω ἕνα 'νέ'. Σπούδασον οὖν τάχιον ἐλθεῖν πρὸς ἐμέ, ἵνα με διδάξῃ, ὡς πρόθυμός ἐστίν. Ἡ ἥς μετ' ἐμοῦ ἀναβάς, πάλε ἤμην διδαχθεῖς. Μνημόνευσον δὲ ἐρχόμενος, ὧν ἔγραψά σοι πολλάκις. Τάχιον οὖν ἦκε πρὸς ἡμᾶς, πρὶν οὐ εἰς τὰ ἄνω μέρη ἀπέλθῃ. Ἀσπάζω πολλὰ τοὺς ἡμῶν πάντας κατ' ὄνομα σὺν τοῖς φιλοῦντι ἡμᾶς, ἀσπάζω δὲ καὶ τοὺς διδασκάλους μου. Ἐρρωσό μοι, κύριέ μου πάτερ, εὐτυχοῦντι μοι σὺν τοῖς ἀβασκάντοις μου ἀδελφοῖς, ὡς εὐχομαι, πολλοῖς χρόνοις. Μνημονεύσατε τῶν περιστεριδίων ἡμῶν.

Господиному моему отцу Армиону Рониу шлет привет. Во-первых, я молюсь за тебя всякий день и прошу доминиканских добров, у которых я сейчас в гостях, чтобы заставить тебя в добром здравии, и всех наших. Вот, уже пятое письмо тебе пишу, а ты мне, кроме одного раза, ни написал ни строчки даже о твоем здоровье, и не приехал ко мне. Пообещал мне: "Еду", а не приехал, чтобы хоть узнать, занимается ли мой учитель или нет. А он тут же не капризничая спрашивает про тебя: "Еще не едет?", а я в ответ одно: "Нет". Так что постараюсь скорее приехать, чтобы он меня бы давно выучил. А как соберешься, приходи вместе со мной, меня бы давно выучил. А как соберешься, приходи, о тебе я тебе часто писал. В общем, приезжай к нам подороже, пока он не отбыл в Верхний Египет. Книжкою всем нашим поименно и тем, кто нас любит, поклон и моему учителю. До свиданья, господин мой отец, и будь счастливым вместе с моими братьями, и чтобы не коснулся их дурной маж, как я о том молюсь, до тех пор.

PS: Не забудьте там про моих голубей.

Переводы Григория Воробьева, 11 класс (1), Анны Хесиной, 10 класс (2, 6),
Анны Михайловой, 7 класс (3), Артемия Ивановина, 10 класс (4),
Арсения Ветушко, 10 класс (5, 8), и Александры Горбовой, выпуск 2005 г. (7).
Рисунки Юлии Поляковой, 9 класс, и С. В. Поляковой

В оформлении использованы фаяомские портреты II в. н. э. и фрагмент терракоты I в. до н. э. из Смирны

Из РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

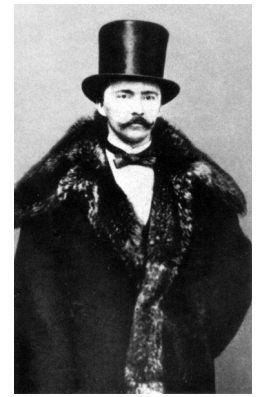
Carminis Nipponici a Matsuo Basho conscripti aemulatio Latina

С ветки на ветку
Тихо стекают капли...
Дождик весенний.
М. Басё

Lentae per ramos destillant arbore guttae;
at non sum tristis, quia ver advenit in urbem.

Маргарита Васильева, 11 класс

Лингвистическая Троя Шлимана

Даже те, кто, познакомившись поближе с характером и достижениями Генриха Шлимана, обнаруживают их границы, должны признать, что притягательность его личности остается велика: есть в ней что-то всемирно-историческое и неповторимое. Недаром руководители и друзья школы в какой-то момент взвешивали, не дать ли первой возрожденной классической гимназии в Петербурге имя Шлимана. Юбилейное 75-е заседание кружка “Классика”, посвященное этой судьбе,¹ в свою очередь показало, что она находит отклик у людей, связанных с гимназией, какого бы возраста они ни были.

Особенный человек Шлиман — миллионер из почти ничего и почти сироты, почетный гражданин Петербурга и Берлина, владелец домов в Париже, строитель и хозяин дворца Ἡλίου Μέλαιρον в Афинах. На афинском Мавзолее Шлимана высечено просто: ΤΩΙ ΗΡΩΙ, “Герою”. Им построен Немецкий археологический институт в Афинах; его Троянская коллекция, подаренная в Берлин, пятьдесят послевоенных лет числилась пропавшей, пока не обнаружилась в кладовых московского Пушкинского музея и Эрмитажа. Его имя носят несколько гимназий и площадей в европейских столицах, а Шлимановское общество издает специально посвященный ему журнал в Анкерсхагене — мекленбургском селенице, где он провел несколько отроческих лет. За последние двадцать пять лет жизни Шлиман не только раскопал центры микенской культуры, но и выпустил свои десять книг, которые писал обычно по-французски или по-английски, а переводы на другие языки, в том числе и на немецкий, сам редактировал. Он принес миру немало новостей о прошлом — вот и о нем по сегодня не иссякают новости.

Чтобы раскопать холм Гиссарлык на равнине Трояды, нужны были большие средства. Шлиман располагал ими,

потому что через оптовую торговлю в России и банкирскую деятельность в Калифорнии за два десятилетия (1846–1866) стал очень богат. Кроме прилежания и предприимчивости, ответственности и сметки его излюбленным инструментом оказалась способность и решимость вести деловую переписку на множестве языков — более 60 000 писем Шлимана хранится до сих пор в его архиве при Американской школе в Афинах (*Gennadius Library*). Языки были первой Троей Шлимана, почти от нуля созданное богатство — второй, и только потом, постепенно, пришел он к мысли о третьей Трое, гомеровской. Хотя сам он рассказал об этом иначе — так, как стало ему казаться *ex eventu*, — а люди охотно ему поверили,² свидетельства о его жизни и самый ход ее хорошо показывают именно такую последовательность. Как бы там ни было, сейчас речь о языках, которые в любом случае сыграли ключевую роль в обретении Шлиманом как значительных богатств, так и великой славы.³

Родившись 6 января 1822 г. в семье образованного, но далеко не примерного пастора, мальчик Шлиман разговаривал на местном северно-немецком диалекте, который называют *Plattdeutsch*. Даже и много десятилетий спустя, привыкнув пользоваться литературным немецким языком (*Hochdeutsch*), он — не умеющий забывать друзей детства, ни сверстников, ни старших, — любил поболтать на родном диалекте со знакомыми своей юности. В лингвистическом отношении Шлиман, как видим, с самого начала попал в затруднительную сперва, зато развивающую впоследствии ситуацию двуязычия — заставляя человека особо осваивать литературную речь, она дает ему богатый материал для осознания того, как могут разниться и походить друг на друга два близкородственных языка, а это полезнейший лингвистический опыт.

Отец, кажется, показал ему начала латыни; впрочем, Шлиман, как хороший сын, всегда готов был с превышением оценивать то небольшое, что получил от отца. Поступая в Ней-Стрелицкую гимназию под руководством К. Андресса, который преподавал латынь и его несколькими годами старшему кузену Адольфу Шлиману, он слышал, как тот скандирует наизусть Гомера. Из-за неурядиц в отцовском доме Генриху, однако, суждено было проучиться в *Gymnasium Carolinum* всего три месяца, после чего отец перевел его в Реальную школу рядом с гимназией — где программа была скромнее, но все-таки преподавались французский и английский языки, более того, в ограниченном объеме даже и латынь. Сохранились отзывы учителей о Генрихе, показывающие, как внимательно они относились к ученикам и до чего вообще проницательны бывают учителя гимназий, а еще — как стойки иные индивидуальные черты человека. Наставники, правда, не прозревали творческого потенциала 14-летнего юноши, однако особенности его интеллектуального темперамента определены ими проницательно. Вот как оценены успехи в языках и литературе: “немецкий язык: сочинения как правило старательны; французский: удовле-

Ней-Стрелицкая гимназия. С картины Ф. Рифиталля

творительно; латинский: удовлетворяет мало, сочинения не думаны, много искусственного; английский: сносно; чтение: незначительно”. Зато *о естественной истории* отмечено: “удовлетворительно, чувствуется интерес”; “каллиграфия — отрядные успехи”; о выпускном экзамене по немецкому языку добавлено: “порой заметно отсутствие ясности в мыслях”.⁴

Но вот Генриха отдадут в люди, и он служит мальчиком в мелочной лавке. Как раз из этого времени происходит рассказанный Шлиманом эпизод с выпившим подсобником мельника Нидергёфером: выгнанный из гимназии Müllergeselle заворожил его чтением гомеровских гексаметров наизусть за чаркой шнапса, которую Генрих щедро наполнил, только бы слушать дальше.⁵ В декабре 1841 г., через две недели после отправления из Гамбурга, корабль, на котором Шлиман юнгой отправился на поиски счастья в Венесуэле, терпит крушение у берегов Голландии.

По рекомендации добрых людей юноша, оказавшийся один на один со своей судьбой, становится рассыльным в одной амстердамской фирме. Генрих благодарно (а значит, старательно) использует оказанную ему поддержку со стороны друзей семьи. Как видим, он правильно понял, что жизнь каждому когда-то дает шанс, но с приглашениями к удаче навязываться не любит. Выполняя свои (сначала довольно убогие) обязанности, он берется за изучение голландского языка, что, конечно, не так уж трудно для немца, тем более со знанием Plattdeutsch и начал английского и французского — не забудем, что он получил их в школе вместе с представлением, что такое иностранный язык и как можно его осваивать. (Сам Шлиман забывал об этом не столько из пренебрежения, сколько потому, что не был силен в самоанализе.) Быстро достигнув успеха, Шлиман начинает развивать его: теперь он уже со рвением пристально изучает французский и английский — не как школьный предмет, а как увлекающий его лингвистический продукт исторического развития. Заодно он вырабатывает собственный распорядок самообучения — чтение все тех же литературных произведений на все новых языках с заучиванием их наизусть. Чуть научившись читать и произносить, Шлиман не откладывая начинает сочинять на новом языке, излагая что-нибудь, что ему хочется или прямо-таки необходимо выразить, — манера, противоположная современным разговорникам, откуда вытравлено все индивидуальное, раз они должны служить всем. Наставник (которого Шлиман готов был нанимать не от великого богатства, а от сознания важности этой роли) исправляет его тексты, после чего он их опять же заучивает наизусть.

При таком подходе изгоняется пассивность, а с ней равнодушие, вялость, неверие в свои силы. При этом — обратите внимание — не изгоняется книжность; наоборот, она присутствует решительно. Счастлив был и выбор текстов (мы помним, что читал он — по меркам того времени — сравнительно немного): “Приключения Телемака” (*Aventures de Télémaque*) Фенелона, “Павел и Виргиния” (*Paul et Virginie*) Бернардена де Сен-Пьера, “Векфильдский священник” (*The Vicar of Wakefield*) Оливера Голдсмита — значительные произведения всемирной литературы. Чуть подсказало Шлиману, что не надо искать ни нового (и сомнительного), ни легкого (и бесплодного), а надо брать трудное, проверенное поколениями. Времени на изучение нового языка (точнее было бы сказать — для вхождения в тот или иной язык) он

давал себе мало — считанные недели, что предохраняло волю и память от расслабления.

Действуя по этой методе, и всегда с успехом, который был частью программы (удовлетворение от одного успеха порождает следующие), Шлиман в 1843 г. изучает испанский, итальянский и португальский — так, чтобы уметь объяснить устно и письменно. Став торговым агентом высококультурных коммерсантов Шрёдеров, имевших отделения своей фирмы в Амстердаме, Лондоне и Гамбурге, Генрих получает совет изучить русский и в 1844 г. приступает к этой задаче; Фенелонов “Телемак” приводит Шлимана к “Тилемахиде” Третиаковского — с его знанием оригинала Генриху нипочем знаменитые трудности этого русского текста, заучиванием которого Екатерина Великая мучила

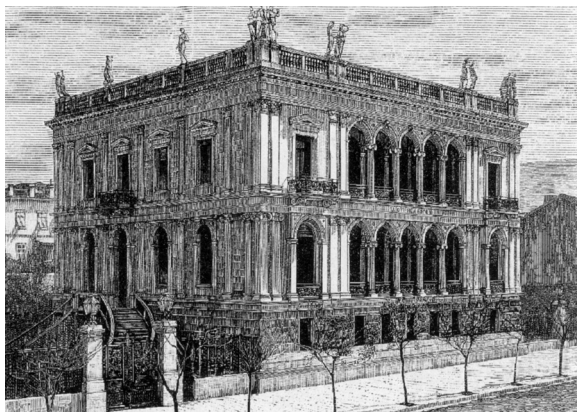
провинившихся гостей Зимнего дворца. Через шесть недель Шлиман заводит переписку с русскими купцами, имевшими дела с фирмой Шрёдеров, а затем привлекает некоторых из них в Амстердаме. Это были Живаго, Алексеевы, Пономаревы, которые не только переписываются с молодым немцем по-русски и охотно сотрудничают с его фирмой, но и дружатся с ним, зовут в Россию.

И вот с 1846 г. он агент фирмы Шрёдеров в России, а с 1847 г. — почти исключительно благодаря своим через знание русского добытым связям — российский подданный Андрей Аристович

Шлиман образует собственную фирму. Хотя в многонациональном Петербурге, где было около 40 000 одних немцев, а образованное общество всегда было готово общаться по-французски, он мог прекрасно обойтись с помощью главных западноевропейских языков, Шлиман углубляет свои знания русского, читает русскую классику, говорит с людьми, учится понимать историю и современное положение страны.

В 1850 г., когда в Калифорнии начинается знаменитая золотая лихорадка, Шлиман не может удержаться от соблазна быстро увеличить свое богатство и до начала 1852 г. занимается скупкой золотого песка в Сакраменто, засыпая ночью с пистолетами под подушкой. Лингвистические увлечения на время отошли на задний план, но и здесь не преминал он поучиться у китайских рабочих их языку, пусть только разговорному. Вернувшись в Россию, он спору ведет дела, занимаясь, как всегда, оптовой торговлей — разве что армия в пору Крымской войны нуждается не в индиго, а в селитре и порохе. (Разговоры о каких-то гнилых сапогах, будто бы поставлявшихся Шлиманом русской армии, — зловредные враки: ни одного документа или сколько-нибудь ответственного свидетельства те, кто это говорят, до сих пор не представили.) По-видимому, стосковавшись по изучению языков, в 1854 г. он один за другим осваивает шведский, датский, польский и словенский — в своем обычном стиле и темпе.

В 1856 г., когда по всей Европе хозяйство и торговля попадают в кризисное состояние, что-то подобное приходит и к Шлиману, как было и со многими другими российскими деловыми людьми. Наверное, сказывается усталость; пробуждаются и мечты о “науках”. Кроме того, благодаря семье своей русской жены — Лыжины были связаны с многими деятелями культуры многонационального Петербурга — Шлиман начинает понимать, что признаком учености являются не шведский, словенский и португальский, как бы хороши они ни были, а классические древние: латынь и греческий. К последнему он решает подступить, начав

Дом Шлимана в Афинах (Ἰλίου Μέλαθρον)

с новогреческого, благо в Петербурге можно было, по его обыкновению, найти наставников — учившихся здесь греческих студентов (их имена были Вимбос и Пападакис).

В 1857 г. он берется за древнегреческий и через три месяца способен легко понимать Гомера, к которому был неплохо подготовлен “Приключениями Телемака”, читает и некоторых других античных авторов (знакомым падкий до гипербол Шлиман рассказывает, конечно, что прочел *всех*, демонстрируя этим свою наивность). Теперь надо освежить латынь, что со знанием ряда романских языков и греческого уже не так трудно. По-видимому, петербургские ученые к этому времени уже заметили странного немецкого коммерсанта в когда-то купеческой, а теперь скорее интеллигентской семье Лыжиных: сам Эд. Муральт, известный знаток рукописей Публичной библиотеки и попавших в Петербург антиков, несколько недель занимается с ним латинской композицией, после чего Шлиман пишет ученым знакомым не лишённые стилистического обаяния письма на обоих древних языках.

В 1859 г. Шлиман предпринимает путешествие по Востоку (Египет, Палестина, Сирия), где ходит в арабском платье и изучает арабский; дневник этого путешествия он ведет по-арабски. Когда в 1860–1863 гг. он приступает к персидскому, русские востоковеды — Френк-младший и академик Б. А. Дорн — справляются о ходе его занятий. Между тем к 1864 г. Шлиман ликвидирует свои дела в России в связи с кризисом, в том числе и личным — как семейным, так и в смысле профессии. Шлиман решает отказаться от коммерции, которая (как мы видели, в первую очередь благодаря языкам) принесла ему богатство и положение. Превозносное знание языков, в этом месте надлежит признать: языки помогли Шлиману, но они же создали проблему, развив его способности и кругозор до такой степени, что занятия коммерцией перестали удовлетворять его. В ходе кругосветного путешествия (1864–1866) Шлиман дивится чудесам света, ведет дневники на разных языках и изучает хинди (например, читает Коран, знакомый ему в оригинале чуть ли не наизусть, в переводе на этот язык); часть впечатлений и наблюдений за культурой и экономикой Востока изложена им по-французски в его первой книжке: *La Chine et le Japon au temps présent* (Paris, 1867).

Любопытно: несмотря на переход к ученым занятиям (с 1866 г. 44-летний Шлиман — студент Сорбонны), страсть к овладению все новыми языками ослабевает. Зимой 1870–1871 гг. он еще изучит турецкий (запоминая, по его сообщению, более 300 новых слов ежедневно), но тут причина очевидна: так легче будет договариваться с местными властями о раскопках в Троаде, где Шлиман, после Ч. Макларена и вслед за Ф. Калвертом, увидел в холме Гиссарлык место гомеровской Трои. Также и вторая книга Шлимана выходит по-французски (*Ithaque, le Péloponnèse, Troie* [Paris, 1869]); вместе с переведенным на латынь и греческий автобиографическим введением она приносит ему ученую степень доктора (кандидатскую по-нашему) в университете города Росток.

Итак, к концу русского периода Шлиман знает или, скажем, близко знаком с пятнадцатью-восемнадцатью, если не с двадцатью языками. Ведь иногда трудно решить, какую степень знакомства можно считать знанием: например, в 1861 г. Шлиман занимался и древнееврейским, но сам не вводил его в список языков изученных. Кто-то сказал, что владение языком, в том числе родным — дело степени. Это

очень справедливо. Клерк и писатель, пролетарий и крестьянин — все они по-разному знают свой собственный язык. То же и при изучении языков иностранных: вы можете достичь немалых успехов, но если языком не пользоваться, знание его как бы обмирает. Наоборот, можно пользоваться языком активно, тонко понимать его и быть понятным его носителем;⁶ но это, как правило, не означает, что достигнуто безупречное знание языка. Благодаря дневникам Шлимана, которые нередко содержат русские части,⁷ мы можем составить мнение о том, до какой степени он в действительности знал русский язык, — на который потратил несколько недель своей голландской юности, но сверх этого около 20 лет в русской среде. Так, иногда неправильные написания позволяют заключать об особенностях русского произношения Шли-

Мавзолей Шлимана в Афинах

мана — которые, как можно было ожидать, с головой выдают немца. Пользуясь кириллицей, он пишет иногда правильно *Волга*, но иногда и *Вольга*; встречается, наоборот, *Олга* вместо *Ольга*, что, взятое вместе, свидетельствует об одном и том же: о недостаточном фонетическом различии смягченного и твердого плавного, в данном случае *л*. Случаются у него и промахи в словообразовании: *гребчики* вместо *гребцы*, *плясают* вместо *пляшут*; выразительно словечко *промокнюл*. Это наглядно показывает границы, которые поставлены даже и достойному всяческих похвал владению чужим языком, если быть вполне строгим при оценке достигнутого. (Не вер-

те тем, кто говорит о каком-то совершенстве в этой области — вне соответствующей языковой среды это было бы сверхъестественно и граничит с абсурдом.) С другой стороны, если Шлиман однажды в дневнике пишет *наперекор*, имея в виду *наперебой*, это не означает, что он не знал этих слов; наоборот, хоть он и спутал их (например, от минутной усталости), очевидно, что он их знает, помнит и, вообще говоря, способен использовать без подпорок в виде словарей.

Уровень владения чужой литературной речью обычно страдает неровностью. Вот и дневники Шлимана дают как забавные, так и превосходные образчики выраженного порусски. В записи, сделанной на одном из тихоокеанских островов (январь 1865 г.), про обезьян рассказывается следующее: “Как только я слышком приближался к ним, они *убежали* и *лазили* с быстротою на дома и деревья”. Там же: “Мать *имела носила*⁸ своего маленького на спине”. Впрочем, в другом месте того же дневника убедительно по-русски рассказано: “Правительство разделило все земли острова между деревнями, которых старосты ее отдают в обработку жителям смотря по величине семейства”.

Рассмотрение того, до какой степени Шлиман владел английским языком и стилем (я попросил консультацию у Дональда Истона — оксфордского профессора-археолога и историка археологии, занимающегося и Шлиманом, и Троей), подтвердило нечто сходное. Письма Шлимана — в отличие от его английских книг, никем не правленные — показывают хорошее знание английского по самым высоким меркам; однако и там встречаются слова, построенные по образцу его родного языка: например, *formstones* вместо *moulds*, *hairdress* (калька с нем. *Haartracht*) вместо *hair-style* или *head-dress*, — или, так сказать, орфографические германизмы: *safekeeping* вм. *safe keeping*, *finger-ring* вм. *finger(-)ring* и т. п.

Латынь Шлимана проста, в стиле новоевропейской; там, где она более классическая (как, например, в его *Curriculum vitae*), ее, я думаю, поправляли более опытные

ЛАТИНСКИЕ НАДПИСИ В ПЕТЕРБУРГЕ

35. PAOLO TRISCORNIA FECIT / CARRARA A[NN]O MDCCCX
 (“Исполнил Паоло Трискорни. Каррара, 1810 г.”).

Эта надпись встречается в Петербурге дважды — на постаменте парной статуи Диоскуров перед Конногвардейским манежем (Исаакиевская площадь, д. 6) и на “пне”, служащем опорой для одного из двух мраморных львов, которые стерегут вход в бывший особняк А. Я. Лобанова-Ростовского по Адмиралтейскому проспекту (д. 12).

Идея поставить перед входом в Манеж фигуры сыновей Леды принадлежала самому архитектору здания — Д. Кваренги, который сделал заказ своему соотечественнику, члену Каррарской академии скульптуры Паоло Трискорни (Triscorni или Triscornia, 1757–1833). Последний побывал в Петербурге, по-видимому, лишь единожды, в конце XVIII в., однако его работы — по большей части реплики античных статуй — были хорошо известны в российской столице. Так, в Эрмитаже хранится его копия знаменитой эллинистической скульптурной группы, изображающей Лаокоона с сыновьями. П. Трискорни выполнял работы для Павловского (фигуры трех граций в одноименном павильоне) и Михайловского дворцов. Диоскуры возле Конногвардейского манежа также являются уменьшенным воспроизведением античных статуй, украшающих площадь перед Квиринальским дворцом в итальянской столице. Римские колоссы некогда стояли перед термами Константина, и только в XVI в. по приказу папы Сикста V были перемещены. Устная традиция даже закрепила за Квириналом название Monte Cavallo — то ли в честь Диоскуров, то ли как указание на папские конюшни, располагавшиеся на той же площади. Латинские надписи, приписывающие авторство статуи

Кастора и Поллукса Фидию и Праксителю, появились на постаментах римских скульптур в эпоху поздней античности: этот заведомый подлог, по счастью, оказался верным способом спасти памятники от варварского разрушения христианами. Петербургским Диоскурам также пришлось пережить переезд: в середине XIX в., когда подходили к завершению работы по строительству Исаакиевского собора, “языческие” статуи были по требованию духовенства перенесены к заднему входу в Манеж, где и простояли вплоть до середины прошлого века.

История итальянской семьи Трискорни, вынужденной спасаться от преследований на родине, оказалась тесно связана с Северной Пальмирой. Агостино, младший брат Паоло Трискорни, открыл в Петербурге процветающую мраморную мастерскую, где изготовлялась не только декоративная скульптура, но и надгробия; некоторые из них и сегодня украшают некрополь Александро-Невской лавры. Учениками А. Трискорни были Б. И. Орловский и И. П. Витали. По-видимому, именно Агостино, обладавший завидными коммерческими способностями, послужил посредником в переговорах брата и Кваренги. Впоследствии семейное дело перешло его к сыновьям, Паоло и Агостино Трискорни, и просуществовало вплоть до семидесятых годов XIX в. В 1868 г. Агостино-младшему был доверен заказ на изготовление памятника А. В. Кольцову в Воронеже.

Еще одно произведение Паоло Трискорни украшает величественный особняк, занимающий целый квартал вдоль восточного фасада Исаакиевского собора (автор проекта — О.-Р. Монферран). Этот дом также был построен в 1817–1820 гг., для полковника (впоследствии генерал-майора) князя Александра Яковлевича Лобанова-Ростовского (1788–1866). Рано выйдя в отставку, потомок древнего дворянского рода отдавал все свои силы коллекционированию. Так, ему принадлежало замечательное собрание материалов о княжне Анне Ярославне, жене французского короля Генриха I, и о Марии Стюарт — достаточно сказать, что Лобанов-Ростовский был обладателем около 700 портретов шотландской королевы и издал три тома ее писем. Большая часть коллекции, в том числе представляющая не-

сомненную ценность подборка военных карт и книг по стратегии, была позже пожертвована ее владельцем Публичной библиотеке и Эрмитажу. Лобанов-Ростовский вошел в историю и как литератор: ему принадлежит русский перевод Евангелия от Матфея (1821 г.), а также забавный сборник разнообразных меню на французском языке, изданный анонимно. Обладая значительным личным состоянием, Лобанов-Ростовский женился на самой богатой невесте того времени — К. И. Безбородко; М. И. Пыляев в “Старом Петербурге” упоминает роскошные приемы, устраивавшиеся в особняке по Адмиралтейскому проспекту. Довольно быстро финансовые дела Лобанова-Ростовского оказались расстроены, и в конце 20-х гг. XIX в. дом был куплен в казну, а впоследствии в нем разместилась канцелярия военного министерства.

“На звере мраморном верхом” спасается от натиска стихии герой “Медного всадника” — поэмы, автор которой был хорошо знаком с Лобановым-Ростовским, а в 1822 г. даже получил от него предложение издать книгу стихов. Точная дата появления статуй львов неизвестна, однако в начале 1820-х гг. они уже заняли свое место перед парадным подъездом особняка. Верный себе, П. Трискорни изваял их по образцу фигур на одной из флорентийских площадей. В наши дни латинская надпись на основании льва почти полностью утрачена.

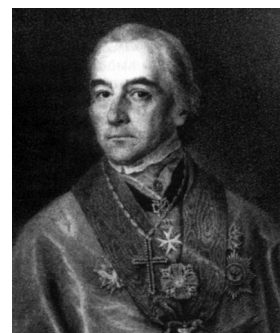
36. TE DEUM LAUDAMUS (“Тебя, Боже, хвалим”).

Восстановленная в 1998 г. надпись, венчающая вход в костел Св. Станислава (ул. Союза Печатников, д. 22), является начальной строкой знаменитого католического гимна. Авторство песнопения, основанного на греческом “Гимне Вседержителю” Григория Нази-

анзина, традиционно приписывается Амвросию Медиоланскому (333/340–397) — который, по легенде, сочинил его в 387 г. в самый день крещения Блаженного Августина. Не исключено, впрочем, что гимн принадлежит Никету Ремизианскому (335–414), епископу Дакии, который обратил в христианство местные племена бессов и доньине почитается как святой покровитель Румынии.

Храм, построенный в 1823–1825 гг. по проекту итальянского архитектора Д. Висконти, получил свое название в память об архиепископе и митрополите Станиславе Богуше-Сестренцевиче (1731–1826), который пожертвовал на строительство костела значительные средства и завещал для этой цели собственный участок земли на пересечении Мастерской и бывшей Торговой улиц. Спустя год после окончания строительства основатель храма был в нем похоронен. Отношение к личности Богуша-Сестренцевича, который стал при Павле I первым митрополитом всех римско-католических церквей России и способствовал их подчинению власти российских императоров, уже при жизни было неоднозначным. При этом Богуш-Сестренцевич, сам получивший разностороннее образование в учебных заведениях Германии, Англии и Голландии, немало сделал для российского просвещения. Так,

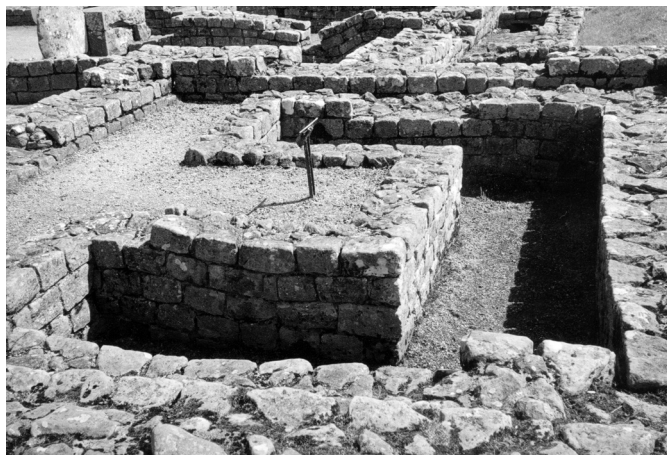

С. Богуш-Сестренцевич
Литография
А. И. Мошарского

в 1805 г. в его петербургском особняке (ул. Казанская, д. 27) была открыта первая всеобщая многопредметная гимназия, позже преобразованная во Вторую классическую. Писавший на польском, французском, латыни и русском, Богуш-Сестренцевич оставил подробные труды по истории Тавриды, занимался не только вопросами богословия, но и происхождением русского языка, интересовался агрономией и медициной. Российская Академия наук отме-

тила заслуги архиепископа: в 1814 г. он был избран ее почетным членом.

О. В. Бударagina
Фото автора и И. О. Галыниной

Виндоланда. Ставка командующего фортом

нельзя было отлучиться самовольно; практика прошений об отпуске (*commeatus*) была известна и раньше, однако именно в Виндоланде впервые обнаружили целую группу таких записок. Все они используют одну и ту же формулу: *rogo domine* (имя) *dignum me habeas cui des commeatum* (букв. “прошу, господин, считать меня достойным предоставления отлучки”). Интереснейшую информацию о быте гарнизона дают многочисленные хозяйственные записи, где ведется учет съестным припасам, утвари, одежде, выданным деньгам и т. д.

Из частной корреспонденции выделим письма, адресованные Сульпиции Лепидине — жене Флавия Кереелия, бывшего префектом девятой когорты батавиев в самом конце I в. н. э. Все четыре послания из архива Сульпиции написаны женщинами и представляют собой интересное свидетельство общения между женами офицеров, образчик их “светской жизни” в заштатном форте на самой окраине империи. Таково, например, приглашение на день рождения: как явствует из надписи на оборотной стороне таблички, оно было адресовано Сульпиции Клавдией Северой, женой Элия Брокка (*Vind.* II, 291). Образцы подобных приглашений, имевших стандартную структуру, известны нам хотя бы из переписки Цицерона; гимназисты могут вспомнить в этой связи 13-е стихотворение Катутла (*Senabis bene, mi Fabulle, apud me...*), в котором пародируются общепринятые формулы *invitatio*:

- I. Cl(audia) Severa Lepidinae [suae
[sa]] [u]tem
III Idus Septembr[e]s soror ad diem
sollemnem natalem meum rogo
libenter facias ut venias
ad nos iucundiozem mihi
- II. [diem] interventu tuo factura si
]s[
Cerial[em t]uum saluta Aelius meus .[
et filiolus salutant[
]sperabo te soror
vale soror anima
mea ita valeam
karissima et have

Клавдия Севера приветствует <свою> Лепидину. 11 сентября, в день празднования моего дня рождения, прошу тебя, сестра, любезно явиться к нам, чтобы своим приходом сделать этот день еще более приятным для меня, если <...>. Передавай привет твоему Кереелию. Мой Элий и сыночек <ему> (?) кланяются. Буду ждать тебя, сестра. От всей души желаю тебе здоровья, сестра, душа моя, и прощай, дорогая.

Две последние фразы написаны другим почерком: очевидно, это рука самой Клавдии Северы, между тем как остальной текст принадлежит писцу. Клавдия приписала несколько слов и в двух других посланиях, также адресованных от ее имени Сульпиции Лепидине (*Vind.* II, 292–293): это наиболее ранние известные примеры латинских писем, написанных женщиной.

Тексты Виндоланды помогли нам больше узнать о малоизученном периоде в истории римской Британии. Содержащаяся в них информация зачастую уникальна — ведь однообразные гарнизонные будни редко привлекают историков и тем более поэтов, а разглядывая эти таблички, словно бы совершаешь путешествие во времени.

¹ Здесь и ниже номера табличек приводятся по их второму изданию: *A. Bowman, D. Thomas. The Vindolanda Writing Tablets (Tabulae Vindolandenses II). London, 1994* (теперь оно доступно и в электронном варианте: <http://vindolanda.csad.ox.ac.uk/>). Находки табличек продолжают, и в 2003 г. те же ученые выпустили третье издание корпуса. Подробному анализу текстов из Виндоланды (с привлечением других материалов — как табличек, так и папирусов) посвящена книга: *A. K. Bowman. Life and Letters on the Roman Frontier: Vindolanda and Its People. London, 1994.*

Вероника Никитина
выпуск 2001 г.

Фото: О. В. Бударagina

Письмо Клавдии Северы
Сульпиции Лепидине
(*Vind.* II, 291)

ГИМНАЗИЧЕСКИЙ ТЕАТР

“Словарь Даля”

В апреле этого года театральная студия гимназии выпустила очередную премьеру — сколь долгожданную, столь и неожиданную: кажется, впервые в истории отечественного театра предметом постановки оказался лексикографический труд. По обыкновению предельно усложнив свою задачу, два режиссера и тридцать восемь исполнителей сорвали бурные аплодисменты публики — от пятиклассников до профессоров филфака. В прошлом номере журнала, анонсируя спектакль, мы дали слово его создателям Е. В. Вензель и Е. Н. Грачева; теперь черед зрительских впечатлений, сформулировать которые любезно вызвался М. М. Позднев.

Русская лексикография озадачена: “Даль” в новой редакции на гимназических подмостках! Что данное словарное пособие принадлежит искусству, догадывались и раньше. Тевтонец по крови, медик по профессии, физиолог по научным занятиям, инквизитор по карьере, мистик по душевному складу, а по характеру творчества — луганский казак, наследник пушкинского талисмана ценен нашей словесности не одними авантюриными повестями и лубочными сказками, для большой публики давным-давно мертвыми. Его *Lebenswerk*, утешение живым великороссам, скорее достойно внимания эстетической критики. Но критика театральная? Это новость. Всякая книга испытывается рампой, уверяют модернисты. Не всякая, ответим, проходит испытание. Зрительский вкус закоснел, ему подавай завязку-развязку, характеры и “услашенную” речь. Отвергать готовую репутацию рискованно, рабски следовать ей — все равно что расписаться в своей бездарности. А как отнестись к литературному реноме, сложившемуся против воли автора? Сценически осмыслить словарь — не хазарский, конечно, но признанный многими украшением жанра, — трудно втройне.

Вечные вопросы театра создателям “Словаря Даля” решать не внове. Е. В. Вензель и Е. Н. Грачева годами

вырабатывали свободный стиль режиссуры, каждым спектаклем заставляя морщиться традиционалистов. На их сцене весело лопались пузыри советского опереточного мыла, фонтанировало в зал вязкое вишневое варенье памятного всем “Сада”. Упреки легко парировались: идейно и художественно затхлый материал сам противится классической интерпретации. С этим — шутят, твердили новаторы и были правы. Теперь апологий не требовалось. В. И. Даль, при всем к нему уважении, написал очень смешную книжку. Кто против, пусть докажет, что альбиносы — белые негры. Сделать из такого словаря комедийный спектакль с талантом наших постановщиков было, пожалуй, проще, чем “из хорошей обезьяны плохого человека”. Недоброжелатели готовились смириться с успехом, поклонник же имел свои опасения. Не жалко ни Олеши, ни “Вишневого сада” (*quandoque bonus dormitat Homerus*), думалось ему. Вы украшали, пачкали, рвали в клочки и наконец уничтожили обветшавший скучный пафос, дав нам свое, веселое и живое. Но с Далем другое дело. У великого горе-лексиколога мне хватает жизни и смеха. Разнообразие костюма, красивые многофигурные картины, резкие выходы, рискованные позы — все, что вы так любите, — не скроет ли от зрителя, особенно юного, соль

и юмор? Трактуйте как хотите, терять свое маленькое удовольствие от любимой книги я не согласен: “я этой обезьянщины терпеть не могу”.

Премьера разрешила многие сомнения: тезаурус превратился-таки в драму. Хотя актеров почти столько же, сколько инсценировано словарных статей (многоликость напрашивалась, как цилиндр и бакенбарды *поэта*), действие склеили сквозные персонажи: солдат, моль, девки, светская волчица, сапожник с портным, *гросфатер* с гармошкой, — всех не перечислишь. Леммы, вывешенные на простынях по краям сцены, подсказывали смутный образ; мы ждали воплощения и всегда радовались несходству сходного. Словник (в алфавитном порядке!) подобран с умом. Где поневоле нарушались единства, спасало постановочное и актерское мастерство. Так, в “медицинских” эпизодах, вполне отвечая серьезным намерениям диалектолога-дилетанта объяснить вещи, в которых он действительно разбирался, актерам непостижимым образом удавалось смешить зал. Повальные поцелуи *детской болезни кори*, напряженные лекции медички возле глаза и сердца, жуткая *желтыня* в желтом доме пробирают до мозга костей и все-таки забавны. Перед удивленной публикой в подобие целого срастались пронзительно прокукареканый рецепт блюда-*клотца*, глубокомысленные возражения Дарвину, неожиданно страстно сыгранные тихим на вид бородачом из первого ряда, чувственная *гипербола* солдата и дамы, ловля *куколки-насекомого* на глазах у *куколки досужей* и прочее, разнородное, путаное и необозримое, как сам язык. Слово бы взятый из другой пьесы благоутробный финал с пением у иконы — и тот вписался: бессвязность казалась уже преимуществом.

Книга выдержала пробу: став остроумной пьесой, осталась замечательным словарем.

Оглядываясь на соседей, поклонник, впрочем, замечал, что восторги зрителей зачастую вовсе не относились к “Далю”. Внимательно нахмурившись, провожали гимназисты, привыкшие доверять своим ложным спасителям-словарям, *блафарда* и *дондоса*, зато хохотали при виде большого мальчика в юбочке и другого мальчика с красными тряпочками на глазах. Колоритностью сценики пьеса превзошла ожидания. Излишне говорить об эффектных приемах актерской игры; на сцене и даже за сценой, где сложнейшими пассажами представляется театр теней, весь спектакль идет парадалле. Бутафория умопомрачительна, глаза разбегаются от пестроты реквизита. Продуманность деталей невозможно оценить при первом просмотре, однако каждый жест, зрительный образ вызывают машинальный, не подотчетный воле эмоциональный ответ. Не иначе и звуковая *безобразия*. “Завсялды калды, талды и булды!” В переводе с вятского: простые стимулы всегда самые действенные; *ut ridentibus adrident, ita flentibus adflent...* Поэтому комики злоупотребляют невербальным юмором, за что своих победителей ругал еще Аристофан. В рецензируемом спектакле не балаганное гаерство, а блеск оригинальной, исполненной с большим вкусом арлекинады иногда (точных попаданий, впрочем, немало) мешает зрителю чувствовать текст. Винить в этом постановщиков “Словаря Даля” значило бы отрицать театр *per se* — злоупотребляющий литературой вид художественного творчества.

Голомозгун (“пустой умствователь”)

СЛОВАРЬ ДАЛЯ

Актеры:

Блохтина Яна
 Большанин Андрей
 Борисова Галина Ивановна
 Борисов Глеб (*выпуск 1998 г.*)
 Бордюгов Дмитрий
 Варганова Елизавета Сергеевна
 Вершинина Мария
 Гидон Дина (*выпуск 1998 г.*)
 Гнедова Александра
 Горичева Елизавета
 Доброходова Дарья
 Ефремов Никита
 Желтова Екатерина
 Жестоканова Ксения
 Зельченко Всеволод Владимирович
 Каретников Иван (*выпуск 2002 г.*)
 Конвисарова Юлия
 Корешков Михаил
 Коробицын Илья

Кузнецова Наталья (*выпуск 2002 г.*)
 Лурье Софья (*выпуск 2000 г.*)
 Малахова Нина
 Малинина Елизавета
 Матушкина Ольга
 Никифорова Екатерина
 Осоцкий Александр
 Пашковская Ксения
 Полякова Юлия
 Савельева Анна
 Савельева Софья
 Семин Алексей
 Стругацкая Светлана
 Тарасова Маргарита (*выпуск 2002 г.*)
 Томленов Никита
 Хайлов Николай
 Ходот Александра
 Шмидт Глеб
 Якупова Ксения (*выпуск 2005 г.*)
 Эдик (*динамическая модель*)

Постановка:

Е. В. Вензель, Е. Н. Грачева

Художник:

С. В. Полякова

Музыканты:

Дина Гидон, Наталья Кузнецова
 (*свистульки, погремушки*),
 Александр Осоцкий (*кларнет*),
 Андрей Олейник (*варган*)
 Духовный стих “Как ходил по земле
 грешный человек” исполняют
 Е. Н. Грачева и Михаил Корешков.

В действие вошли эпизоды,
 сочиненные пятиклассниками
 на уроках театра.

В спектакле использованы предметы из
 реквизита уже не существующего театра
 “ДаНет” (Пушкинская 10).

Премьера состоялась 16 апреля 2006 г.

Постановщики благодарят А. А. Шмидта — за саблю, сделанную с любовью; П. С. Порожнякова — за сачок;
 Ярослава Болдинова — за летный шлем; Андрея Середнякова — за пни из Михайловского сада;
 М. М. Бондарь — за эквадорское пончо; И. Ю. Борисову — за восточный халат;
 Машу Васильеву — за шубу; А. В. Черновскую — за пробковый шлем;
 Л. И. Липейко — за латиноамериканский костюм; В. Э. Жухимович — за сапоги и холст;
 О. Н. Борисову — за сшитые юбки; Азовское море — за галошу, облепленную ракушками;
 С. Е. Кокину — за всемерную помощь;
 В. П. Горского — за свет.

Театральная школа Б. Ю. Позниовского

Помимо “Словаря Даля”, в 2005/06 учебном году различные
 гимназические театральные труппы и объединения показали
 зрителям следующие спектакли:

Г. Р. Державин. “Фонарь”. Постановка Б. А. Рогинского.
 В ролях — гимназисты 9 а класса.

Лукиан. “Разговоры богов” (*на греческом языке*). Постановка
 Е. К. Юзбашян, Е. В. Вензель. В ролях: Даша Васильева,
 Катя Константинова, Илья Коробицын, Алиса Кузнецова,
 Настя Маврина, Катя Насонкина, Данила Смирнов, Никита
 Шульга, Маша Якерсон.

Эжен Ионеско. “Урок”. Постановщики и исполнители: Поли-
 на Гришина, Арина Резникова, Кристина Чените.

Фото: Сергей Мисенко, выпуск 2002 г., и А. А. Шмидт

BRITANNICA

Ричард Бентли, тираноборец

В 1697 г. в Лондоне увидело свет учено-полюемическое сочинение, озаглавленное “Рассуждение о письмах Фаларида”. Автор, тридцатипятилетний доктор богословия Ричард Бентли (Bentley, 1662–1742), уже обратил на себя внимание — правда, больше за границей — несколькими трудами по греческой словесности. С блеском окончив Кембридж, он в свое время не смог остаться при университете (оба профессорских места, предназначенные для уроженцев Йоркшира, оказались уже заняты) и стал домашним учителем, а за три года до выхода книги был назначен хранителем Сент-Джеймской королевской библиотеки; на этом посту Бентли запомнился современникам как колоссальной начитанностью в древних авторах, так и пренебрежением к светским условиям.

Герой “Рассуждения...” Фаларид, один из самых жестоких греческих тиранов, в первой половине VI в. до н. э. обманом и убийствами захватил власть в сицилийском Акраганте. Именно по его приказу был отлит легендарный медный бык, в раскаленное брюхо которого бросали врагов тирана; их стоны, отраженные гулкой медью, создавали впечатление, будто бык мычит. Много веков спустя в позднеантичных ораторских школах одним из любимых упражнений было составление речей и писем от имени какого-нибудь исторического лица: ученик должен был вообразить, как герои решались на свои подвиги и чем злодеи оправдывали свои преступления. Фаларид был популярным персонажем таких эзерсисов; в результате до нас дошел целый сборник его “писем”, в которых тиран неожиданно предстает просвещенным правителем, заботящимся о процветании Акраганта, собеседником Пифагора и покровителем искусств. Долгое время эти письма считали подлинными, так что Фаларид выходил чуть ли не самым ранним греческим прозаиком. За пять лет до “Рассуждений...” политик и литератор Уильям Темпл, руководствуясь удобным правилом “чем древнее автор — тем он лучше” (то было время Спора Древних и Новых), даже назвал письма гениальными. Эта оценка возродила интерес к Фалариду, и молодому оксфордскому классику Чарльзу Бойлю (родственнику великого физика) было поручено новое издание писем. Обратившись за рукописью в Сент-Джеймскую библиотеку, Бойль повздорил с ее суровым хранителем и задел его в предисловии к своему труду. Поблагодарим его за это: не будь Бентли вынужден защищаться, он, вероятно, так и не собрался бы сделать свои давние наблюдения над письмами Фаларида достоянием публики.

С математической беспощадностью разобрав письма, Бентли нашел в них множество анахронизмов: автор упоминал города, основанные столетия спустя, знал о существовании жанра трагедии (возникшего уже после смерти исторического Фаларида), отчего-то производил финансовые

расчеты в афинских денежных единицах, цитировал еще не родившегося Еврипида и вообще писал не на сицилийском (т. е. дорийском), а на аттическом диалекте, притом в его искусственно-школьном варианте. Вывод вырисовывался непреклонный: письма Фаларида — поздняя подделка, и даже не особенно старательная. Оппонентам Бентли (а “Рассуждение...” вызвало целую войну памфлетов, в которой поучаствовал, между прочим, и лично обязанный Темплю Свифт) оставалось лишь прохаживаться на счет его несветского обожжения; по существу возразить им было нечего.

Сам по себе метод Бентли не был новым. Еще в III–II вв. до н. э. александрийские филологи оспаривали подлинность некоторых мест у Гомера, стихотворений лириков и целых прозаических сочинений, указывая на хронологические несоответствия или ошибки в реалиях. Даже авторство писем Фаларида уже вызывало сомнения у Анджело Полициано, Эразма (Бентли упоминает их в начале “Рассуждения”) и у семнадцатилетнего Лейбница (о чем Бентли не знал). Новостью оказались другие доводы Бентли — например, лексико-стилистические. Выяснилось, что слова, как люди, имеют возраст: они появляются, изменяются и выходят из употребления в определенное время. Писатель Уильям Кинг, пытаясь высмеять Бентли, вывел его в образе шарлатана Бентиволио, “который может сказать вам, когда жил тот или иной человек, прочитав страницу из его книги”. То, что сейчас этот юмор кажется нам дикарским, — всецело заслуга Бентли. Далее, “Рассуждение...” показало, что даже молчание античных источников по какому-то вопросу может быть использовано как неопровержимый довод (*argumentum ex silentio*). К примеру, по письмам Фаларида оказывался другом и меценатом поэта Стесихора; однако почему Платон, приводя ряд примеров того, как тираны покровительствовали поэтам, не упоминает этой пары? Не знать о ней он не мог, а умолчать не имел оснований; напротив, этот пример идеально отвечал бы ходу его рассуждений.

Небольшая по объему книга Бентли создавала совершенно новое представление о филологии, и недаром многие считают 1697 год датой рождения этой науки в современном ее понимании. Оказывалось, что филология — это не беспочвенно-риторические рассуждения о том, чем велик такой-то великий писатель, но строгая исследовательская дисциплина, в которой знание служит мысли; не хаотичное накопление сведений из источников, но взвешивание их на весах разума. Под пером Бентли филология предстала системой, в которой взаимосвязаны и равно существенны наблюдения над языком, историко-литературный анализ, эстетические суждения (а в книге есть и аргументы эстетического характера), данные истории и археологии: допустим, изучение древних монет или хронологии солнечных затмений тоже входит в компетенцию филолога, ибо может дать ответ на вопросы, касающиеся литературы.

Написав на своем знамени горацянское *Sapere aude*, Бентли включился в ту рационалистическую революцию XVII в., вехами которой стали книги Декарта и Галилея, Лейбница и Ньютона. И пускай его имя известно широкому читателю куда меньше — это означает всего лишь, что гуманитарные науки еще не заняли в обыденном сознании того места, на которое поведительно указал им триста лет назад гениальный йоркширец, не отличавшийся безупречными манерами.

ДОКЛАДЫ КРУЖКА «КЛАССИКА»

Константин Корешков

11 класс

Navigare necesse est, vivere non necesse

Латинское изречение, стоящее в заголовке статьи, принадлежит к числу крылатых. “Schiffahrt zu treiben, ist notwendig, zu leben ist nicht notwendig”, — так переводит его авторитетнейший немецкий словарь сентенций;¹ “заниматься мореплаванием необходимо, жить не необходимо”, — вторит ему отечественный справочник.² В Средние века эта фраза служила девизом Ганзейского союза, и вплоть до второй мировой войны ее можно было прочесть на фасаде “Дома Ллойда” (Lloydhaus) в Бремене, где купцы заключали договоры с капитанами. Немецкий писатель Горх Фокс (1880–1916) вынес эти слова в заглавие своего романа о моряках (*Seefahrt ist not!*, 1913), а его младший современник Стефан Цвейг открыл ими первую главу книги о Магеллане, назвав “старинной матросской поговоркой”, которая в эпоху великих географических открытий “вновь обрела власть над человеческими душами”.³ Выражение *Navigare necesse est, vivere non necesse* дожило до наших дней в качестве журналист-

ского клише — примеры, собранные Н. Т. Бабичевым и Я. М. Боровским, свидетельствуют, что только за период 1974–1975 гг. советские газеты употребили его четырежды.⁴ При этом во всех известных нам случаях латинский афоризм понимается как лозунг путешественника-романтика: не так важно дожить до старости, как бороздить моря, открывая новые земли и прокладывая торговые пути.

Памятуя о том, что крылатым античным выражениям свойственно претерпевать изменения в веках,⁵ мы решили поподробнее проследить историю этой сентенции. Хотя некоторые современные авторы то приписывают ее Цицерону,⁶ то называют “финикийской пословицей”,⁷ на самом деле она впервые засвидетельствована на греческом языке — в форме πλεῖν ἀνάγκη, ζῆν οὐκ ἀνάγκη (*Plut. Pomp.* 50; *Reg. et imp. apophthegm.* 88, 11)⁸ — и, согласно тому же Плутарху, принадлежит Гнею Помпею.

Дело происходило в апреле 56 г. до н. э.; однако для восстановления исторического контекста афоризма нам придется обратиться к событиям предыдущих лет. После того как Помпей отпраздновал свой третий триумф, его влияние в Риме стало неуклонно расти. Это не могло радовать заклятого врага Помпея — Публия Клодия Пульхра. Будучи избран народным трибуном на 58 г., Клодий всеми способами пытался ограничить роль Помпея в большой римской политике. Он добился изгнания Цицерона, отправил на Кипр Катона и, наконец, напал лично на Помпея. На следующий год Помпею удалось вернуть Цицерона из изгнания; с его помощью осенью 57 г. до н. э. триумвир примирился с сенатом и провел “хлебный закон”, добившись проконсульских полномочий для снабжения Рима продовольствием. Таким образом Помпей получил в свое подчинение флот, порты, зависимые от Рима торговые центры и т. д.; злые языки говорили, что закон был принят именно с целью укрепить личную власть Пом-

пея, между тем как нехватка хлеба городу не угрожала, а дороговизна продовольствия создавалась искусственно.

Как бы то ни было, Помпей взялся за дело с исключительной энергией. Именно об этом рассказывает Плутарх в интересующем нас пассаже (*Pomp.* 50):

Ἐπισταθεῖς δὲ τῇ περὶ τὸ σιτικὸν οἰκονομίᾳ καὶ πραγματείᾳ, πολλαχοῦ μὲν ἀπέστειλε πρεσβευτὰς καὶ φίλους, αὐτὸς δὲ πλεύσας εἰς Σικελίαν καὶ Σαρδόνια καὶ Λιβύην ἤθροϊζε σίτον. Ἀνάγεσθαι δὲ μέλλων πνεύματος μεγάλου κατὰ θάλατταν ὄντος καὶ τῶν κυβερνητῶν ὀκνοῦντων, πρῶτος ἐμβὰς καὶ κελεύσας τὴν ἄγκυραν αἴρειν ἀνεβόησε· Πλεῖν ἀνάγκη, ζῆν οὐκ ἀνάγκη. Τοιαύτη δὲ τόλμη καὶ προθυμία χρώμενος μετὰ τύχης ἀγαθῆς ἐνέπλησε σίτου τὰ ἐμπόρια καὶ πλοίων τὴν θάλασσαν, ὥστε καὶ τοῖς ἐκτὸς ἀνθρώποις ἐπαρκέσαι τὴν περιουσίαν ἐκείνης τῆς παρασκευῆς, καὶ γενέσθαι καθάπερ ἐκ πηγῆς ἀφθονον ἀπορροῆν εἰς πάντας.

Поставленный во главе снабжения продовольствием, он разослал друзей и легатов в разные земли, а сам, отплыв в Сицилию, Сардинию и Ливию, стал собирать хлеб. <Однажды>, намереваясь отчалить от берега в то время, когда в море поднялся сильный ветер и кормчие медлили в нерешительности, он первым взошел на корабль, приказал поднять якорь и воскликнул: “Плыть необходимо, жить не необходимо”. С такой-то храбростью и рвением в сочетании с удачей он наполнил закрома хлебом, а море — кораблями, так что заготовленных припасов хватило даже для иностранцев и изобилие излилось на всех, словно из источника.

Прежде чем говорить об исходном смысле слов Помпея, попробуем ответить на один частный вопрос: на каком языке они были произнесены, по-гречески или по-латыни? Для этого нужно осмыслить целый ряд факторов, как то: обстоятельства произнесения фразы, ее звуковая оболочка, культура употребления языков в римском обществе I в. до н. э. и др. Рассмотрим их по порядку.

На первый взгляд кажется естественным, что римский проконсул, обращаясь к подчиненным, будет говорить на латыни. Однако можно с уверенностью утверждать, что моряки на корабле Помпея в абсолютном своем большинстве были греками. В самом деле, Цицерон в 5-й речи против Верреса (*De suppliciis*) подробно описывает положение дел на том же самом союзном сицилийском флоте⁹ всего лишь за 20 лет до занимающих нас событий. Как явствует из его деталь-

ного рассказа, греческие полисы Сицилии должны были поставлять в союзный флот корабли вместе с экипажем; называя капитанов всех судов, Цицерон не упоминает ни одного римского имени. Таким образом, а *grigri* вполне допустимо, что Плутарх не перевел латинскую фразу Помпея на греческий, а сохранил ее оригинальную форму.¹⁰

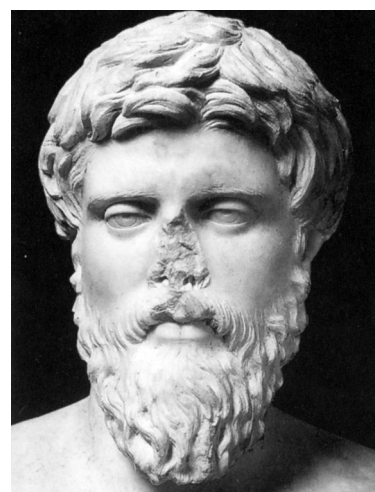
Более важным кажется, однако, другое: приблизительно с середины II в. до н. э. греческий становится для культурного римлянина вторым (а иногда и первым!) языком. Уже в следующем после Помпея столетии педагог Квинтилиан (I, 1, 12–13), соглашаясь, что ребенка лучше сначала учить греческому, а не латыни, при этом порицает тех, кто слишком долго общается с детьми только по-гречески и отдает их учителю-греку: это, по его словам, часто приводит к порче языка, так что дети говорят потом по-латыни с гречизмами (здесь напрашивается параллель с употреблением французского языка в России конца XVIII — первой половины XIX в.).

Переписка Цицерона показывает, что образованные современники Помпея сплошь и рядом вставляли в свою речь греческие выражения и отдельные слова — причем не только книжные, но и разговорные, — доходя подчас до своеобразной смеси языков. Приведем для примера несколько цитат из одного только письма *Cic. ad Att.* II, 12 (18 апреля 59 г. до н. э.), выбранного практически наугад: “Quibus εὐαγγέλια quae reddam, nescio; debere quidem plane fateor. Sed vide συγκύρημα”; “Ubi sunt, qui aiunt ζώσης φωνῆς?”; “Sum de curiositate ὀξύπτεινος, sed tamen facile patior te id ad me συμπίσιον non scribere”; “Terentia delectata est tuis litteris, impertit tibi multam salutem, καὶ Κικέρων ὁ φιλόσοφος τὸν πολιτικὸν Τίτον ἀσπάζεται”.

Хотелось бы подчеркнуть, что римляне I в. до н. э. не только произносят по-гречески крылатые выражения или ходовые цитаты (к примеру, Август [*Suet. Aug.* 25] любил приговаривать *σπεῦδε βραδέως* и повторять строку из

Помпей Великий. Ок. 55 г. до н. э.

Плутарх (предположительно) Дельфы, II в. н. э.

“Финикиянок” Еврипида об осторожном полководце), — но и обнаруживают тенденцию в решительные минуты, когда нужно сказать нечто эффективное и значительное, прибегать к греческому. Характерен анекдот, сохраненный Сенекой (*De ira* III, 23): Август, желая попенять Азинию Поллиону на то, что тот дал приют оппозиционному историку Тимагену, изгнанному отовсюду за нападки на принцепса и его семью, при встрече сказал Поллиону одно только слово: θηριότροφεῖς (“ты завел зверинец”, “ты прикармливаешь зверя”). Хотя аналогичная поговорка существовала и по-латыни,¹¹ Август предпочел тот язык, где нужную ему мысль можно было передать лаконичнее и оттого более веско. Точно так же два прославленных изречения Юлия Цезаря: “Жребий брошен” (*Plut. Rompr.* 60)¹² и предсмертный вопрос “И ты, дитя?”, обращенный к Бруту (*Suet. Iul.* 82), — были произнесены по-эллински.

Есть все основания полагать, что Помпей, любивший и умевший говорить сентенциями,¹³ не был здесь исключением: во всяком случае, его последние слова тоже были сказаны на греческом языке. Плутарх (*Rompr.* 78) и еще ряд авторов сообщают: прежде чем сесть в высланную Птолемеем лодку (в которой он час спустя был заколот), Помпей попрощался с женой и детьми, процитировав два стиха из не дошедшей до нас пьесы Софокла:

“Ὅστις δὲ πρὸς τύραννον ἐμπορεύεται,
κεῖνον ὅτι δοῦλος, κἄν ἐλεύθερος μόλη.

Всякий, кто отправляется к тирану, становится его рабом, даже если войдет под его кров свободным.

Посмотрим теперь на наш вопрос с несколько иной стороны. Вопреки принятому ныне (крайне условному) школьному произношению, греческое εἰ уже с середины IV в. до н. э. никогда не произносилось как дифтонг: это сочетание букв передавало долгое закрытое [e], тогда как *этой* (η) обозначалось долгое открытое [e]. Со II в. до н. э. сначала в разговорном, а затем и в литературном греческом языке возобладал так называемый *итацизм*: и долгое закрытое, и долгое открытое [e] перешли в [i]. Таким образом, в эпоху Помпея формы πλεῖν и ζῆν, на противопоставлении которых построен наш афоризм, были знаменательно сходными по звучанию: [plin] и [zin].¹⁴ Напротив,

в латинском *Navigare necesse est, vivere non necesse* никакой игры слов не наблюдается.

Думается, именно фонетический аспект говорит за то, что Помпей скорее всего произнес свой афоризм по-гречески — т. е. на том языке, который мог подчеркнуть заключенную в этих словах антитезу при помощи эффективного созвучия.

Но вернемся к исходному смыслу выражения. Из контекста становится ясно, что имеет в виду Помпей. Как человек, для которого долг превыше жизни, он искренне считает, что заботу о собственном спасении нужно отбросить, если родина велела плыть и собирать

Римский торговый корабль. I в. до н. э.

провиант. Греческие моряки опасаются сниматься с якоря, и Помпей, уговаривая их выйти в море, прибегает к чеканному парадоксу: “Мне был дан приказ плыть, а выжить приказа не было”. Приходится признать, что эти слова менее всего внушены дерзкой отвагой мореплавателя-первопроходца и слово “плыть” появилось здесь лишь благодаря конкретной ситуации: если бы Помпей, к примеру, ободрял соратников перед битвой, на место πλεῖν легко можно было бы подставить μάχεσθαι или νικᾶν, не меняя общего смысла фразы.

Почему этот афоризм оказался переосмыслен? Нам думается, что причина этого — в каверзах грамматики. И греческое πλεῖν, и его латинский аналог *navigare* могут обозначать как итеративное, так и однократное действие (т. е. и “плавать”, и “плыть”). Помпей, безусловно, имел в виду второе — “Мне (нам) в данную минуту необходимо плыть”; впоследствии, когда эта фраза оторвалась от контекста и приобрела характер общего суждения, *navigare* было понято как итеративное, и перевод стал звучать как “Плавать необходимо, а жить — нет”.

Якорь и нос корабля. Деталь фриз. Рим, I в. до н. э.

Итак, исходное значение разобранный крылатой фразы — “Долг превыше самосохранения”. Именно такой сентенции мы и вправе были ожидать от римлянина, для которого исполнение обязанности, возложенной государством, является высшей добродетелью. Напротив, стремление к открытию новых земель, бескорыстный азарт мореплавателя были римлянам чужды: девиз “Плывать по морям необходимо, а жить не необходимо” скорее мог бы быть произнесен эллином. Именно греки, избородившие Средиземноморье в эпоху Великой колонизации, уже в VI в. до н. э. активно плавают и в Атлантику, и по Индийскому океану, изучают Черное море, пересекают Переднюю Азию, проходят по Ливии, оставляя подробные научные записи (по большей части несохранившиеся). Куда до них сухопутным римлянам-милитаристам!

Подтверждений научному (или, по крайней мере, исследовательскому) интересу греков к путешествиям существует множество. Среди имен прославленных древнегреческих мореплавателей (Евтимен, Гиппал, Евдокс Кизикский, Александр и другие) лучше остальных нам известны кариец Скилак и масилиец Пифей. Первый из них (согласно реконструкции, предложенной недавно Д. В. Панченко)¹⁵ в конце VI в. до н. э. спустился по Гангу, а затем первым из европейцев обогнул Индию и прошел в Красное море. Второй, во времена Александра Македонского отправившись на север исследовать новые земли, открыл для греков Оловянное море (Ла-Манш), Янтарное море (Северное), Британию (кстати, именно Пифей первым назвал ее так), Ирландию и другие страны. Лишь достигнув сплошной кромки льда на севере, Пифей повернул назад и возвратился в Массилию спустя восемь месяцев после отплытия, пройдя около 7500 морских миль. Конечно, купец Пифей, стремившийся отыскать торговый путь на север в обход бло-

кированного карфагенянами Гибралтара, равно как и Скилак, по поручению Дария готовивший расширение персидской империи на восток, предприняли свои путешествия не для исследовательских целей; однако оба плавания не были прерваны и после того, как основную их задачу можно было считать выполненной. Отметим также, что как Скилак, так и Пифей вели по ходу экспедиций научные наблюдения, а по возвращении написали о них книги (уцелевшие, к сожалению, только во фрагментах).

Таким образом, в отношении географических открытий и исследования новых земель греки вели себя куда более заинтересованно, чем римляне. Более того — мысль, созвучная *Navigare necesse est, vivere non necesse* (не в “помпеевском”, а в современном понимании) также засвидетельствована в греческой литературе. Мы имеем в виду эпитафию мореходу, дошедшую в “Палатинской антологии” под именем поэта III в. до н. э. Феодорида (*AP VII, 282*; пер. Д. В. Дашкова):¹⁶

Ναυηγοῦ τάφος εἰμί· σὺ δὲ πλέε· καὶ γὰρ ὄθ' ἤμεις
ὠλλύμεθ', αἱ λοιπαὶ νῆες ἐποντοπόρου.

В бурных волнах я погиб, но ты плыви без боязни!
Море, меня поглотив, в пристань других принесло.

Что касается изречения Помпея, то оно, как мы постарались показать, с романтикой дальних странствий не связано. Обидно? Обидно. Но, видимо, такова судьба многих крылатых выражений — отрываясь от контекста, жить в веках самостоятельной жизнью. В список *In vino veritas, Ars longa vita brevis, Mens sana in corpore sano* и т. д. добавляется еще один афоризм: *Navigare necesse est, vivere non necesse*. Увы, опять придется говорить о переосмыслении...¹⁷

Два торговых судна у маяка
Мозаика из Остии. Ок. 200 г. н. э.

¹ G. Büchmann. Geflügelte Worte / Bearb. von W. Hoffmann. Frankfurt a. Main; Berlin, 1986³⁸. S. 313–314.

² А. М. Бабкин, В. В. Шендецов. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляемых в русском языке без перевода. Кн. 2. М.; Л., 1966. С. 916.

³ С. Цвейг. Собрание сочинений: В 7 тт. Т. 3. М., 1963. С. 156 (пер. А. Кулишер).

⁴ Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровский. Словарь латинских крылатых слов. М., 1999⁵. С. 478–479.

⁵ Судьбу одного из таких выражений (тоже связанного с путешествиями) мы попытались обрисовать в работе: К. Корешков. Дым отечества // Абарис. 2004. Вып. 5. С. 29–37.

⁶ А. М. Бабкин, В. В. Шендецов. Указ. соч. Кн. 2. С. 916.

⁷ Знамя. 1998. № 11. С. 175 (эпиграф к статье Л. Вязьмитиновой).

⁸ По данным упомянутого словаря Г. Бюхмана, привычная для нас латинская версия фразы появилась только в 1478 г. — в переводе Плутарха, выполненном гуманистом А. Тудертином (Antonius Tudertinus).

⁹ Очевидно, именно судами сицилийского флота должен был пользоваться Помпей во время своей продовольственной экспедиции; напомним, что при обсуждении закона 57 г. до н. э. он требовал у сената собственных легионов и кораблей, но получил отказ (Т. Моммзен. История Рима. Т. 3. СПб., 1995. С. 209).

¹⁰ Источник этого эпизода неизвестен; подробнее об источниках Плутарховой биографии Помпея см.: Н. Hefner. Plutarch und der Aufstieg des Pompeius. Т. 1. Frankfurt a. Main, 1995. S. 44–62. — *Ред.*

¹¹ “Aliquid monstri alunt”, — говорит герой пьесы Теренция “Андриянка” (ст. 250) про родителей своей невесты, волнуясь, что ему эту невесту под разными предлогами не показывают.

¹² Ἀνεπίφθω κύβος — распространенная греческая поговорка; см.: *Menander: A Commentary* / By A. W. Gomme, F. H. Sandbach. Oxford, 1973. P. 690–691, ad fr. 59, 4 Körte — Thierfelder. Попутно отметим, что и это крылатое выражение употребляется сейчас не в исконном смысле: “<учти, что> игральная кость уже брошена” означает не столько “пути назад нет”, сколько “теперь все зависит от воли случая”. Как поясняет Плутарх в другом месте (*Caes.* 32), “это обычные слова тех, кто пускается в смелую авантюру с неясным исходом”. — *Ред.*

¹³ В соответствующем разделе “Изречений царей и полководцев” Плутарх приводит шестнадцать его остроумно-лаконичных реплик.

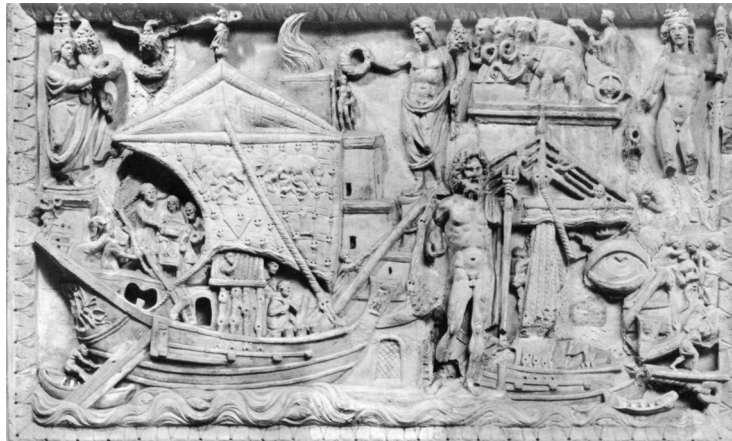
¹⁴ Дзета, в классическую эпоху произносившаяся как [zd], к этому времени превратилась в одиночный согласный (см., напр.: *W. S. Allen. Vox Graeca: A Guide to the Pronunciation of Classical Greek.* Cambridge, 1974². P. 53–56).

¹⁵ Мы познакомились с этой реконструкцией по популярной статье, резюмирующей выводы целого ряда англоязычных работ того же автора: Д. В. Панченко. История Скилака из Карианды // Абарис. 2004. Вып. 5. С. 2–5.

¹⁶ Ср. также *AP VII, 675* (эта эпитафия Леонида Александрийского, современника Помпея, явно подражает двустигию Феодорида).

¹⁷ Благодарим Дмитрия Вадимовича Панченко за ценные советы и замечания.

Руководитель доклада — В. В. Зельченко
Фото: А. В. Подосинов

Сцена в римской гавани. Ок. 200 г. н. э.

Заседания кружка “Классика” в 2005/2006 учебном году

1. Рассказы гимназистов о летних поездках (Ольвия, Дельфы).
2. **Алексей Лаго** (11 класс). По эту сторону Фулы: Путешествие Пифея. *Рук. Е. В. Желтова.*
3. **Константин Корешков** (11 класс). *Navigare necesse est, vivere non necesse*: Об одной крылатой фразе Гнея Помпея. *Рук. В. В. Зельченко.*
4. **Григорий Воробьев** (11 класс). Был ли Нума Помпилий учеником Пифагора? *Рук. А. В. Андреев.*
5. **Александра Горбова** (выпуск 2005 г.). “Донесение о константинопольском посольстве” Лиудпранда из Кремоны: Перевод и комментарий. *Рук. А. Ю. Енбекова.*
6. **А. К. Гаврилов**. Шлиман, Петербург, Троя (*торжественное заседание, посвященное десятилетию кружка*).

ГИМНАЗИЧЕСКИЕ МЕМУАРЫ

Илья Нахмансон

выпуск 1996 г.

CODEX SACTI

Предисловие автора к первому изданию

Одни, подобно нашему земляку Шлиману, отправляются на Восток в поисках погибших цивилизаций; другие, как крупный знаток игр компьютерных и иных Лепус, предпочитают сами быть инициаторами упадка и разрушения. Мне же, чтобы ощутить на башмаках прах ушедшей эпохи, достаточно зайти в свой старый класс. Прошло всего девять <лет> с тех пор, как я оставил эти стены, но такое чувство, будто все это было в прошлом веке или даже тысячелетии. Где скифская кость? Где замечательный Монтень из книжного шкафа? Полно, да стоит ли еще сам шкаф? Исчезли со стен картины Лепусова дедушки, нет больше и наших старых парт, на одной из которых Ромочка каждый год аршинными буквами выводил *Ave mater Dei*, не смываемое ни после каких субботников. Имена всего нашего класса, выцарапанные Юриком на оконном стекле в день последнего звонка, — и их уже нет. Только школьная доска, словно Ньюпортская башня, напоминает о первых обитателях здешних мест. По периметру этой доски наклеены черные ромбики от бабушкиных апельсинов Сатанова, которыми он, подобно Робинзону Крузо, отмечал каждый прожитый день. Скоро и эти реликты эпохи уйдут в прошлое, и только неисправный дроссель в лампе дневного света будет все так же гудеть над головами наших потомков.

Предисловие автора ко второму изданию

Вот уже десять <лет> прошло, и за этот год исчезли последние материальные свидетельства нашего существования. Электрики из РОНО сменили в школе проводку, и дроссели умерли. Благотворители одарили новой доской, и нет больше ромбиков Сатанова. Наши семивратные Фивы разрушены, над завалами Лабиринта пасутся козы, и на Гиссарлыке живут варвары. Остались разрозненные мифы, предания, песни, которые частично и собраны в этом писистратовом труде. Прочтя его, вы узнаете и про скифскую кость, и про Винни с Кроликом, и про приапический культ, и про погибшие цивилизации, и про многое другое.

Из предисловия публикаторов к n-ному изданию

Хронология т. н. *Codex Sacti* до сих пор вызывает ожесточенные споры у исследователей. Хотя в каноническом варианте речь идет о девяти и десяти годах, палеографический анализ древнейших уцелевших рукописей не дает однозначного ответа, действительно ли в авторском тексте стояло слово “лет” — или же “столетий”, как утверждают многие ученые (ср. с датировкой Атлантиды у Платона). В пользу последней гипотезы свидетельствует многое — например, упоминание о том, что описываемые события происходили в прошлом тысячелетии. Некоторые из глав Кодекса относятся к фактам глубокой древности; так, в нем сообщается, что “у школы не было своего здания”, — фраза, о смысле и возможных значениях которой исписаны тысячи страниц (подробно см. у Штруделя: V. W. Strudel, “Die mythologische Urheimat der Indogymnasiasten: Petrogradseite oder Basilinsel”). В настоящем издании мы сохранили традиционную хронологию. Последовательность глав, их нумерация и названия приводятся по изданию ***. О вариантах реконструкции оригинального текста см. <...>. Кодекс повествует о разных событиях т. н. Золотого века, в нем нет сквозной сюжетной линии, не всегда соблюдены единства времени, места и действия. Это дало повод некоторым ученым считать “Кодекс” позднейшей подделкой; другие текстологи заявляют, что герои его не совершали тех подвигов, о которых говорится в сказаниях, что само их существование сомнительно и не подтверждено материальными свидетельствами. Мы со своей стороны утверждаем, что “Кодекс Кактуса” сам по себе является важнейшим материальным свидетельством существования Золотого века гимназии и что все описанные в нем события, безусловно, происходили в действительности.

Ак. Фильченко, д. и. н. Пыльченко, д. ф. н. Прусс

А. Винни-Пух

<Глава А открывает первый цикл Кодекса — “Прозвища”. На полях Лодзинской рукописи имеется следующее замечание, которое многие комментаторы приписывают самому Кактусу: “В нашем классе было несколько волн, когда ученики обзаводились своими прозвищами; некоторые получили их довольно быстро, другие годами ждали удачной клички. Прозвища мутировали и заменялись новыми, умирали и переименовывались. Кроме того, они довольно четко разбивались на несколько кластеров”.>

Сейчас уже трудно сказать, но мне кажется, что все наши виннипуховские прозвища родом скорее из диснеевского мультика, чем из милновской книжки. Их как раз тогда начали показывать: в младшей на год параллели были Кевин и Гамми, а у нас вот Винни-Пух и все-все-все. По канонической версии все началось с того, что Вова С-ов подошел к Дане Д-ву, внимательно на него посмотрел и произнес: “Ты похож на Кролика”. “А ты на Винни-Пуха”, — тут же парировал Данька. Вова остался Винни до сих пор, под этим именем его знают в гимназии все, так к нему обращались и учителя на уроках. Латинистка ласково окликала его *Ursule*. Д-в был Кроликом очень долго, потом с легкой руки Татьяны Борисовны П[утилов]ой стал Лепусом. Друзья звали его Лепа, а Винни на короткий период времени ввел моду на инверсивную форму Супел или Суп. Повзрослев, Даня обрел более солидную кличку Д[уга]ич. Жизнерадостный и добродушный Винни с очкастым умником Кроликом очень соответствовали своим прозвищам: и внешне, и по существу, потому так долго ими и именовались. Третьим в этой компании стал Андрей С-ов, получивший кичку Тигра, Тигор или Тигер. Большой и веселый, Тигра тоже был под стать своему тезке и прозывался так еще некоторое время после окончания школы. Мой друг Ч-ч как-то признался мне, что для него детство закончилось тогда, когда он обратился к Андрею “Тигор”, а тот не понял, о чем идет речь. Колю К-го когда-то звали Сусликом — лишнее свидетельство того, что весь этот кластер прозвищ был обязан своим появлением мультфильму. У Милна-то никакого Суслика не было. Прозвище не прижилось, вероятно, из-за фамилии, которая сама звучала как кличка (ср. Женя Кемеровский или Жорж Бенгальский).

Б. Спрут

В конце восьмидесятых — начале девяностых “Спрут” был тем, что сейчас называется “культовым фильмом”. Его смотрели все от мала до велика, ужасаясь коррумпированности — именно из “Спрута” я узнал это слово — итальянских политиков и восхищаясь принципиальностью комиссара Катани, смерть которого оплакивала вся страна. В нашу речь вошло таинственное слово “каморра”, все кругом играли в “мафию”. Наш класс не остался в стороне, несколько человек обзавелись “итальянскими” кличками. Так Винни С-ов стал Эсмирнозой по аналогии с Эспинозой, одним из главарей коза ностра. Шурика П[упыни]на звали Пупырра. Все это было забавно, но длилось недолго, мода прошла, и прозвища исчезли.

В. Бобби Аткинс и мистер Бейли

В первые годы гимназия еще нащупывала методику преподавания. Учебный план на шесть лет вперед существовал лишь умозрительно, его практическое воплощение было делом неясного будущего, которого мы по разным причинам могли и не дождаться. Возня с Петроградским РОНО, борьба за новое здание с небезызвестным господином Кошелевым, общая ситуация в стране — помню, как в дни августовского путча девяносто первого чуть ли не главной мыслью была та, что школу непременно закроют. Что уж говорить о трудностях с учебниками и методическими пособиями — некоторых просто не существовало, от других было решено отказаться. В результате какие-то курсы читались исключительно по преподавательским конспектам, для других, например, латыни и истории, были раздобыты репринтные гимназические издания, а иногда учителям приходилось просто использовать то, что было под рукой. Так, первые два года мы учили английский по страннейшему учебнику. Это было одноязычное пособие середины прошлого века, предтеча Эккерсли. Там действовали несколько сквозных персонажей, которые беседовали друг с другом о лаун-теннисе и прочих экзотических вещах. Главными героями были мальчик Бобби Аткинс и его сосед мистер Бейли. В нашей “слабой” английской группе чтение по ролям всегда приводило к тому, что текст Бобби доставался

Маше Н-ой, а мистера Бейли — Маше Ш-р. Клички прилипли намертво. Три Маши в одном классе — это колоссальное неудобство для окружающих, а с помощью прозвищ проблема номинации решилась быстро и легко. Бобби сделала свою кличку копирайтом, основав шпаргалочное издательство *Bobby-press*, выпускавшее библиотечку “Хочешь получить больше, чем 2”. У меня до сих пор хранится изящный томик *in octavo* по биологии за девятый класс. Бейли, или Байлеу, была душой класса и радушной хозяйкой, угощавшей своих гостей семейным напитком. А на английском мы в итоге перешли к Эккерсли, но никто из многочисленных питомцев мистера Пристли уже не привлек нашего внимания.

Г. Грузины

Грузинские прозвища вдруг вошли в моду после одного из крымских походов, в которые казспэшно настроенных гимназистов водил неподражаемый Андрей Игоревич К[уприян]ов. Возвращаясь из поездок, туристы привозили с собой бронзовый загар, свежие украинские анекдоты, кишечные палочки и фрукты, а однажды завезли большую коллекцию грузинских имен. Откуда они взялись и кому пришла в голову эта светлая мысль, я не знаю, но факт в том, что вместо Вов и Сереж все вдруг стали Мамуками и Сосо. Когда мы бегали на переменах играть в футбол с мальчишками из соседних дворов, те поражались столь сильной концентрации грузин со славянской внешностью у нас в школе. Андрей “Тигор” С-ов именовался Вахтангом, но в основном эта мода коснулась параллельного класса, “альфы”. Лешу Ш-на звали Звиядом, Вову Л-ку — Гоги, Сашу П-ва — Атари (sic). Двое последних сохранили свои клички до нынешнего почтенного возраста.

Д. Примус и Кипятильник

Сережа П-в и Катя Д-на получили свои прозвища — Примус и Кипятильник соответственно — за вспыльчивый нрав и богатство эмоций. Сережа заводился медленно, но регулярно. Постепенно закипая, он в какой-то момент начинал шипеть и булькать (отсюда и прозвище) и в целях разрядки затевал мутузить Саню Т-го. Впрочем, я всегда считал, что для них это была игра или даже ритуал. Гонки между партами и по партам, катания по полу, вызовы к директору — все это очень скрашивало однообразие учебного процесса в течение нескольких лет. Некоторые друзья и сейчас зовут П-ва Примусом. Катя же была тихая, интеллигентная девочка. Довести ее до кипения было непросто, но в этом трудном деле мы отточили свои навыки до совершенства, ибо видимый эффект был потрясающим. Кипятильник не бегала за обидчиком с меловой тряпкой и не обрушивала на него поток латинских ругательств, о нет. Воспитание — великая вещь. Неразличимым глазу движением она хватала с парты лежавшую на ней книгу — обычно это был увесистый словарь греческого языка Вейсмана — и изо всех сил лупила супостата по башке. Мне как соседу по парте доставалось чаще и больше других. По мнению некоторых авторитетных специалистов, это не прошло без следа.

Е. Животные

В школе всегда было много кличек животного происхождения: Слон, Рыся, Барсук, Коза и другие. Собственно, в самом этом факте ничего необычного нет, любопытно только, что в каждом случае причины возникновения прозвища были совершенно разными. Например, Кролик с Тигером, как было сказано, пришли из “Винни-Пуха”. А вот Сережа Ч-ч очень долго не имел меткой клички и до поры до времени бесцветно прозывался Чистом. Сгубила

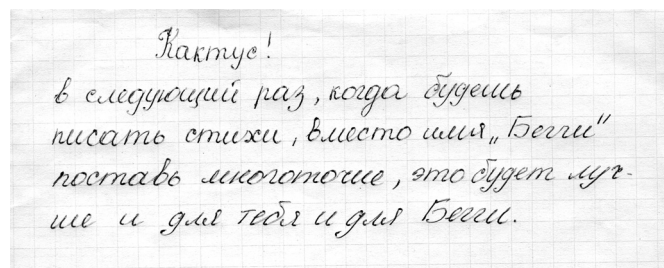

его привычка в ответ на любую просьбу огрызаться коронным “Что я, ежик, что ли?” Само собой, Ежиком он и стал. Еж, Ежило, Хичкок (от англ. *hedgehog*), Игель — как его не прозывали! Латинистка Т. Б. П[утило]ва именовала его *Er*. Помнится, когда мы выезжали по обмену в Германию, бурю восторга вызвала новость о существовании в этой стране специфического журнала с таким же названием. Школьное прозвище во многом определило Сережины привычки, ему обязана своим существованием изысканная коллекция игрушечных ежей.

Алика О-го, по общему мнению, прозвали Змием за мудрость и жалищий язык. Мудрость Алика заключалась в том, что он, обладая врожденным даром к физике и математике, всегда умудрялся точно определить все необходимые и достаточные

условия для достижения удовлетворительного результата в гуманитарных дисциплинах, совершенно его не привлекавших. Со змеиной ловкостью он проскользнул мимо всех ловушек, расставлявшихся ему древними римлянами и греками, и ухитрился окончить классическую гимназию, не зная даже первого склонения в латыни, не говоря уж о парадигме глагола *παίδεύω*. О его афоризмах и остротах по школе ходили легенды: согласно одной из них, он однажды срезал в состязании языков самого Л. Я. Ж[муд]я. Вследствие метонимического переноса параллельно с прозвищем “Змий” окказионально употреблялось и менее формальное “Зеленый”.

Меня же почему-то прозвали Кактусом. Отчего — понятия не имею: разве можно представить себе что-нибудь менее колючее и более пушистое, чем я? И тем не менее, факт есть факт. В моем архиве хранится написанная Леськой анонимка, в которой Кактуса предостерегают от опрометчивых действий и мыслей в отношении Маши П. А Даша Х-ва прославилась своим стихотворением “Много злобных кактусонов...”.

Ё. ИМЕНА, ОТЧЕСТВА, ФАМИЛИИ

С именами была связана одна любопытная закономерность <...>.

<В этом месте текст Кодекса прерывается. Принято полагать, что в утраченном фрагменте рассказывалось о происхождении антропонимов “Сатанов” и “Зерыч”. Мы не считаем возможным включить в это академическое издание какие-либо апокрифические варианты, возникшие во множестве в позднейшую эпоху.>

О содержании трех пропущенных глав (Ж–И) можно только догадываться. Вероятно, в них говорилось о существовавших до “хунты” формах социальной организации, хотя не исключено, что они относятся к первому циклу “Кодекса” — “Прозвищам”. Акад. Сивокобыльский предполагает, что в утерянных главах речь шла о “периоде Смуты” — темных годах гимназии, когда происходили легендарные бои с РОНО, СЭС, Пожарнадзором и другими мифическими чудовищами (см. апокрифическую “Легенду о Сергее Владимировиче и монтировке” и др.). Возможно, там же рассказано об испытаниях и обрядах инициации. Первые комментаторы сообщают, что желающий вступить в гимназический круг должен был встретиться с Л. Я. Жмудем¹ и ответить на его загадку.>

Й. ХУНТА

Высокая концентрация в классе талантливых и амбициозных личностей, преодолевших конкурс в 15 человек на место и дорвавшихся до латыни, а в перспективе и до греческого, неизбежно привела к проблеме поиска себя в новом окружении и к острой борьбе за лидерство. Возникали и рушились различные союзы, связи, интриги и альянсы. В старшем классе шла ожесточенная борьба между пионерами и неформалами. Первые настаивали на обязательном ношении красных галстуков всеми, другие защищали свое право ходить как вздумается. Дискуссии были бурными, однако до насилия не доходило. Не так развивалась история в шестом “бета”. К концу первого полугодия в классе сложилась “хунта” — группировка, которая силой насаждала свою власть и претендовала на то, чтобы контролировать все сферы гимназической жизни. Возглавляли хунту два самых изощренных ума школы — Лепус и Тигор. К тому же они были на год старше остальных и выделялись ростом и физической силой. Вокруг них образовалась кучка последователей и прихлебателей; вместе они наводили ужас на благонамеренных гимназистов. Хунта не преследовала таких ничтожных целей, как школьный рэкет, мелкие поборы или “темные” недовольным. Ее главари были заинтересованы только во власти — абсолютной и явной. Внутри хунты существовала строгая иерархия; все гимназисты, не принадлежавшие к ней, согласно озвученной доктрине, “являлись врагами”. С ними можно было поступать по законам военного времени. Естественно, в массах росло недовольство. Противники хунты, поначалу слабые и разрозненные, объединялись и начали

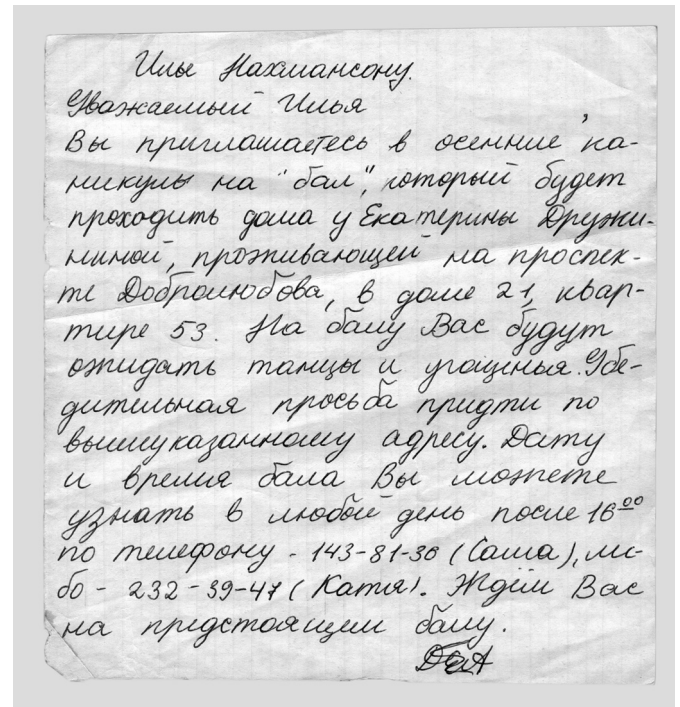
давать достойный отпор. Всю вторую и третью четверти бушевали локальные беспорядки, закончившиеся тем, что зачинщики с обеих сторон получили “неуды” по поведению и были лишены премиальной поездки в Бельгию. Это нанесло хунте серьезный психологический удар, и она вскоре распалась. Царство тьмы закончилось.

К. ФАЛЛАСТЕР

Фалластер возник в классе в девятом или десятом. Его название, как слово-бумажник Шалтая-Болтая, состояло из двух слов: “фаланстер” — утопическая коммуна, про которую главный идеолог движения, бывший хунтовец Демочка вычитал у Филдинга, и <...>.² Членами фалластера были четыре человека: Демочка, Ромочка, Сатанов и Юрик. Об уставе и задачах этого общества известно немного: это была полуполюгальная секта, исповедовавшая культ Приапа. <...> У каждого фалластерца была своя “лампочка” — объект поклонения и личная собственность, муза и раба. Фалластерцы были убеждены, что связаны с “лампочками” неразрывной нитью и составляют с ними единое целое. К сожалению, ни одному из членов фалластера так никогда и не хватило смелости рассказать об этой удивительной высшей связи самим “лампочкам”, поэтому их идолопоклонничество так и осталось духовным и дистанцированным.

Л. БАЛЫ И ЖУРФИКСЫ

Натуралистическая философия фалластерцев удовлетворяла чувственные запросы лишь одной небольшой группы. На другом полюсе эротической сферы находился кружок любителей балов и журфиксов. В моем архиве хранится листок из тетради в клеточку, на котором написано следующее:

Это был билет в высшее общество. Смущало меня лишь то, что я совершенно не знал, как правильно вести себя в свете, и вовсе не умел танцевать. К счастью, Саша с Катей, как и

подобает истинным аристократам, были демократичны и на всякие тонкости вроде правильного держания щипцов для кальмаров внимания не обращали. А танцевать меня Пупыч³ выучил в два счета. “Эту руку вот сюда, другую — вот сюда, а можешь и туда”, — я освоился сразу. И в свой дебютный вечер лихо отплясывал со всеми барышнями. У нас были барышни! В отличие от механистического аскетизма фалластерцев здесь все было естественно и живо, барышень можно было подержать за ручку, поговорить о Патрисии Каас или Джоне Ленноне, поиграть с ними в фанты и погадать на картах. Получить приглашение на такой бал было исключительно трудно, Шурик с Катей очень придирчиво оценивали возможности потенциальных кандидатов, и только лучшие из лучших удаивались заветного тетрадного листочка. Расторопному Пупычу удалось даже заполучить в число гостей тандем знаменитых светских львиц из первого выпуска, т. н. “Святую двоицу” — Настю Л*** и Иру Б***. Это был триумф! Какие велись беседы, какие закручивались интриги и амуры, какие порхали полунамеки и полувзгляды! И всезнающий Шурик, наш Вергилий в мире любовной науки, после бала объяснял нам значение каждого жеста и слова, обнадеживал меня и вновь ввергал в пучину отчаяния. <...>

П. Ножички

<Главы М, Н и О утрачены. По-видимому, в одной из них рассказывалось о “Девичнике” — иерархически устроенной структуре одноклассниц Кактуса. Есть сведения, что эта глава была удалена из Кодекса еще при жизни составителя под давлением феминистских организаций. В главе П начинается цикл “Игры”, хотя не исключено, что первая часть “Игр” была включена в главу О и речь в ней шла о догимназических годах Кактуса.>

В школе досуг детей был организован на ять. Классные дамы следили за тем, чтобы мы не скисали и не скучали. Так, за нашей параллелью приглядывала Анна Михайловна А[рье]ва, жена Андрея А[рье]ва. У школы не было своего здания — соответственно, и физкультурного зала тоже; поэтому иногда нас вместо уроков отпускали играть в казаки-разбойники. Или мы отправлялись играть в снежки к ЛЭТИ, где два ве-

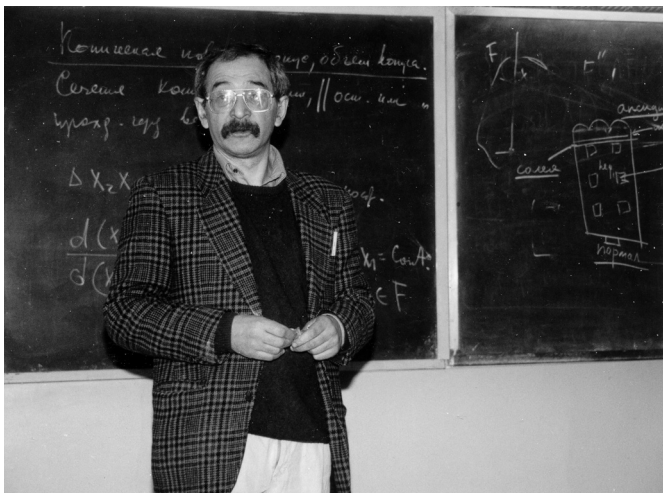
ликовозрастных недоросля Лепус с Тигором обороняли кирпичные лестницы института от натиска мелких варваров из обоих классов. Или нас отвозили к зубробизонам в Токсово, где мы с учителями строили снежный городок и потом штурмовали его. Кроме того, была куча комнатных игр. Так как

из-за войны с РОНО классы постоянно закрывали на всякий замок, мы часто играли в коридорах в шарady и “кроскодила”, “контакт” и “ситуации”; потом появилась отличная игра “наводка”, в которую играли двое на двое, и надо было при помощи ассоциаций навести партнера на загаданное слово. А “мафия”, которой нас научила все та же замечательная А. М.! Мы играли в классическую версию, без комиссаров Катани и докторов, только граждане и мафия. Ох, это была эпидемия, длившаяся несколько месяцев! Злобные РОНОшники к длинному перечню преступлений классической системы образования перед детьми добавили распространение карточных игр (хотя мафия имеет такое же отношение к картам, как Брежнев к русской литературе). Мафию запрещали, карты отбирали, но потом разрешали снова. Однако при том, что разрешенных и даже поощряемых игр было навалом, душа лежала к другому, запретному.

И я в шестом классе пристрастился к *ножичкам*. Ножички были безусловно запрещены, попавшемуся на месте преступления грозили серьезные неприятности вплоть до исключения. Нас известили о печальной участи царевича Дмитрия. Но играли все. У меня был очень красивый ножик в виде туфельки, но потом я его потерял, а нашедший “туфельку” Юрик красивую вещь зажил и не отдал. Пришлось обходиться старым оружием с рукояткой в виде Гагарина. Игр было три: собственно “ножички”, “танчики” и “земелька”. Обычные ножички заключались в том, что ножик надо было втыкать землю из разных положений и со всякими трюками. Первая фигура — просто держа за лезвие. Вторая — за рукоятку. Дальше шли всякие фигуры вроде “с мизинчика”, “с носа”, “с переворотом”, “мельница” и так далее. На раскопках в Торопце⁴ мы обходились археологическими совочками. “Тан-

чики” я любил больше всего. На земле чертились несколько танков, т. е. квадратов с пушками (обычно их бывало пять). Противник рисовал свои танки на определенном удалении от твоих; можно было играть и втроем. Ход делался так: игрок вставал на один из своих танков и бросал ножик. Если тот втыкался, танк переезжал в эту точку, если же нет — оставался на месте. Задача была в том, чтобы подбить все чужие танки, для чего использовались разные страте-

гии: окружение, отступление, прорыв и т. д. Можно было бросать “атомную бомбу” — кидать ножик вслепую через себя. Если он втыкался, все танчики, оказавшиеся в шаге от центра взрыва, погибали. В “земельку” мы играли дольше всего. Чертился круг, который потом делился на несколько

секторов по числу участников. Нужно было втыкать ножик в сектор противника, отрезая от него землю и прибавляя ее к своей. Подробности не помню, но единицей меры была ступня, сиречь фут. Была еще декадентская версия с астероидами, когда можно было выходить за пределы круга, но мы в нее играли редко.

Р. НАСТОЛЬНЫЕ ИГРЫ

Настольных игр было много. Ножички или баскетбол — это, конечно, хорошо, но на уроке в них не поиграешь, а делать что-то надо. “Наборщик” вошел в программу отлыньпиад с раннего детства, иногда играли всем классом во время уж совсем скучного урока. С соседом по парте резались в “виселицу”, реже в “балду” или крестики-нолики до пяти в ряд. Был период нашествия “клопов”. “Клопами” назывались две совершенно разные игры, заключающиеся в рисовании на бумаге точек. В одной из них необходимо было окружить “клопов” противника, а во второй — просто пожрать их. Несколько месяцев все таскались в школу с шахматными досками, двигали пешки, потом перестали. Однажды вдруг началась эпидемия армрестлинга, тоже вполне себе настольная игра. Все это обычные околешкольные развлечения, хотя, замечу, в параллельном классе таких регулярных вспышек интереса к какой-нибудь игре — эпидемий — не возникало. Мы были намного азартнее дохляков из “альфы”. И еще у нас были две патентованные настольные игры, о которых многие никогда и не слышали.

В том же шестом классе уже упомянутые Лепус и Тигор взбаламутили нашу и без того нескучную жизнь новой игрой. Названия ее я не помню, но, по сути, это были компьютерные аркады на бумаге (тогда никто из нас и слов-то таких не знал, как “компьютер” или тем более “аркада”). У ведущего была нарисованная на сдвоенном тетрадном листе карта города. В городе было много чего: магазины, аптеки, банки, полицейские посты и т. д. Также там в некоторых местах можно было найти деньги, оружие и прочие аксессуары героя. Но больше всего там было, конечно, разного рода бандюков с базуками и УЗИ. Нужно было ходить туда-сюда, выполнять разные миссии (скажем, ограбить банк на юго-западе или убить парочку злобных мафиози). Игроку выдавались два чистых листа и кубики. За ход мож-

но было продвигаться вперед на небольшое количество клеток, видимость тоже была ограниченной. Постепенно ведущий рисовал на твоём листке карту города, как ты его видишь. Можно было заходить в разные дома, смотреть, что там внутри. При встречах с бандюками завязывалась перестрелка, исход которой зависел от твоего оружия, количества хитов и комбинации кубиков. Лепус осуществлял звуковое оформление не хуже, чем в каком-нибудь “Думе”. Если посреди урока математики из угла раздавалось негромкое, но четкое *Ta-ma-taaaa-АПС*, это значило, что Тигор нарвался на пулеметчика. Плохо было только одно: эти парни обычно играли только друг с дружкой, срисовывать карты не давали, а любые пиратские копии уничтожали на месте. Приходилось рисовать и играть тайком. Так, я и сейчас помню прекрасный сценарий, созданный мною с Ходаком.⁵ Поскольку все города были американскими (условно), то и названия учреждений тоже надо было писать по-английски. Если с банком мы еще худо-бедно справились, то с полицией было труднее, мы точно не знали, как она пишется в оригинале. Из ситуации вышли просто: написали на соответствующих квадратиках слово *Post* по принципу “Пост — он и в Америке пост”.

Второй настольной игрой были *монетки*. В них играли только на столе, причем на учительском — обычно в отсутствие учителя. Несмотря на название и спортивный инвентарь, игра не велась на деньги. Как только звучал звонок на перемену и преподаватель выходил из класса, все мальчишки миглом облепляли учительский стол, сжимая в ладошках монетки. Номинал и размер значения не имели. По сигналу все запускали монетки так, чтобы они, вертясь на ребре, двигались по поверхности стола. Способов запуска существует ровно два с половиной, попробуйте сами. Суть заключалась в том, чтобы а) выбить монетку соседа со стола или б) стукнуть

своей монеткой по чужой так, чтобы, когда вращение обеих кругляшей закончится, твоя монетка упала позже. После первого все последующие запуски осуществлялись с места остановки монеты. Количество игровых не ограничивалось. Стратегий был миллион: можно отсиживаться в своем углу, выжидая, пока все противники укокошат друг друга, можно агрессивно вышибать всех со стола, рискуя самому вылететь за поле, заключать временные союзы и тут же их нарушать, запускать монету изо всех сил или лишь чуть-чуть ее крутануть, а потом, когда она упадет, добить врага на излете. Были любители огромных юбилейных советских пятирублевиков и специалисты по “копеечкам”. Я лично чаще всего играл монетой в два польских злотых, которая идеально сочетала долгие вращаемость и неупадаемость. Учителей, конечно, злило такое непотребство на рабочем месте: они конфисковывали весь инвентарь, стучали кулаками и запрещали “монетки” в административном порядке. “Опять они тут порнографией занимаются”, — шумел Жмудь. Ничего не помогало, пока через несколько месяцев мы сами не устали от игры <...>.

Г. Подвижные игры и спорт

Когда по личному распоряжению Собчака школе дали свое здание с небольшим спортзалом, в расписании уроков, наконец, появилась физкультура. Первым физруком был каратист, имя его стерлось из памяти. Мы бегали кругами по залу, отжимались на кулаках, пробовали выполнить кату. Все это было скучно, поэтому однажды Дима Юркевич развлечения ради запер каратиста на ключ в небольшой комнатке, примыкавшей к залу. Этот факт стал еще одним пунктом обвинения на достопамятном гражданском суде.⁶ Впрочем, в одну веселую игру мы при каратисте рублились до синяков и шишек. Это была помесь баскетбола и регби, нужно было забросить регбийный мяч в корзину, правил не было никаких, сходились стенка на стенку. О, это было здорово!

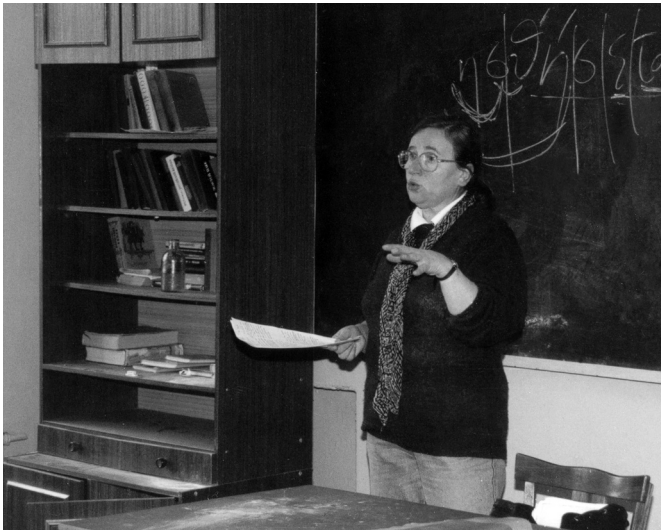
Ситуация изменилась к лучшему с приходом в школу Богдана Эдуардовича. Богдан Эдуардович сам был в прошлом гандболист и любил повозиться с мячом. Появилась баскетбольная секция, я сутками не вылезал из зала. Кроме собственно баскетбола мы играли в 33 (бросали с разных точек по три очка за попадание, после тридцати очки по одному нужно было набирать с линии штрафного броска) и в “козла” — баскетбольный вариант “минус пять”. Еще мы пробовали разные вариации “вышибалы”: от классического *dodgeball* а до бросания друг в друга летающих тарелок и обстрела футбольными мячами. Богдан Эдуардович все время изобретал что-нибудь новое — например, одно время мы играли в сумо с небольшой поправкой: все движения требовалось выполнять на одной ноге.

Вскоре после переезда администрация школы раскошелилась на два теннисных стола. Все моментально обзавелись ракетками и начали стучать шариками. У столов царил

полная демократия: играли и ученики и учителя вплоть до директора, вылетевшие в игре на выбывание уступали места другим. Махали ракетками даже те, кто сроду этого не делал. Увлечение пинг-понгом приняло такие масштабы, что вскоре столы от греха подальше убрали в запаску, но когда в школу пришла преподавать физкультуру Екатерина О[легов]на, жена Богдана Э[дуардов]ича и мастер спорта по настольному теннису, их вновь вытащили на божий свет и даже купили еще один. Каждую перемену десятки гимназистов бежали на четвертый этаж рубиться в “колбасу”: для нормальной игры было слишком много желающих. Ракеток обычно на всех не хватало, их быстро передавали друг другу или вооружались учебниками и отбивали шарики ими. Лучше всего для этой цели подходили репринтные дореволюционные издания в жестком ручном переплете, например, грамматика латинского языка Санчурского. После уроков была возможность поиграть уже по-настоящему, раз в год проводился школьный чемпионат. Всего их было два: в первом я в финале проиграл Вове Л-ке, во втором и последнем победил.

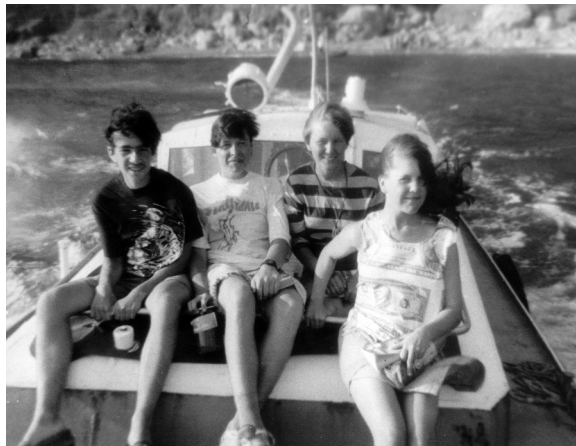
В футбол играл сколько себя помню. Помимо обычной игры с воротами, есть куча других способов пинать ногами мяч. Самые простые — это “минус пять” и “квадрат”. Во дворах Капеллы вдоль одного из брандмауэров на высоте в три метра проходила толстая труба, и мы играли в “минус пять выше трубы” — это было сложно и интересно. Правил “квадрата” было много, играли на замену и на выбывание, с простым счетом до пяти и со сложным, в зависимости от техники удара, с набиваниями и без. Последний раз я стоял в “квадрате” на военных сборах. Еще мы играли в “короля”. “Королем” можно было стать за счет набиваний: сперва 10 раз правой ногой, потом столько же правым коленом, потом кулаком, потом головой, а затем левыми конечностями сверху вниз. Набивать можно было сериями не меньше трех набиваний за раз, на “девятке” все сторало и нужно было начинать с нуля. В конце “короля” ждал экзамен: всю последовательность ударов требовалось выполнить за один заход. Провалившиеся могли попытаться удачи на переэкзаменовке; если провал ждал и тут, весь цикл приходилось проходить заново.

У. РАСКОП

<Глава У открывает новый цикл Кодекса, посвященный Крымскому походу 1996 года.>

Откапывали каких-то скифов двухтысячелетней давности. Откопали, много. Они все были в виде фрагментов — похоже, у предков-азиатов было обыкновение периодически выкапывать своих мертвецов и сбрасывать их кости в общую кучу, освобождая место для новых захоронений. Такой вот отстойник мы и нарыли. Сложили косточки в десятилитровые жестяные ведра, и наши девушки с песнями потащили их с могильника вниз к лагерю. А самую красивую и большую кость — берцовую, если не ошибаюсь, — мы с Ромочкой слямзили и привезли потом в Питер. Помнится, всю поездку грызлись из-за нее, как собаки, хотели распилить, но пилы не оказалось под рукой. А топором неудобно было. Так что доставили ее в метрополию целой и невредимой. Эта кость еще долго в гимназии лежала, СВ⁷ использовал ее как указку. Впрочем, один целый скелет мы тоже нашли. Он был завален камнями, а рядом лежал какой-то бесценный кувшинчик из глины. Мы были в восторге. У Бидструпа есть комикс “Археология”, там все точно как у нас нарисовано. Только с этим скелетом потом проблема возникла, потому что неподалеку от лагеря располагалась деревня Кольчугино, плотно упакованная юношами на мопедах, которые живо интересовались нашими раскопками и выказывали явные намерения прихватить на память какую-нибудь кость пожирнее. Поэтому был установ-

лен график дежурств: каждый археолог-любитель, годный к строевой службе, обязан был вдобавок к шести часам махания лопатой еще три часа провести на страже народного достояния, охраняя предка от посягательств местных энтузиастов. В качестве оружия на выбор предлагались кирка и лопата. Я остановился на кирке. Просидеть три часа на палящем крымском солнце в обществе молчаливого скифа двухтысячелетней выдержки — это было сильное испытание. Отчетливо помню, что я поделился с ним всеми своими жизненными проблемами, а их у меня в 16 лет было навалом. Как, впрочем, и сейчас. Должен сказать, что никогда не встречал такого отзывчивого и умудренного опытом собеседника. <...>

Ш. БОББИ И ЛЕСЬКА

В Бобби все было своеобычно, начиная с редкого в наших широтах у девушек имени и заканчивая экстравагантной привычкой жевать махровые полотенца. А чего стоило одно ее платьице, усеянное сто долларными купюрами! Бобби обладала редким, но очень ценным в коллективе даром провоцировать нештатные ситуации. Так, однажды в Севастополе Бобби пошла в салон красоты и сделала себе умопомрачительную укладку, работа над которой заняла у парикмахера четыре часа. Наблюдавшая за этим процессом Леська, умирая от хохота, выползла на улицу и в паузах между конвульсиями попросила нас с Винни проявить благородство и подобающим джентльменам образом выразить свое восхищение этим шедевром куаферного искусства. Увы, шансов на это не было. Едва лишь Бобби ступила на солнечную Ушаковскую набережную, на Крым обрушилась страшнейшая из гроз, которая остановила все движение, наземное и водное, смыла прибрежную тропу из Балаклавы на Золотой пляж, унесла в Турцию палатку Оси и, о ужас, испортила чудную Боббишкину укладку.

Леську интересовали скифы. За год до этой экспедиции на семинаре *Wohin geht Europa?*, куда мы ездили по приглашению Фрайбургского института Европы, она выступила с зажигательной речью “да, скифы мы, да, азиаты”, повергнув в уныние титанов немецкой политологии и социологии, лелеявших надежды на то, что Россия молодая поглядывает-таки в сторону Запада и позитивно относится к перспективам интеграции. На крымских раскопках Леська искала подтверждение своей расово-мировоззренческой теории, проводя уйму времени в обществе мертвых предков — к немалой досаде живых современников мужского пола. Увы, фрагментарность прак-

тически всех найденных нами скифов взывала к гению Кювье, равного которому среди нас не нашлось. Однако один факт был отмечен всеми как совершенно поразительный — исключительная белизна скифских зубов. Это обстоятельство ставило Леську в тупик, не давая ей покоя, ибо никакими блендамедами или колгейтами добиться подобного невозможно и никто из нас такими жемчужными кусочками похвастаться не мог. Разгадка, как и всегда в таких случаях, оказалась проста — <...>⁸

Ъ. Мидии

Полчаса на троллейбусе из центра до окраины Севастополя. Оттуда полчаса на автобусе до Балаклавы, мимо — ах, мечта! — Золотой Балки. Оттуда еще минут двадцать теплоходом до Золотого пляжа, мимо — большой секрет! — базы подводных лодок. Оттуда минут десять пешком по камням и валунам до небольшого плато-платка-палатки. Песчаный склон почти отвесно поднимается от моря футов на сто пятьдесят, по краю гряды вьется тропа до Балаклавы: по ней Ося и Паша в бурю будут идти несколько часов до лагеря. А метрах в тридцати от берега находятся мидиевые колонии. Мидий тысячи, но за ними приходится нырять почти к самому дну, потом, они крепко прилепились к скалам, и за один нырок удаётся отковырять всего две-три. Мы с Мишкой и Леськой несколько часов плаваем среди валунов с полиэтиленовыми мешками, собираем еду. Зерыч с Сан Санычем раздобыли огромный ржавый лист железа, на который мы и вываливаем свою добычу. Зерыч включает бензиновую горелку и жарит мидии до раскрытия ракушек. Специй у нас нет, нет даже соли. Ракушки трещат и раскрываются, в прорезях видна какая-то желто-серая слизь. Боже, как это вкусно! <...>

Я. Последняя глава, или ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Было все это или нет? Или было, но не все? Где проходит граница между памятью и воображением, историей и легендой? Что сказал Винни Кролику и почему классные дамы больше не звенят колокольчиками перед переменной? Сколько всего произошло за те шесть лет, что мы учились склонять *hic, haec, hoc* и решать уравнения? Мы поступили в гимназию в одной стране и в одном городе, а закончили уже в других. Нас выжимали из четырех помещений Петроградского РОНО в казематы Петропавловки и на частные квартиры. Мы шестью классами въехали в здание на углу Щорса и Красного Курсанта и постепенно заселяли его этаж за этажом. Мы росли вместе со школой и страной, и они росли с нами. Мы дети Реформации, блестящие педагоги и ученые не только передавали нам свои знания, не только учили нас читать в подлиннике Гомера, Катулла и Шекспира — они ждали, что из нашей среды выйдут если не Пушкины, то Матюшкины, Горчаковы, Кюхельбекеры.

Что стало с нами, что стало со школой? Об этом в двух словах не скажешь. Но гимназические годы, наш Золотой век первой половины 90-х, всегда с нами. Память и воображение могут оживить полузабытые лица и события и соскрести щеткой археолога наносы прошедших лет. И тогда я вижу в зеркале мальчика в очках, я вижу, как он весной 90-го года с температурой 39 градусов сдает в здании ЛЭТИ устный вступительный экзамен Т. Б. Путилов[ой] и на вопрос о языке древних римлян отвечает “древнеримский”. Я вижу, как он дерется с Демочкой в сквере на углу Большой Пушкинской и Бармалева, в сквере, которого сейчас нет. Я вижу, как он забрасывает трехочковый на районных соревнованиях по баскетболу и танцует вальс с Бобби на выпускном балу. Я вижу, как он мне улыбается, и говорю ему: *Salve, Cacte!*

¹ О значении этого мифонима см. статью А. Ы. Фильченко “Жмудь: Человек или Зверь?”.

² К сожалению, здесь и дальше в этой главе есть несколько лакун. По-видимому, уже в первых редакциях Кодекс был подвергнут цензуре. Во всяком случае, ни в одном из сохранившихся списков эти лакуны не заполнены.

³ Пупыч, Саша, Шурик — очевидно, одно лицо.

⁴ Об этой легендарной экспедиции прагимназистов известно крайне мало: кроме нескольких упоминаний в тексте Кактуса у нас нет никаких сведений о ней. Некоторые ученые считают, что о Торопецких раскопках подробно рассказывалось в одной из утраченных глав Кодекса.

⁵ Самая загадочная личность из всех первых гимназистов, о которой не известно практически ничего. Подробнее см.: Я. Л. Прусс, “Чего мы не знаем о Ходаке”.

⁶ О знаменитом суде над Юркевичем говорится в апокрифе “Житие Димы Юркевича”. К сожалению, ни подтвердить, ни опровергнуть содержащиеся в нем факты невозможно. Составитель Кодекса не сообщает подробностей — очевидно, полагая, что они известны любому читателю.

⁷ Сергей Владимирович Бурячко.

⁸ Увы, и в этом месте следует лакуна. Подробнее о вариантах разгадки скифских зубов см.: К. Kirschenkner, “The Scythian Skeleton, or The White Teeth Mystery”.

BRITANNICA

GABBERVOCCHUS

С гуманистических времен умение слагать латинские стихи стало неотъемлемой частью полноценного образования; на Британских островах эта традиция, кажется, пустила самые глубокие корни и удержалась дольше всего. Томас Мор и “английский Марциал” Джон Оуэн, Джордж Бьюкенен и Джон Мильтон создали шедевры европейской новолатинской поэзии; и еще в 1920-е гг. питомцы классических школ и университетов Альбиона упражнялись, перелагая на латынь Шекспира и Теннисона,

а также сочиняя собственные вирши. О результатах этой выучки свидетельствует эпизод, переданный педагогом Бенджамином Кеннеди (1804–1880). В одной оксфордской компании кто-то заявил, что латинскими дистихами можно передать все что угодно; в ответ другой из присутствующих вынул из кармана завалявшуюся там повестку следующего содержания: “Reverend Sir, You are requested to attend a Meeting of the Bridge Comitee on Saturday the 2-nd of November at 12 o'clock, to consider Mr. Diffles' proposal for laying down gas-pipes. We are, Reverend Sir, Your obedient servants, Smith and Sons, solicitors”. Было заключено пари, и вскоре на свет явился перевод:

Consilio memor intersis de ponte, rogamus,
Saturni sacro, vir reverende, die;
ante diem quartam Nonas erit ille Novembres,
sextaque delectos convocat hora viros.
Carbonum luci suadet struxisse canales
Diphilus; ambigitur, prosit an obsit opus.
Наес tibi devincti Fabri, natiq̄ue paterque,
actores socii, vir reverende, dabant.

Авторы этой подборки, пожалуй, сумели справиться с еще более трудной задачей. Перед вами переводы самого знаменитого образца “поэзии нонсенса” — баллады Льюиса Кэрролла Jabberwocky, которая на добрую половину состоит из выдуманных слов. (Всею памятна блестящая русская версия Бориса Заходера, озаглавленная “Бармаглот”: “Варькалось. Хливкие шорьки / Пырялись по наве...” и т. д.). Вскоре после выхода “Алисы в Зазеркалье” с латинскими переложениями Jabberwocky выступили дядя Кэрролла юрист Хэссерд Хьюм Доджсон (1803–1884) и кембриджский “дон”, исследователь новозаветных рукописей

Jabberwocky. Гравюра
Дж. Тенниела к первому изданию
“Алисы в Зазеркалье”. 1872

Огастес Артур Ванситтарт (1824–1882). В качестве дополнения мы приводим и немецкий перевод Роберта Скотта (1811–1877), чье имя знакомо каждому классику по монументальному греческо-английскому словарю, в просторечии именуемому “Лидделл — Скотт”. (Кстати, другой автор этого словаря, ректор оксфордского колледжа Крайст-Чёрч Генри Джордж Лидделл, также остался в истории кэрролловедения: его дочь Алиса послужила прототипом героини обеих сказок.) Публикуя свой перевод в журнале Macmillan Magazine, Скотт в сопроводительной заметке уверял, что текст этой старинной баллады был сообщен духом некоего Германа фон Швинделя (!) на спиритическом сеансе. Тогда же он написал Кэрроллу, пародируя входящие в моду праиндоевропейские мифологические реконструкции: “Are we to suppose, after all, that the Saga of Jabberwocky is one of the universal heirlooms which the Aryan race at its dispersion carried with it from the great cradle of the family? <...> It begins to be probable that the origo originalissima may be discovered in Sanscrit, and that we shall by and by have a *Iabrivokaveda*. The hero will turn out to be the Sun-God in one of the Avatars; and the *Tumtum* tree — the great *Ash Ygdrasil* of the Scandinavian mythology”.

L. Carroll (Lewis Carroll)

Jabberwocky

'Twas brillig, and the slithy toves
Did gyre and gimble in the wabe:
All mimsy were the borogoves,
And the mome raths outgrabe.

“Beware the Jabberwock, my son!
The jaws that bite, the claws that catch!
Beware the Jubjub bird, and shun
The frumious Bandersnatch!”

He took his vorpal sword in hand:
Long time the manxome foe he sought —
So rested he by the Tumtum tree,
And stood awhile in thought.

And, as in uffish thought he stood,
The Jabberwock, with eyes of flame,
Came whiffling through the tulgey wood,
And burbled as it came!

One, two! One, two! And through and through
The vorpal blade went snicker-snack!
He left it dead, and with its head
He went galumphing back.

“And hast thou slain the Jabberwock?
Come to my arms, my beamish boy!
O frabjous day! Callooh! Callay!” —
He chortled in his joy.

'Twas brillig, and the slithy toves
Did gyre and gimble in the wabe;
All mimsy were the borogoves,
And the mome raths outgrabe.

Hassard H. Dodgson

Gabberbocchus

Hora aderat briliigi. Nunc et Slythia Tova
 plurima gyabant gymbolitare vabo;
 et Borogovororum mimzebant undique formae,
 momiferique omnes exgrabuere Rathi.
 "Cave, Gaberbocchum moneo tibi, nate, cavendum!
 (Unguibus ille rapit. Dentibus ille necat.)
 Et fuge Iubbubum, quo non infestior ales,
 et Bandersnatcham, quae fremit usque, cave."
 Ille autem gladium vorpalem cepit, et hostem
 manxonium longa sedulitate petit;
 Tum sub tumtummi requiescens arboris umbra
 stabat tranquillus, multa animo meditans.
 Dum requiescebat meditans uffishia, monstrum
 praesens ecce! oculis cui fera flamma micat,
 ipse Gaberbocchus dumeta per horrida siffans
 ibat et horrendum burbuliabat iens!
 Ter quater atque iterum cito vorpalissimus ensis
 snicsnaccans penitus viscera dissecuit.
 Exanimus corpus linquens caput abstulit heros,
 quocum galumphat multa, domumque redit.
 "Tune Gaberbocchum potuisti, nate, necare?
 Bemiscens puer! ad brachia nostra veni.
 Oh! frabiusce dies! iterumque *caloque calaque*
 laetus eo" ut chortlet chortla superba senex.
 Hora aderat briliigi. Nunc et Slythia Tova
 plurima gyabant gymbolitare vabo;
 et Borogovororum mimzebant undique formae,
 momiferique omnes exgrabuere Rathi.

Augustus A. Vansittart

Mors Iabrochii

Coesper erat: tunc lubriciles ultravia circum
 urgebant gyros gimbiculosque topi;
 moestenui visae borogovides ire meatu;
 et profugi gemitus exgrabuere rathae.
 "O fuge Iabrochium, sanguis meus! Ille recurvis
 unguibus, estque avidis dentibus ille minax.
 Ububae fuge cautus avis vim, gnate! Neque unquam
 Faedarpax contra te frumiosus eat!"
 Vorpali gladio iuvenis succingitur: hostis
 manxumus ad medium quaeritur usque diem:
 Iamque via fesso, sed plurima mente prementi,
 tumtumiae frondis suaserat umbra moram.
 Consilia interdum stetit egnia mente revolvens:
 at gravis in densa fronde susuffrus erat,
 spiculaque ex oculis iacientis flamma, tulscam
 per silvam venit burbur Iabrochii!
 Vorpali, semel atque iterum collectus in ictum,
 persnucit gladio persnacuitque puer:
 deinde galumphatus, spernens informe cadaver,
 horrendum monstri rettulit ipse caput.
 "Victor Iabrochii, spoliis insignis opimis,
 rursus in amplexus, o radiose, meos!
 O frabiose dies! *Callo clamateque Calla!*"
 Vix potuit laetus chorticularare pater.

Coesper erat: tunc lubriciles ultravia circum
 urgebant gyros gimbiculosque topi;
 moestenui visae borogovides ire meatu;
 et profugi gemitus exgrabuere rathae.

Robert Scott

Der Jammerwoch

Es brillig war. Die schlichte Toven
 Wirrten und wimmelten in Waben;
 Und aller-mümsige Burggoven
 Die mohmen Räth' ausgraben.
 »Bewahre doch vor Jammerwoch!
 Die Zähne knirschen, Krallen kratzen!
 Bewahr' vor Jubjub-Vogel, vor
 Frumiösen Banderschnätzchen!«
 Er griff sein vorpals Schwertchen zu,
 Er suchte lang das manchsan' Ding;
 Dann, stehend unterm Tumtum Baum,
 Er an-zu-denken-fing.
 Als stand er tief in Andacht auf,
 Des Jammerwochen's Augen-feuer
 Durch tulgen Wald mit Wiffek kam
 Ein burbelnd Ungeheuer!
 Eins, Zwei! Eins, Zwei! Und durch und durch
 Sein vorpals Schwert zerschnifer-schnück,
 Da blieb es todt! Er, Kopf in Hand,
 Geläumfig zog zurück.
 »Und schlugst Du ja den Jammerwoch?
 Umarme mich, mein Böhm'sches Kind!
 O Freuden-Tag! O Halloo-Schlag!«
 Er schortelt froh-gesinnt.
 Es brillig war. Die schlichte Toven
 Wirrten und wimmelten in Waben;
 Und aller-mümsige Burggoven
 Die mohmen Räth' ausgraben.

Рисунок Кати Михайловой, 5 класс

ДОНЕСЕНИЕ

О КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ

Главы 1–12

Перевод с латыни и примечания Александры Горбовой,
выпуск 2005 г.

Вступительная заметка А. Ю. Енбековой

4 июня 968 г. Лиутпранд, епископ Кремоны, по поручению германского императора прибывает с дипломатической миссией в Византию, ко двору Никифора Фоки. В это же время сам император Оттон Великий уходит с войском из Апулии, вняв доводам дипломатов: брак наследника с порфирородной гречанкой разом принес бы его государству и международное признание, и возделенные земли в южной Италии. Так ненадолго прерывается третий итальянский поход Оттона (два предыдущих оказались более чем успешны: впервые придя в Италию еще в 951 г., Оттон взял в жены вдову Лотаря, короля лангобардов; второй поход в феврале 962 г. принес ему корону новой державы — Священной Римской империи).

Переговоры в Константинополе успехом не увенчались. Для них было выбрано не лучшее время: Италия и прежде была знакома с решительным характером Оттона, а к моменту Лиутпрандова посольства не минуло и двух лет, как он вновь показал Риму свой крутой нрав, ссылками и казнями удивив даже константинопольского владыку, а затем пошел войной на Апулию и Калабрию — земли, которые искони привлекали византийцев. Стоит ли удивляться надменности Никифора и провалу миссии кремонского епископа? Раздражение и досада Лиутпранда понятны, и все же трудно отделаться от мысли, что для дипломата, даже и обиженного, он порой высказывается слишком уж резко.

Что, собственно, известно об авторе этого памфлета — доверенном лице Оттона, искушенном латинском писателе, который в пику византийскому высокомерию хулит само имя римлян (по-гречески “ромеев”; Leg. 12)? Возможно, Лиутпранд и не мог похвастать аристократическим происхождением, но предки его — старинные слуги ломбардских князей и франкских королей — были влиятельны и богаты: отца Лиутпранда в 927 г. король Гуго посылал на переговоры в Константинополь, и в 949 г. его отчим, сам побывавший когда-то при византийском дворе, на собственные средства отправил к грекам пасынка в составе миссии Беренгара.

Лиутпранд родился между 920 и 925 гг. в Павии — городе на реке По выше Мантуи и Кремоны. Он нигде не пишет о своем раннем обучении, однако едва ли многие семьи северной Италии могли дать детям столь же основательное образование. Сын и пасынок дипломата, Лиутпранд мальчиком пел в дворцовой капелле короля Гуго; затем служил секретарем при всевластном маркграфе иверийском Беренгаре, который с 945 г. распоряжался в Италии; еще совсем молодым человеком около года провел при дворе Константина Багрянородного, набираясь опыта и совершенствуясь в греческом языке. Долго ли Лиутпранд служил Беренгару (книга “Воздаяние”, направленная против него, доведена только до 949 г.), неизвестно; не ясно также, что стало причиной их разрыва. Возможно, еще в 951 г., когда Оттон впервые пришел в Италию, Лиутпранд его поддержал, а через несколько лет перешел к нему на службу как знаток местных дел; в 962 г. милостью Оттона он стал епископом Кремонским — по тем временам не только духовный сан, но скорее политическое назначение. В этом качестве, уже зрелым человеком (с 949 г. прошло без малого двадцать лет), Лиутпранд снова едет в Константинополь.

Что предшествовало этой миссии? В 968 г. Оттон I осадил Бари, приморский город в основании “каблука” Апеннинского полуострова — не слишком удачная прелюдия, поскольку греки не собирались уступать свое влияние в южной Италии. Что произошло потом? Оттон II так и не получил в жены византийскую принцессу, военные действия в Апулии возобновились, Оттон I пережил Никифора, убитого собственной женой, и продолжил переговоры уже с Иоанном Цимисхием, который пришел к власти в результате дворцового переворота, — однако все эти события находятся за пределами “Донесения...”.

Напоследок зададимся еще одним вопросом: на какую аудиторию мог рассчитывать автор памфлета? Ведь Оттон не только не был знаком с византийским придворным этикетом (что давало Лиутпранду простор для толкований), но и по-латыни не знал; выходит, что и вставные греческие словечки, и язвительные этнографические экскурсы, и ораторский блеск “Донесения...” предназначались по крайней мере не одному германскому императору, и автор, вероятно, думал о более широком круге образованных читателей.

Перевод выполнен по изданию: Liudprand of Cremona. *Relatio de legatione Constantinopolitana* / Ed. and transl. with introd. and comm. by B. Scott. Bristol, 1993; комментарий Скотта использован и при составлении примечаний.

Оттон I принимает присягу Беренгара II
С миниатюры XII в.

О присном здравии, благоденствии и преуспейнии сиятельных Оттонов, необоримых императоров римских, и преславной сиятельной императрицы Адельгейды всякое дыхание, молитвы и помыслы епископа святой Кремонской церкви Лиутпранда.

1. Причиною того, что ранее вы не получали от меня известий ни в письмах, ни с гонцом, явилось нижеследующее. В канун июньских нон мы прибыли в Константинополь, где, уязвляя вас, уготовили нам унижительный прием и столь же унижительно суровое обхождение. Нас заключили в покои такие обширные и открытые, что они ни от холода не спасали, ни от жары не укрывали; приставили вооруженную стражу, дабы моих людей не выпускать, доступу прочих препятствовать. Сами палаты,¹ где так и держали нас одних, от царского двора столь удалены, что при пешей прогулке туда — ехать верхами нам не позволялось — одышка брала. В довершение несчастий, греческое вино из-за примеси дегтя, камеди и извести оказалось для питья непригодным. В самих покоях не было ни капли воды, и достать ее за деньги, чтобы утолить жажду хотя простой водой, мы не могли. К этим бедам — новое горе: страж,² призванный, надобно сказать, предупреждать наши ежедневные нужды — такого на земле не сыскать, а разве в преисподней! Ибо сколько ни измыслил он зла, грабительств, поборов, скорбей, огорчений — всё изливал на нас мутным потоком. Так, из ста двадцати дней ни один не минул без слез и стенаний.

2. Как сказано выше, мы прибыли к Карейским воротам Константинополя в канун июньских нон. При конях и под проливным дождем прождали мы вплоть до одиннадцатого часа.³ В одиннадцатом же часу Никифор, сочтя, что мы не достойны конного въезда (хотя

вы не поскупились на снаряжение), приказал войти пешими, и нас отвели к помянутым уже мраморным палатам — ненавистным, гулким, безводным. А на восьмой день до ид, в первую субботу Пятидесятницы, я предстал пред Леоном, царским братом, его постельничим и казначеем,⁴ с которым выдержал утомительное словопрение о вашем императорском титуле. Ведь сам он звал вас не императором (на их языке василевсом), но уничижительно — *регом*, по-нашему царем.⁵ Когда я возразил, что хоть обозначения и различны, но обозначается ими одно, он отвечал, что я, видно, явился не за миром, но спора ради. И тут он в гневе поднялся и надменно принял ваше послание — не собственноручно, но через толмача. А человек он собою весьма статный, притворно кроткий: на такого “если кто опрется, войдет тому в руку и проколется”.⁶

3. На седьмой день до ид, в самый светлый праздник Пятидесятницы, меня провели в палату, именуемую *Стефана* (то есть Зала коронационная), к Никифору. Это человек довольно уродливый: ростом пигмей, головастый, с кротовыми глазками; борода, короткая и широкая, густая, полуседая пуще его безобразит; шея толщиной в палец, обилием волос — точный боров, лицом же — эфиоп, “с кем не захочешь столкнуться в полночи темной”.⁷ Брюхо вспученное, зад тощий; судя по бедрам, великан — и это при самом скромном росте, — лодыжками невелик, да и пятки со стопами соответствуют. Одежды на нем шерстяные, но ветхие, зловонные и выцветшие от старости, на ногах — сикионские сандалии.⁸ Бесстыжий в речах, умом лисица, вероломством и хитростью — подлинный Улисс. И всегда вы, государи мои, сиятельные императоры, казались мне прекрасными — сколь прекраснее отныне! Всегда казались великолепными — насколько великолепнее теперь! Всегда сильными — кольми ныне сильнейшими! Всегда милостивыми — сколь теперь милостивее! Всегда

исполненными добродетели — сколь добродетельнее ныне! По левую руку от него, но не вровень, а много пониже, восседали оба царственных отрока, вчерашние повелители того, кому ныне подвластны.⁹ Никифор начал речь так:

4. “Мы почитали своим долгом, мы даже и хотели оказать тебе прием блестящий и благосклонный, однако вероломство твоего господина тому помехой. Ибо он, подступив к Риму по-вражески, забрал город себе; у Беренгара и Адальберта противу законов божеских и человеческих силою отнял земли. По его милости одни ромеи погибли от меча, другие в петле, тех он ослепил, иных изгнал. И сверх того подверг наши владения грабежу и пожарам, стремясь овладеть ими.¹⁰ А не преуспев в своих посягательствах, те-

Поставление епископа. Миниатюра X в.

перь — якобы для переговоров — направил к нам тебя, вдохновителя и подстрекателя всех этих злодейств: *катаскопа*-согладатая, иными словами, лазутчика”.

5. На это я отвечал: “Рима мой господин силою и неправдой не захватывал, но избавил от ига несправедного властителя, вернее, властителей. Разве государи римские не обабилась, и — еще того тяжелее и унижительней — разве не блудницы в Риме заправляли?”¹¹ Дремала тогда, думается, мощь твоя и твоих предшественников, римских императоров единственно по титулу, но не на деле. А если вы были сильны, если в самом деле были императорами, как же блудниц допустили до власти? Разве святейших пап не изгоняли, разве не были они стеснены даже в повседневных нуждах, доведены до такой крайности, что и милостыни творить не могли? Разве не слал Адельберт глумливых грамот твоим предшественникам на престоле, Роману и Константину? Разве не обирал он, не грабил церкви святейших апостолов? И кто из вас, императоров, ревнуя о Боге, сподобился отомстить за мерзостное дело и вернуть святую Церковь в подобающее ей состояние? Вы попускали это, господин мой не попустил: от края земли восстав, явился он в Рим и прогнал нечестивых, и возвратил всю славу и силу наследникам святых апостолов. А поднявшихся на него и на владыку апостольского он как клятвопреступников, святоотатцев, притеснителей и разорителей апостольских владык по законам римских императоров Юстиниана, Валентиниана, Феодосия и прочих казнил, обезглавил, повесил и отправил в изгнание. А не сделай он этого, был бы он нечестивым, преступным, жестокосердным, узурпатором. Ведомо всем, что Беренгару и Адельберту пожаловал он италийское королевство как вассалам, своею рукою и золотым скипетром, и те при твоих рабах, кои и теперь живы и суть обыватели этого града, поклялись ему в верности. Когда же они, наученные дьяволом, вероломно нарушили клятву, <господин мой> как изменников и смутьянов лишил их власти законно — а ты бы как поступил с теми, кто присягнул, а после вздумал бунтовать?”

6. “Однако вассал Адельберта утверждает иное”,¹² — отвечал он. А я на это: “Ежели он говорит иное, то один из моих людей завтра же — только прикажи — подтвердит в поединке правоту наших слов”. — “Хорошо, положим, твой господин совершил это, как ты говоришь, законно. Растолкуй тогда, по какому праву вторгся он в наши пределы ныне, <разоря их> войной и пожарами?”¹³ Мы ведь были союзники и думали, породнившись, сделать наше дружество нерушимым”.

7. На это я возразил: “Страна, которую ты числишь за собой, уже по народу и наречию своему принадлежит к Италийскому королевству; а правили ею лангобарды: ибо Людовик, король лангобардов или, лучше сказать, франков, ценою тысяч жизней вырвал ее из рук сарацин, да и Ландульф, князь беневентский и капуанский, владел ею семь лет.¹⁴ И быть бы ей и по сию пору покорной ему или его преемникам, когда бы император Роман, дав денег без счета, не купил друж-

Чаша из оникса
Византия, 2-я пол. X в.

бы нашего короля Гуго.¹⁵ Это-то и было причиной тому, что он своего племянника и соименника сочетал браком с побочной дочерью нашего короля, того самого Гуго. Ты же как будто приписываешь не снисходительности, но бессилию моего господина то, что, распоряжаясь в Италии — по меньшей мере, в Риме, — так долго допуская там твою власть. А дружественный союз, который ты якобы думал укрепить союзом семейственным, мы считаем коварным обманом: ведь предложенные тобою кондиции ни тебе предлагать, ни нам принимать нет никакого смысла. А дабы искоренить

подвохи и не замалчивать правду, господин мой послал меня к тебе, и ежели ты хочешь передать моему господину дочь императора Романа и императрицы Феофано в супруги его сиятельному сыну императору Оттону, скрепи это клятвой.¹⁶ А я клятвенно поручусь, что мой господин ответит услугой на услугу так-то и так-то и условий не нарушит. Но наилучший залог дружества господин мой своему царственному брату уже предоставил, покинув покоренную Апулию — по моему совету, <того самого человека>, которого ты зовешь «вдохновителем всех злодейств». И свидетелей этому столько, сколько жителей в целой Апулии”.

8. “Второй час на исходе, — проговорил Никифор. — Пора нам совершать *прозлеву*, то есть шествие. Обратимся к делам неотложным, а на это ответим, когда представится случай”.

9. Да не будет мне в тягость и не оскорбит слуха моих владык описание этой самой *прозлевы*. По случаю такого торжества несметное полчище лавочников и прочего сброда, собравшись встречать и славить Никифора, выстроилось, точно живая стена, по обочинам дороги от дворца до самой Святой Софии: толпа нелепая с никудышными

Провинции Священной Римской империи
приносят дары императору. *Рубеж X-XI вв.*

Оклад Евангелия с изображением Оттона II и его жены Феофано. X в.

тоненькими щитами и жалким подобием копий. В довершение непристойности многие из этих простолудинов славить царя явились босыми. Не иначе, думали они тем послужить к вящему украшению сего священнодействия. Да и придворные, которые двигались сквозь это сборище босых голодранцев, были облачены в какие-то широкие сорочки, порядком траченные временем. Куда пристойнее было бы им явиться в повседневном платье: это же навряд было обновой и для их прадедов. Ни золота, ни самоцветов не было ни на ком, кроме как на одном Никифоре — только царские украшения, сделанные на фигуру более дородную, отнюдь его не красили. <Клянусь> вашим здоровьем, которое мне милее моего собственного, что один драгоценный наряд ваших придворных драгоценнее, чем сотня таких или даже поболее! А мне на церемонии указали место на возвышении подле псалтов — певчих, по-нашему.

10. Покуда, словно ползущий гад, тянулась пролезна, подхалимы-псалты голосили: “Се всходит звезда утренняя, Денница подымается, взорами лучи солнца затмевая, <се грядет>, сарацинам на злую погибель,¹⁷ Никифор *медонт*” (это значит “князь”). И после затянули: “Никифору *медонту* (то есть князю) *поллаэтэ* (то есть «многая ле-ета»); славьте его <все> язЫки, его почитайте, пред ним гните выи!” А куда правдивее было бы петь: “Гряди, любезный, потухшая головня! Ты, колченогая карга, лешачье рыло! Страшный, чащобный, козлоногий, рогатый, безобразный, щетинистый! Невежда, грубиян, дикарь, деревенщина неотесанный, вояка, каппадокиец!¹⁸” Наконец, раздувшись от этих льстивых причитаний, Никифор вступил в Святую Софию, а <юные> государи, его повелители, следовали за ним в отдалении, припадая к земле с мирным целованием.¹⁹ Оруженосец <василевса> стрелою, будто стилем, отметил на стене храма, который теперь год от воцарения Никифора, чтобы разумели те, кто этого не видал.²⁰

11. В тот самый день я был зван к царской трапезе. Однако ж царь не удостоил меня места ближе хоть которого-нибудь из своих придворных. Усадили меня от него пятнадцатым, куда и скатерть не доставала.²¹ Из моих спутников никто не только за этим столом не сиживал, но и палат, где я пировал, не видал. На этом непристойном и унижительном обеде — потонувшем в масле, как заведено у пьянчуг,²² и сдобренном гнуснейшим рыбьим соком²³ — он заговаривал со мной то о вашем могуществе, то о владениях и военной силе. На мои обстоятельные и правдивые ответы он сказал: “Врешь! Воины твоего господина не умеют в седле удержаться, да и к пешему сражению не спо-

собны: ведь при таких громоздких щитах, неподъемных кольчугах, длинных мечах и тяжелых шлемах нельзя сражаться ни так, ни эдак”. И с усмешкой продолжал: “Помехой и чревоугодие, попросту обжорство, тем, кому Бог — чрево, шумным от вина, храбрым во хмелю, кои от воздержания упадают духом, трезвые робеют.²⁴ К тому же у твоего господина и флота порядочного нет. Сильный флот есть только у меня — напад с моря, разрушу приморские города, по берегам рек все сожгу дотла. Сам посуди, даже и на суше кто при такой скудости войска сможет мне противостать? Ведь ни сын, ни жена в стороне не остались: саксы, свевы, баварцы, италийцы — все были при нем, и, коли не умели, вернее, не могли захватить один строптивый городишко,²⁵ как им устоять передо мной, когда при мне войска,

Сколько Гаргáры хлебов, Мефимна родит винограда, Сколькo на небе светил и волн под ударами ветра?”²⁶

12. Когда же я хотел возразить и обрушить на него речь, достойную этого бахвальства, он не позволил, но прибавил, думая оскорбить: “Вы — не римляне, вы — лангобарды”. Он хотел говорить долее и сделал мне знак молчать, но я не смолчал: “Ромула, от которого пошли римляне, летописи называют братоубийцей, рожденным в прелюбодеянии, то есть от девки; говорят, что он завел прибежище для должников, беглых рабов, убийц и прочих, достойных казни за свои злодеяния, и, приняв весь этот сброд в сограждане, назвал их римлянами. Вот из каких аристократов происходят те самые, кого вы зовете *миродержцами*, то есть императорами, и кого мы — всего-то лангобарды, саксы, франки, лотаринги, баварцы, свевы, бургунды — до того презираем, что в минуту гнева нам не надо искать другой грубой клички для недругов наших, кроме как «римлянин»: одно это слово сочетает и подлость, и трусость, и жадность, и распутство, и хитрость, и все какие ни на есть пороки. А что до твоих речей, будто мы не бойцы и в седле не удержимся, то ежели по грехам христиан суждено тебе закоснеть в упрямстве, скорая война покажет, на что годитесь вы и каковы мы в бою”.²⁷

Обручальное кольцо
Константинополь, IV–V вв.

¹ Лиудпранд несколько сгущает краски: дворец, так ему не приглянувшийся, всегда служил гостиницей для иностранных послов (ἀποκρίσαριεῖον; точное его местонахождение неизвестно); начальник дворцовой стражи был подотчетен лично логофету. Впрочем, посланников враждебного государства могли охранять с особой тщательностью.

² В несохранившейся Трирской рукописи, которая легла в основу первого издания памфлета, читалось *homo scil...orum custos*; Б. Скотт принимает конъектуру Г. Пертца *homo scil<icet nostr>orum custos*, но указывает и на другой привлекательный вариант: *scholarum custos* (Й. Кодер) — т. е. “гвардеец”, т. к. корпус дворцовой стражи носил название *σχολαί*.

³ При том, что римский час равнялся $\frac{1}{12}$ светового дня, начало одиннадцатого часа в июне на широте Константинополя примерно соответствует 6 часам вечера по нашему счету, а начало второго часа (гл. 8) — 7 часам утра.

⁴ В оригинале *coropalati et logothetae*. Куропалат (*κουροπαλάτης*) — скорее почетный титул, нежели должность, сопряженная с реальными обязанностями; обычно куропалатом был член царской семьи. В ведении логофета (в данном случае речь идет о *λογοθέτης τοῦ δρόμου*) находилась в том числе и официальная корреспонденция; он же устраивал приемы иностранных посольств, ему подчинялась дворцовая стража.

⁵ Подобные споры известны и новой истории. К примеру, неприятие Бурбонами императорского титула русских царей послужило официальным предлогом для разрыва дипломатических отношений между Испанией и Россией в 1730 г.

⁶ Цитата из Книги пророка Исайя (36:6).

⁷ Ювенал, 5, 54.

⁸ Мягкие, удобные и элегантные сандалии из города Сикион на Коринфском заливе упоминаются почти исключительно как женская обувь; во всяком случае, для мужчины носить их считалось признаком изнеженности (ср. легендарный ответ Сократа Лисию: Цицерон, “Об ораторе”, I, 231).

⁹ После смерти императора Романа II в 963 г. на престоле оказались двое его малолетних сыновей — Василий II и Константин VIII. Регентшей стала их мать, императрица Феофано; стремясь сохранить престол для сыновей, она вышла замуж за успешного полководца и популярного политика Никифора Фоку, принявшего титул императора. Лиутпранд никогда не упускает случая подчеркнуть, что Никифор узурпировал престол.

¹⁰ В 951 г. Оттон I взял в жены Адельгейду, вдову короля Италии Лотаря II, и формально подчинил себе новых королей Италии — Беренгара II и его сына Адельберта. Они, однако, не смирились с этим и продолжали собственную политику. В 959 г. Беренгар, пользуясь шатким положением папы, вторгся в герцогство Сполето. Папа призвал на помощь Оттона; тот обратил Беренгара в бегство, в начале 962 г. вступил в Рим и получил из рук папы императорский титул. В дальнейшем обстановка в Риме оставалась беспокойной; так, в 965 г. ставленник Оттона папа Иоанн XIII был изгнан из города. Это восстание было жестоко подавлено Оттоном.

¹¹ Намек на Марозию, дочь римского сенатора Феофилакта. Она была замужем за Альбериком, герцогом Сполето, затем за Видо, маркграфом Тосканским, и, наконец, за Гуго Прованским. Вплоть до 932 г. Марозия имела огромное влияние на папство и, как следствие, на римскую политику; папа Сергий III был ее любовником, а папа Иоанн XI — незаконным сыном.

¹² Адельберт имел дипломатические связи с Византией и пользовался поддержкой Константинополя. Во время Лиутпрандова посольства при византийском дворе находился его эмиссар Гримизон, упоминаемый в следующих главах “Донесения...”.

¹³ Никифор имеет в виду вторжение Оттона в Апулию и Калабрию, а также осаду Бари (см. вступительную заметку).

¹⁴ Людовик II освободил Бари от сарацин в 871 г., но удержать его не смог, и вскоре город перешел к лангобардам из Беневента. Они, в свою очередь, обратились за помощью к Византии, и с 876 г. Бари был под властью Константинополя почти непрерывно.

¹⁵ Лиутпранд воспитывался при дворе Гуго Прованского, поэтому упомянутые события отлично ему известны.

¹⁶ Речь идет о дочери Романа II Анне, на которой впоследствии женился Владимир Красно Солнышко. Что касается Оттона II, то он в 972 г. после некоторых колебаний все же взял в жены

гречанку Феофано, которая не только не была порфирородной, но даже не могла похвастаться безупречным происхождением. Между тем Феофано оказалась женщиной очень образованной, и именно под ее влиянием началось Оттоновское Возрождение.

¹⁷ *Pallida Saracenorum mors*; ср. Гораций, “Оды”, I, 4, 13.

¹⁸ Никифор в самом деле происходил из Каппадокии; с другой стороны, каппадокийцы имели репутацию людей отчаянных, и само это слово было бранным. См., напр.: Палатинская антология, XI, 237 (“змея ужалила каппадокийца и сдохла”) и 238; Петроний, “Сатирикон”, 69, 2 (*adgnosco Cappadocem: nihil sibi defraudit*).

¹⁹ *Osculum pacis* — устойчивое выражение, обозначающее поцелуй, которым обмениваются христиане. Попутно укажем, что именно такое “терминологическое” значение имеют, на наш взгляд, слова Дон Гуана в “Каменном госте”: “— В залог прощенья мирный поцелуй. — Пора, поди. — Один холодный, мирный...” “Словарь языка Пушкина” (М., 1957. Т. 2. С. 592) поясняет эпитет *мирный* в этих строках как “спокойный, тихий, чуждый волнений”, что привело бы к нежелательному плеоназму. Мы полагаем, что Дон Гуан, обращаясь к набожной Донне Анне на языке, понятном им обоим, просит хотя бы о таком поцелуе, в каком ни один христианин не может отказать другому.

²⁰ Обычай отмечать смену лет, вбивая гвоздь в стену храма, восходит к этрусской, а затем к римской практике (ср. в словаре Феста [р. 56 Mueller]: *clavus annalis appellabatur, qui figebatur in parietibus sacrarum aedium per annos singulos*).

²¹ Как заметил М. Линцель, раздраженный Лиутпранд снова преувеличивает: сидя так далеко от василевса, было бы затруднительно вести с ним непринужденную беседу.

²² Жирная закуска замедляет опьянение.

²³ *Garum* — соус из рыбьих внутренностей, основательно выдержанный на солнце; античный деликатес, который современные кулинары посчитали бы вредным и даже опасным для жизни.

²⁴ Сочетание трех библейских реминисценций: *Фин* 3:19 (*quorum deus venter est*); *Пс* 77:65 (*quasi fortis post crapulam vini*); *Притчи* 10:15 (*Substantia divitis urbs fortitudinis eius; pavor pauperum egestas eorum*).

²⁵ Временное прекращение осады Бари Никифор объясняет бессилием Оттона.

²⁶ Лиутпранд вкладывает в уста Никифору измененную цитату из “Науки любви” Овидия (I, 57; 59): *Gargara quot segetes, quot habet Methymna racemos, <...> / Quot caelum stellas, tot habet tua Roma puellas* (Гаргары — одна из вершин горы Иды в Троаде; Метимна — город на Лесбосе).

²⁷ Благодарим Владислава Геннадьевича Бигдая за поддержку.

Руководитель работы — А. Ю. Енбекова
Фото: А. А. Горбов

КОНКУРС ПЕРЕВОДОВ

Сапфо

Новонайденное стихотворение

Хотя от падения Западной римской империи нас отделяют полтора с лишним тысячелетия, новые тексты античных писателей публикуются едва ли не каждый год. Находки папирусов и надписей приносят произведения, которые прежде считались безвозвратно утраченными. Допустим, комедию Менандра “Брюзга”, которая входит сейчас во все программы по античной литературе (включая гимназическую), еще пятьдесят лет назад не читал не один человек на земле; уже на вашей памяти, в начале 1990-х гг., при декартонировании мумии был обнаружен целый сборник поэта III в. до н. э. Посидиппа — более сотни прежде неизвестных стихотворений; сейчас идет расшифровка уникальной рукописи Архимеда, попавшей в руки исследователей всего несколько лет назад. Число таких примеров легко умножить: “богиня папирусов” (по выражению великого филолога Эдуарда Френкеля) регулярно приносит нам бесценные подарки и позволяет мечтать о новых.

В 2004 г. в журнале *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, где публикуются большинство новых папирусных текстов, кельнские ученые Михаэль Гроневальд и Роберт Даниэль напечатали 12 строк Сапфо, сохранившихся с незначительными пропусками (повреждены только самые начала четырех первых стихов — папирологи привыкли к утратам куда более разрушительным). В следующем году именитый оксфордский эллинист Мартин Уэст дал убедительную реконструкцию текста. Так читатели получили законченное стихотворение Сапфо — кстати, всего лишь второе во всем дошедшем до наших дней наследии лесбосской поэтессы.

Это стихотворение, обращенное к юным участницам сапфического кружка, варьирует одну из традиционных тем ранней греческой поэзии — жалобы на подступающую старость, которая отнимает у человека сладчайшие из жизненных наслаждений. Однако в отличие, к примеру, от Мимнерма с его горестным “Что за жизнь, что за радость без золотой Афродиты?..”, интонация стихотворения Сапфо — не отчаяние, а “элегическое” (в современном смысле слова) сожаление: что поделать, таков общий удел смертных. В последних строках Сапфо вспоминает популярную легенду: богиня утренней зари Эос, влюбившись в красавца Тифона, спрятала его на краю земли. Эос сумела выпросить у богов бессмертие для своего возлюбленного, но забыла попросить их о вечной молодости — и одряхлевший Тифон томился долгие века, пока Зевс из жалости не превратил его в цикаду. Как обычно, мифологический пример не просто иллюстрирует тезис о неизбежности старости, но и связан с образной системой стихотворения: контрасту “юные танцующие девы — пожилая лирическая героиня” в зачине соответствует контраст “дряхлый Тифон — вечно молодая Эос” в финале.

Три гимназиста-переводчика, работы которых мы публикуем, подошли к своей задаче по-разному. Григорий Воробьев тщательно воспроизвел размер подлинника (с непривычки он может показаться вам экзотическим; напомним, однако, что в русскую поэзию его еще сто лет назад ввел В. Я. Брюсов, опять-таки в переводе из Сапфо: “Ты кудри свои, / Дика, укрась, / Милые мне, венками, // И ломкий анис, / Ты заплети / Сладостными руками...”). Константин Корешков выбрал для своего переложения белый пятистопный ямб — и тем самым неожиданно, но и убедительно вписал стихотворение в традицию “драматического монолога”, изобретателем которой считается английский поэт XIX в. Роберт Браунинг. Наконец, юная Ксения Егорова (героически преодолевшая трудности лесбосского диалекта с помощью учителей Е. А. Захаровой и А. Ю. Енбековой) стилизовала эти стихи под народную песню — заставляя вспомнить о том, что изначально они были рассчитаны не на привычную нам декламацию, а именно на пение под звуки лиры или кифары.

Текст в восполненной версии М. Л. Уэста печатается по изд.: М. L. West. *The New Sappho* // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2005. Bd 151. S. 3–6. Фотография новонайденного папируса (PKöln Inv. № 21351, fr. 2) взята из первой публикации: M. Gronewald, R. W. Daniel. *Ein neuer Sappho-Papyrus* // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2004. Bd 147. S. 2–8 und Taf. 7.

Ἕγμεν πέδα Μοίσαν ἰοκρόλων κάλα δῶρα, παῖδες,
σπουδάσδετε καὶ τὰν φιλάοιδον λιγύραν χέλυναν·

ἔμοι δ' ἄπαλον πρίν] ποτ' [ἔ]οντα χροά γῆρας ἦδη
ἐπέλλαβε, λεῦκαι δ' ἐγ]ένοντο τρίχες ἐκ μελαίναν·

βάρυς δέ μ' ὁ [θ]ῦμος πεπόηται, γόνα δ' [ο]ύ φέροισι,
τὰ δὴ ποτα λαίψηρ' ἔον ὄρησθ' ἴσα νεβρίοισι.

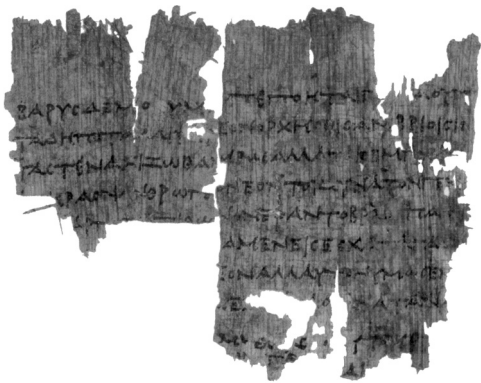
Τὰ <μὲν> στεναχίσδω θαμέως· ἄλλα τί κεν ποείην;
ἀγήραον ἄνθρωπον ἔοντ' οὐ δύνατον γένεσθαι.

Καὶ γὰρ π[ο]τα Τίθωνον ἔφαντο βροδόπαχυν Αὔων
ἔρω †φ..αθεισάν† βάμεν' εἰς ἔσχατα γὰς φέροισαν,

ἔοντα [κ]άλον καὶ νέον· ἄλλ' αὐτον ὕμως ἔμαρψε
χρόνῳ πρόλιον γῆρας, ἔχ[ο]ντ' ἀθάναταν ἄκοιτιν.

Ἔοσ и Тифон. Середина V в. до н. э.

Стремитесь, девы, к тем дарам прекрасным
Фиалколонных муз и к лире звонкой
И песеннообильной. Что же я?

Всю нежность кожи старость забрала,
И стали косы белыми из черных;
Тяжелой сделалась душа; и ноги,
Что были быстры, равные оленьим,
Уже не понесутся в легком танце.
Вздыхаю часто я, но что же делать?
Ведь человек не стариться не может.
Вот, говорят, розолокотна Эос,
Любовью побужденная, Тифона,
Красивого тогда и молодого,
На самый край земли перенесла.
Но и его седины одолели,
Хотя имел бессмертную супругу.

Перевод Константина Корешкова, 11 класс

Спешите играть, девы, на той песнелюбивой лире,
Чей звонкий напев дали вам в дар Музы в пурпурных платьях.

А вот у меня старость уже нежную прежде кожу
Измяла совсем, и голова черной свой цвет сменила,

И сделалась жизнь тяжелой весьма, и не несут колени,
Что в прежние дни были легки в танце, как будто серны.

Об этом подчас сетую я. Что я могу поделать?
Коль ты человек, можешь ты стать вечно младым ужели?

Ведь, как говорят, Эос-заря с розовыми перстами,
Любовью полна, в дальний предел перенесла Тифона:

Прекрасен тогда, молод он был, но все равно с годами
Седая его старость нашла подле бессмертной Эос.

Перевод Григория Воробьева, 11 класс

О девы юные, все вместе чтите вы
Вам щедро данные прекрасные дары
Волшебных муз в их пурпурных одеждах
И лиру звонкую, источник песен нежных...

Жаль, прихватила старость уж кожу у меня,
Ту, что еще недавно атласною была,
И локоны кудрявые свой изменили цвет —
Из черных стали белыми. Назад возврата нет.
Когда-то ножки резвые мои пускались в пляс,
Подобно оленятм. Но что со мной сейчас?
Не слушается тело, мне тяжело дышать,
Ходить мне стало трудно — не то что танцевать.
Я горько сожалею о том, что не вернуть,
Что не дано сначала пройти мне жизни путь,
Напрасно я вздыхаю, не надо сожалеть,
Не суждено нам, смертным, жить и не стареть.

Эос розолокотная со своим любимым
Сбежала на край света, чтоб стал Тифон незримым
Для старости седой. Но не смогла
Спасти любимого бессмертная жена.

Перевод Ксении Егоровой, 7 класс

Е. М. Молостцова

Обезьяньи процессы как зеркало нашей эволюции

В середине прошедшего учебного года общественность и прессу всколыхнула новость: ученица престижной языковой школы Петербурга подает в суд на преподавание биологии.

Безусловно, отечественные суды завалены не только серьезными делами — есть там и огромное количество жалоб на “зеленых человечков”; однако пресса, особенно телевидение, подхватила тему, дав слово не только ученым и служителям церкви — их дискуссия была бы крайне интересна, — но и немалому числу откровенных кликуш. Автор данной статьи старается телевизор не смотреть и поначалу к сложившейся ситуации отнестись иронически. Потом автор задумался. Потом сел за эту статью. Судебный иск, поданный семьей Шрайберов к министерству образования за “навязывание учащимся теории Дарвина...” явился надводной частью огромного айсберга. Игнорировать его присутствие опасно: идеология неоднократно вторгалась в жизнь науки, нанося последней невосполнимый ущерб.

Неудивительно, что именно теория эволюции (а не учение Дарвина — об этом ниже) становится предметом праведного гнева: именно она задевает чувства ортодоксов любой религиозной конфессии. Да и не только религиозной: приснопамятные годы ортодоксального коммунизма прославились травлей истинных ученых-эволюционистов. К сожалению, сфера чувств закрыта для аргументов науки; поэтому оставлю за скобками и глубокую религиозность многих “последователей Дарвина”, и аргумент о всесиилии Творца, вдохнувшего бессмертную душу не в “шматину глины”, но в обезьяноподобное существо.

Поговорим о фактах.

Биология преподается в школах неглубоко и немного. Ее место в иерархии предметов — где-то между пением и физкультурой; однако видимость “объема пройденного материала” позволяет обывателю об этой науке судить. Кроме того, именно от биологии обыватель ждет чуда: лекарства от морщин и огорчений. Скрупулезный же, изнурительный труд ученых во внимание не принимается.

Дайте мне благо, не “грузите” меня, оставьте мне простого Бога, — так говорит обыватель. Государству

же такой обыватель удобен.

(Путь от научных сомнений к ревизии идеологии существующего режима неплохо описан в романе В. Д. Дудинцева “Белые одежды”.) Государство оберегает самое себя, и потому тревожен даже не иск Шрайберов, названный “обезьяньим” по аналогии с судебными процессами, прошедшими когда-то в Америке; тревожно другое. Преподаватели биологии помнят, что основы теории эволюции за последние годы странном образом исчезли из государственных программ курсов “Основные концепции естествознания” во многих вузах. В совокупности с уменьшением часов литературы и других “беспокойных” предметов — спи спокойно, дорогой обыватель.

Мы же с вами, уважаемый читатель, стараемся жить по формуле теолога Пауля Тиллиха: “Мужество быть”. Достоинство человека состоит в готовности заглянуть в лицо — пусть и трагедии.

Но для начала заглянем в историю.

Слово *эволюция* как термин, объединяющий индивидуальное и историческое развитие организмов, впервые употребил англичанин М. Хейл в 1677 г. Эволюционное же учение насчитывает много столетий — от Гераклита и Эмпедокла до трансформистов XVII в. и далее. Трансформисты не создали целостной системы взглядов, аргументирующих идею эволюции, однако на этом этапе яснее стал круг основных проблем эволюционного учения: сущность и причины эволюции, объяснение целесообразного устройства и многообразия форм организмов, сходства и различий между разными видами.

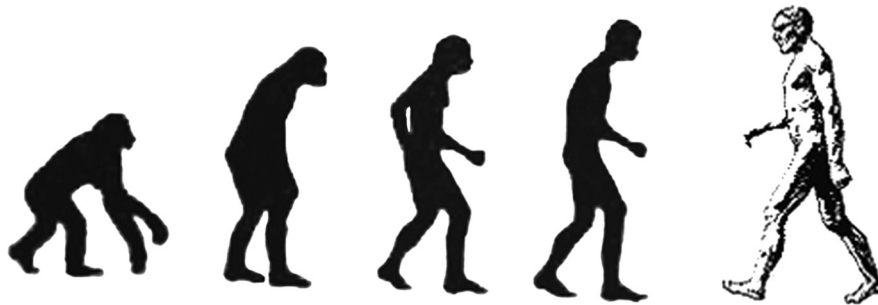
Именно осознание этих проблем и рост научных знаний подготовил появление качественно новой теории, автором которой был Жан Батист Ламарк. Его концепция носила еще умозрительный характер (основывалась на ряде постулатов), а объяснения прогрессивной и приспособительной эволюции изначальными свойствами организмов были метафизичны и недостаточны — аргумент “это так, потому, что это так” не устраивал и в то время. Удивительная “притертость” одного вида к другому, пусть это всего лишь шмель и цветок дельфиниума, может быть объяснена

замыслом Бога; но трудно представить Всевышнего, создающего тандем человек — аскарида...

Дарвин же, обработав невообразимую гору полевого материала (все помнят про птичек с каких-то островов, а как вам статистическая обработка зазубренности клювов у кракв или исследование и описание существующих пород скота?), обозначил движущие силы эволюции: борьбу за существование и естественный отбор.

С самого начала теория Дарвина встретила резкие возражения. Одно из тех, что высказываются и по сию пору, — неприятие термина “борьба”, хотя мы понимаем под ним не вульгарную драку, но весь комплекс взаимоотношений организма со средой. Взаимопомощь, симбиоз, формирование покровительственной окраски, сложнейшее брачное поведение и многое, многое другое — вот суть борьбы за существование.

Активными антиэволюционистами были многие морфологи и анатомы. В этом плане очень интересны труды Луи Виаллетона, собравшего воедино все доводы против теории эволюции, чтобы обосновать биологию на принципе творения. Он делал упор на отсутствие промежуточных, переходных форм, говорил

о неизменности форм ныне существующих: почему-де они не эволюционируют? Возражал ему удивительный философ и биолог Пьер Тейяр де Шарден. Пожалуй, более настойчиво, чем кто-либо прежде, он подчеркивал, что эволюция не ограничена рамками живой природы: “начиная со своих самых отдаленных образований, материя выступает перед нами в процессе развития”. Обратите внимание на парадокс: идея эволюции *неживой* материи уже давно никого не смущает.

Тейяр де Шарден отыскал убедительные теоретические доводы (практических к тому времени уже было найдено множество), которые можно приводить в ответ оппонентам, указывающим на самое уязвимое место теории эволюции. А состоит оно в том, что часто невозможно выявить конкретного предка той или иной группы — истоки групп теряются в неизвестности. (Это касается и наших с вами предков.)

Позволю себе вновь процитировать Тейяра: “В любой области, когда вокруг нас начинает чуть пробиваться что-то действительно новое, мы его не замечаем по той простой причине, что нам надо было бы видеть его расцвет в будущем, чтобы заметить его в самом начале <...> Где первые прялки, первые самолеты и первые

очаги?” Применительно к биологии действует тот же принцип: “По природе нет ничего более деликатного и мимолетного, чем начало. До тех пор, пока зоологическая группа молода, <...> ее составляют относительно немного индивидов, и они быстро изменяются. Как же действует время на эту слабую зону? Неизбежно уничтожая то, что от нее остается”.

Это замечание в полной мере относится и к вопросам антропогенеза. Где недостающие звенья? Боже мой! Мы не можем найти металлических останков немецких рыцарей на Чудском озере, а ведь это пропажа почти вчерашнего дня! Теоретические положения Тейяра были подкреплены поразительным законом, установленным Фрицем Мюллером (1864) и сформулированным Эрнстом Геккелем (1886): онтогенез всякого организма есть краткое и сжатое повторение (рекапитуляция) филогенеза данного вида. Данный закон будет вынужден подтвердить — касательно человека — любой медик, прошедший практику по акушерству и гинекологии. Кроме того, эволюцию человека по определенным параметрам мы можем наблюдать сами. Посмотрите, как меняются лица и фигуры на полотнах в Эрмитаже. Почему изменение

экстерьера диких лошадей можно считать эволюционным, приспособительным, а человека — нет?

Однако у Дарвина нашлись и другие оппоненты. Появились они в среде самых прогрессивных биологов: генетиков. Дарвин тоже отнесся к ним без симпатии. В чем же дело? В начале XX столетия возникла мутационная теория происхождения видов Гуго де Фриза. По этой теории виды возникают внезапно, скачкообразно, и далее нет нужды ни в каком естественном отборе. Потребовалось длительное время, чтобы понять — да, мутации образуются скачкообразно, однако в популяции закрепляются те, что прошли сито отбора. Кроме того, отбор действует на проявившиеся в фенотипе мутации; скрытые могут длительно накапливаться, приводя к резким эволюционным скачкам. Далее, некоторые “отрицательные” мутации могут закрепиться в популяции, так как смягчают действие какого-то другого, еще более жесткого фактора: так, генетическое видоизменение эритроцитов препятствует развитию в крови возбудителей тропической лихорадки. Кроме того... Но на страницах нашего журнала невозможно — да и кому это окажется по силам? — привести все примеры.

Печально, но именно в России, где формировалась мощная генетическая школа, где сильны были традиции биологических исследований, наука замерла на стадии, близкой “вульгарному” дарвинизму. Причиной тому были явления социально-политические, и в этой статье нет места для их обсуждения; скажу только, что выводы ученых лысенковской школы были столь натянутыми, что во избежание разоблачений (чем у нас поверяется гармония?!) из учебного плана биофаков и сельскохозяйственных институтов была изъята математика.

Тем не менее при участии замечательных российских ученых — таких, как А. Н. Северцов, И. И. Шмальгаузен, Н. И. Вавилов, С. С. Четвериков и другие, — Джон Хаксли, Артур Вейсман и Томас Морган сформулировали комплекс представлений о макро- и микроэволюции, названный синтетической теорией эволюции. (Микроэволюция — это процессы, происходящие внутри популяции, то есть группы, в которой идет свободное скрещивание, обмен генами.) Данная теория предполагает, что важнейшими факторами эволюции являются и мутации, и естественный отбор. Именно эта теория, в большой степени примирившая дарвинистов не только с генетиками, но и с морфологами, преподается сейчас в школах.

К сожалению, все приведенные мною выкладки могут разбиться о вопрос формирования сознания, этических и эстетических представлений у вида, к которому мы с вами имеем честь принадлежать. Ряд ученых, и в их числе Тейяр де Шарден, считали, что если мир конвергирует, то “Христос занимает его центр; значит, христогенез, как его понимали Святой Павел и Святой Иоанн, есть не что иное, как продолжение номогенеза, а затем и космогенеза”. Мне как агностику трудно рассуждать о конвергенции (схождении) мира к Христу.

В трудах же советского генетика В. П. Эфроимсона формирование этики и эстетики рассматривается с точки зрения мутационного процесса, оформленного отбором. Запах падали отвратителен нам эстетически, однако под этим чисто биологическая основа: высшие приматы утратили защитные механизмы против трупного яда. Племя, в котором закрепилось почтение к старикам, обладало большим совокупным опытом — и выживало. Если упростить положения Эфроимсона, то получится следующее: в слабости вида обнаружилась его сила, дикости бытия мы противопоставили оружие этики. Миллионы лет это оружие оттачивалось, одерживая победы и терпя страшные поражения. Венец творенья часто до боли похож на братьев своих меньших именно в силу генетического с ними родства. И родство это может оказаться гораздо более близким, чем предполагали самые искушенные антропологи: генетические исследования последних лет показывают столь родственное сходство человека и шимпанзе, что вполне возможно предполагать скрещивание между двумя этими видами. Конечно, поспешу утешить, сейчас это невозможно — на каком-то этапе мы утратили пару хромосом, устой-

чивость к раку, приобрели способность решать алгебраические задачи, а заодно смотреть в зеркало — телевизор. Что оно нам показывает?

А показывает оно нам картинку малоутешительную: идиотский смех, бесконечное потребление, обилие шарлатанов. Здесь и сейчас вы станете успешны, здесь и сейчас вам вернут молодость и здоровье... Эволюция знает разные пути, многие виды регрессируют, доходя до полной дегенерации. В этом плане “обезьяньи” процессы — одна из возможных линий.

Наука развивается медленнее, чем бы нам с вами хотелось. В ней по-прежнему множество белых пятен. Стоит ли раскрывать ее загадки, не приведет ли она нас к миру Олдоса Хаксли или к полному вымиранию, не нарушаем ли мы заповеди — данные ли Богом, сформированные ли совокупным опытом? У меня нет однозначного ответа на эти вопросы. Однако, как мне кажется, Творец не нуждается в нашей защите: Содом и Гоморра тому подтверждение. Кроме того, на что Он рассчитывал, давая нам ищущий разум?

Конечно, в мире множество нерешенных проблем: происхождение жизни, происхождение материи. Возможно, что они и не будут решены. Теория эволюции не есть истина в последней инстанции, однако плодами трудов ее последователей пользуются все — от последнего бомжа, больного туберкулезом, до патриарха. Н. А. Бердяев в свое время писал: “Знание не может уничтожить веру и заменить веру. Но и вера не может заменить знаний. Нельзя верой решать вопросы химии и физики, политической экономии, нельзя текстами из Священного Писания возражать против выводов науки. Если вера есть свободный подвиг, то научное знание есть тяжелый долг труда, возложенный на человека”.

Гоминидная триада — три отличия человека от приматов — не включает в себя наличия нравственного императива просто потому, что это дело философов. Мы крайне схожи с нашим далеким предком. Именно поэтому я предлагаю не пенять на зеркало, кто бы там ни отражался, а гордиться возможностью увидеть звездное небо над головой и ощутить нравственное чувство внутри эпигастральной полости.

Коллажи Артемия Иванюшина, 10 класс

CERTAMEN LATINUM

· MMVI ·

15–16 апреля 2006 г. под эгидой фонда поддержки классического образования “Анабасис” в Санкт-Петербургской классической гимназии состоялась X Всероссийская неофициальная олимпиада по латинскому языку и античной культуре. В оргкомитет олимпиады вошли С. В. Бурячко (директор СПб. классической гимназии), к. ф. н. Н. М. Ботвинник, к. ф. н. О. В. Бударagina (кафедра классической филологии СПбГУ), Т. В. Шабурина (кафедра латинского языка СПб. медицинского университета им. И. П. Павлова), Е. К. Юзбашян (директор фонда “Анабасис”), к. ф. н. В. В. Зельченко,

Е. С. Новожилова (СПб. классическая гимназия). Для проверки олимпиадных работ были привлечены преподаватели, аспиранты и студенты кафедры классической филологии СПбГУ. Девизом олимпиады стало полустиише Вергилия *ANTIQUAM EXQUIRITE MATREM* (*Aen.* III, 96).

В состязании участвовал 71 школьник из двенадцати гимназий шести городов — Москвы, Петербурга, Зеленограда, Перми, Петрозаводска и Семенова (Нижегородская область). К нашему большому сожалению, на олимпиаду не смогли приехать питомцы московской гимназии при Греко-латинском кабинете Ю. А. Шичалина; зато впервые в истории этих соревнований в них приняли участие ученики петербургской гимназии № 371 и Семеновской православной гимназии, ставшие одной из главных сенсаций олимпиады.

Все работы поступали на рассмотрение жюри анонимно, под квалификационными номерами. В зависимости от объема пройденного материала участники были распределены по четырем уровням, причем на первом из них итоги подводились отдельно для учеников 6–7 и 8–11 классов. По традиции программа каждого уровня предполагала перевод латинского текста со словарем (на 1-м и 2-м уровнях — адаптированные тексты, на 3-м — *Cic. De or.* II, 231 и *Tusc. disp.* V, 90, а также *Mart.* III, 61 и VIII, 27; на четвертом — *Tac. Ann.* II, 88 и *Claudian. De raptu Pros.* II, praef. 1–8), выполнение ряда лексико-грамматических заданий и ответ на вопрос по античной культуре. Некоторые из этих заданий *exempli gratia* приводятся ниже (знаком * отмечены вопросы, вошедшие не в основной, а в “пробный” комплект, который заранее рассылался школам-участницам для проведения отборочных туров):

Из заданий первого уровня:

1. Заполните пропуски (число точек не соответствует числу пропущенных букв) и переведите предложения.

Roman... ..pid... Gallorum superb... in silv... dens... situm arm... cap...re d...u frustra tempt...nt. Tandem a soci... adiuva... et victori... laet... reportant.

2.* Латинская поговорка записана без деления на слова. Расставьте словоразделы и знаки препинания; переведите.

EGOTVSVMTVESEGOVNIVSANIMISVMVS.

3. В этих отрывках из “Песни исторической” А. Н. Радищева говорится о знаменитых персонажах римской истории разных эпох. Назовите их. Расположите номера отрывков в соответствии с хронологией упоминаемых событий.

I.	...Украшение Матери своей премудрой, Вы напрасно восхотели Возродить в превратном Риме Нравы древни и равенство: Добродетель не защита Для коварства, буйства, силы; Пали жертвы вы достойны Упадающей свободы.	II.	...Внезапно входит В град, поникший от печали; Зрит поносное он злато На весах, и коромысло На весах, и коромысло (Вес не полн) горé восходит. Меч извлек и, в легку чашу Возложивши: “Вот, — вещает, — Чем платить нам должно галлам, А не златом сим поносным!”	III.	Судия и воин мудрый, Он свой меч победоносный В Дакию простер; воздвигнул На Дунае мост тот славный, Удивлявший столько древних. Пример светлый всем владыкам — В том как можно усомниться, Когда дни его золотые Зрели Тацита и Плиния, Ювенала и Плутарха?
----	---	-----	--	------	---

4. (Задание выполняется без словаря.) Поменяв местами буквы в латинском прилагательном *asper*, можно получить императив *spera*. Знаете ли вы еще какие-нибудь латинские слова, которые отличаются друг от друга только перестановкой букв? Можно использовать существительные, прилагательные и глаголы в любой форме. Не забывайте определять формы слов и давать их перевод.

Из заданий второго уровня:

1. Допишите слова, чтобы получились осмысленные предложения, и переведите их (число точек произвольно):

.....-is-is-es-a-es.
-um et-am a-ibus-i-am.

2. Первоначально существительные IV склонения в *dativus / ablativus pluralis* оканчивались на *-ubus* (*fructubus, portubus, cognubus* и т. д.); затем по аналогии с III склонением распространился привычный нам конечный элемент *-ibus*. Тем не менее авторы античных грамматических трактатов предписывают сохранять *-ubus* в следующих четырех словах: *arcus, us m* — лук, арка; *artus, us m* — сустав; *partus, us m* — роды; *veru, us n* — вертел. Как вы думаете, почему?

3. (Задание выполняется без словаря.) Перед вами шесть слов, которые пришли в русский язык из латыни — напрямую или через посредство других языков. Какое слово в этом ряду лишнее? Обоснуйте свой выбор и попробуйте предположить, какова история происхождения каждого из этих слов: *мускул, каникулы, гладиолус, мушкетер, люпин, серпантин*.

4.* (Задание выполняется без словаря.) Любители играть словами знают, как, меняя каждый раз по одной букве, из мухи сделать слона. По-латыни совсем не трудно из ночи сделать день и наоборот: *nox — nux — lux*.

Используя любые существительные (имена собственные тоже) в начальной форме, попытайтесь из мыши сделать льва: *mus — ... — ... — ... — ... — leo*, а из источника — море: *fons — — — — mare*.

Из заданий третьего уровня:

1.* Великий немецкий филолог Фридрих Август Вольф однажды написал латинскую эпиграмму, в которой пророчил некоему императору громкие победы:

Vaticinor, tibi quod navalis laurea cinget
 tempora, nec longas spes mare destituet.
 Deiciet tua gens cunctas, nec Gallia victrix
 denique frangetur litus ad Albionum.
 Sors tua, non mala sors concludet proelia, quare
 saecula te dicent: "Pars bona, non mala pars".

Это шестистишие содержит подвох: если поставить все его слова в обратном порядке (от самого последнего, т. е. *pars*, к самому первому — *vaticinor*), то ритм элегических дистихов не нарушится, но содержание пророчеств станет прямо противоположным. Переведите стихи Вольфа; затем запишите их в обратном порядке, разделив на строки и поставив знаки препинания так, как того требует смысл. Получившийся текст также переведите. К какому императору обращается Вольф? В каких словах стихотворения содержится намек на его имя?

2. В некоем предложении все слова поставили в начальную форму и перемешали. Восстановите его и переведите: *affero, avertō, Caesar, caput, dico, oculus, sui, Pompeius*.

3. Чтобы облегчить своему сыну школьную зубрежку, поэт IV в. Децим Магн Авсоний составил краткие пересказы "Жизни двенадцати цезарей" Светония — цикл из трех стихотворений, в каждом из которых по 6 элегических дистихов. В одном из них перечислены двенадцать правителей Рима от Юлия Цезаря до Домициана, в другом — количество лет,

которые каждый из них находился у власти, в третьем — обстоятельства их смерти. Этот цикл имеет одну странную особенность: одиннадцать императоров названы в нем по именам, и только последний все три раза обозначается описательно ("брат Тита"). Как вы думаете, в чем причина умолчания Авсония?

4* (задание выполняется без словаря). Соотнесите богов и их эпитеты: (а) *Apollo, Diana, Ianus, Iuppiter, Minerva, Venus, Iuno*; (б) *Caelestinus, Capitolina, Cecropia, Clusius, Delia, Fulgurator, Geminus, Hymnus, Libitina, Luna, Lycius, Marina, Medica, Moneta, Pythius, Saturnia, Verticordia*.

Из заданий четвертого уровня:

1. В некоем предложении все слова поставили в начальную форму, но местами не меняли. Восстановите его и переведите: *Solo, cum, interrogo, cur, in, lex, condo, nullus, supplicium, constituo, in, is, qui, pater, neco, respondeo, sui, is, nemo, facio, puto*.

приведенных примерах, сформулируйте правило употребления суффиксов *-ali-* и *-ari-*. Образуйте прилагательные от существительных *columna, latus, libra, maxilla, venter*.

Для гостей олимпиады была организована экскурсия в античный отдел Эрмитажа, прогулка по городу и премьерный показ спектакля гимназической театральной студии “Словарь Даля”. На церемонии закрытия дипломы, призы и керамические медали работы художника А. Н. Гладкого были вручены следующим участникам:

Первый уровень, младшая группа (6–7 классы):

I место — Дарья Васильева (СПб. классическая гимназия; 48 баллов) и Людмила Ворончихина (СПб. классическая гимназия; 46,5 баллов);

II место — Вера Барановская (школа 371, СПб.; 35 баллов) и Ольга Скобелева (школа 371, СПб.; 34 балла);

III место — Денис Смирнов (Семеновская православная гимназия; 30 баллов).

Первый уровень, старшая группа (8–11 классы):

I место — Александра Дедюхина (школа 57, Москва; 42 балла) и Стас Ашманов (“Лига школ”, Москва; 39,5 балла);

II место — Тавус Гениева (гимназия 1507, Москва; 34 балла) и Вера Байковская (“Лига школ”, Москва; 33,5 балла);

III место — Мария Шапиро (школа 57, Москва; 28 баллов).

Второй уровень:

I место — Александра Михайлова (СПб. классическая гимназия; 36,5 балла);

II место — Роман Бондаренко (школа 57, Москва; 30,5 балла) и Данила Смирнов (СПб. классическая гимназия; 30 баллов);

III место — Мария Кузнецова (СПб. классическая гимназия; 27,5 баллов), Мария Якерсон (СПб. классическая гимназия; 27 баллов) и Елена Лучина (гимназия 1514, Москва; 24,5 балла).

Третий уровень:

I место — Оксана Вертман (школа 57, Москва; 39 баллов) и Евгения Минина (СПб. классическая гимназия; 38,5 балла);

II место — Роман Домбровский (СПб. классическая гимназия; 28,5 балла);

III место — Татьяна Полевая (школа 371, СПб.; 26 баллов) и Олег Соколов (школа 371, СПб.; 25 баллов).

Четвертый уровень (на этот уровень оказались заявлены только представители СПб. классической гимназии и ученик петербургской 239 школы Илья Виленский):

I место — Арсений Ветушко (51 балл);

II место — Евгений Капитульский (39,5 балла);

III место — Павел Бочаров и Александра Торопова (37,5 балла).

Организаторы олимпиады благодарят фонд “Анабасис” и его директора Е. К. Юзбашян, администрацию Санкт-Петербургской классической гимназии, В. В. Файера, Н. К. Жижину, В. Н. Кравченко, И. В. Жестоканову, Т. В. Шабурину, весь коллектив театральной студии во главе с Е. В. Вензель и Е. Н. Грачевой, студентов классического отделения СПбГУ Наталью Кузнецову, Полину Полетаеву, Марию Странскую и Екатерину Шевцову, работников школьной столовой и всех гимназических учителей-классиков, которые составляли задания, дежурили на олимпиаде и принимали гостей. Отдельное спасибо Е. С. Новожиловой за самоотверженность.

Фото: О. В. Бударagina
Рисунок А. Ю. Енбековой по оригиналу А. Н. Гладкого

BRITANNICA

Classics at Winchester

Winchester College began its long history on 6th October, 1382, when a Royal Licence, signed by King Richard II, gave to William of Wykeham, Bishop of Winchester, permission to found 'in the Soke of Winchester beside the city of Winchester <...> a College or House or Hall to the honour and glory of God and of the glorious Virgin Mary his Mother.'¹ In 1379 the bishop had set up a college in the University of Oxford, New College, and it was to ensure for this institution a regular supply of pupils well-grounded in Latin that a few years later he decided to found a proper school at Winchester. Thus, Latin was there from the very beginning and can with total justification claim to be the school's 'senior' academic subject. For nearly six hundred years, along with Greek and Mathematics, it constituted the staple of a Wykehamical education, and still today is studied for a minimum of two years by every boy who comes to the school.

For the first four and a half centuries of its history Winchester remained more or less the same. By as late as 1830 there may have been a few more pupils here, and a little less daily religion, but, essentially a boy's experience was much the same as his mediaeval predecessor's had been: he rose as early as 5.30 AM with no hope of any breakfast until about 10; and most of his time in lessons, the responsibility still of only a very few masters, was, as it had been from the foundation, devoted to the study of Latin.

The nineteenth and twentieth centuries were to be the years of expansion and progress, partly in response to various Acts of Parliament, most notably the Public Schools' Act of 1868 following the Clarendon Commission of 1862,² but more especially the result of the far-sighted reforms of great headmasters, in particular George Ridding (1867–1884), dubbed the 'Second Founder', as they reacted to the ever-changing educational climates around them, but with a steady determination to retain the best of what had gone before.

A group photograph outside the Treasury of Atreus at Mycenae during the department's Greek trip in October 2004

A view into Chamber Court, one of the oldest parts of the college

Now in 2006 we have a school of almost 700 boys (girls still haven't made it, though the matter is once again under discussion) studying, it sometimes seems, every academic subject under the sun, playing all sorts of sports and engaged in art, music and drama to an almost unbelievably high standard. And the Classics? Certainly throughout the first half of the twentieth century they continued to exert a major influence over the education of every boy: a lot of time was devoted to them, and promotion through the school depended more or less solely on performance in Latin. In the last sixty or so years, however, quite properly there has been a levelling, and today's Classics department,³ still no mean force, but no longer the central core of the school, occupies a position of parity with the other major academic disciplines (Mathematics, Modern Languages, Science and English) within a broadly based curriculum which includes many other things besides.

In the organisation of our classics teaching we remain deeply conscious of our long tradition, and we strive constantly to maintain the high standards set for us by our predecessors. Our aim for all our pupils is to give them something meaty to get their teeth into, not just the bare minimum prescribed by an examination board, but rigorous linguistic courses which are at the same time both stimulating and accessible, and which will provide a lifelong interest in and curiosity about the ancient past.

In the Lower School (ages 13–16) all boys study Latin for their first two years, and most take GCSE (General Certificate of Secondary Education), the first public examination in Britain, at the end of that time. Every year there is a small group of entrants who haven't done any Latin at all before arriving at Winchester: they start the subject in their first year and normally proceed to GCSE at the end of the third. GCSE involves the study of small portions of the great works of Roman literature in the original language (regularly some Virgil or Ovid along with some Pliny

or Tacitus), backed up by the development of linguistic skills tested by comprehension and translation exercises.

Greek is set against German, Spanish and Geography in the Lower School, and is chosen by up to thirty boys a year. We cater both for those who have studied the language before, an increasingly select cohort, and for those with no previous experience. GCSE Greek involves the same skills as the equivalent Latin examination (the regular authors are Homer, Euripides, Herodotus, Xenophon and Plato): at Winchester pupils generally take it after three years' study, but occasionally able groups can cover the syllabus in a shorter time. In both languages a Third Year transition course is available for those who have completed their GCSE by then.

Numbers are smaller in the Upper School (ages 17–18), but still healthy, and proportionally better than in many other places. Up to twenty boys a year take A level Latin, whilst in Greek the average is between eight and ten. A high proportion of these go on to read for degrees in classical subjects at Oxford, Cambridge and other major universities. In both subjects we aim to provide as broad as possible an education in classical literature, culminating, in each year, in the detailed study of the texts prescribed for the AS (Advanced Subsidiary) and A2 examinations. Details of syllabuses, of course, change from year to year, but typically, as well as regular linguistic work in unseen translation and prose composition, an A level classicist might expect to read, in Latin, some Livy, Cicero or Caesar, a book of Virgil (AS set book), some Tacitus, and finally, for A2, some Horace, Catullus or Ovid; and in Greek, some Lysias, Demosthenes or Herodotus, a book of Homer (AS set book), and for A2 a play of Sophocles, Euripides, or, less frequently, Aristophanes.

It is in the Upper School, too, that Ancient History comes into its own as a separate discipline. It attracts nine or ten boys a year, sometimes those who are already studying Greek or Latin or both, but often, as well, non-classics specialists who are supplementing their study of Modern History, or simply following through a genuine personal interest in the ancient past. The courses which we offer lead to AS and A2 qualifications. They concentrate on specific topics, each of them founded in the close reading of original sources in translation, and set in a general historical context. Topics regularly studied include Greece and Persia, Fifth Century Athens, Augustus, the City of Rome and the Principate of Nero.

Beyond the classroom there is a rich programme of classical opportunities for boys at Winchester. Our Classical Society operates at two different levels. For senior boys speakers come two or three times a year from universities and other schools to deliver pretty high-level lectures, often specifically linked to A level studies. The junior part of the Society, however, is more pupil-centred: it is organised largely by boys, meets three or four times a term, and gives our aspiring specialists the chance of arranging their own meetings and making presentations on anything from the ancient world which happens to take their fancy. In addition there are regular trips to Greek plays, to museums and to Romano-British sites, and we take part annually in a Latin and

Greek Reading Competition organised by the local branch of the Classical Association. There is a biennial trip to either Greece or Italy in the October half-term holiday, and sometimes other foreign visits as well: last October five boys and three dons (the Winchester word for teachers) spent a week on the island of Ithaca, reading the *Odyssey* in Greek in Odysseus' homeland — a wonderful and inspiring experience for all concerned!

Before I finish, one other important teaching resource needs to be mentioned. In the 1890s, to form part of a museum that was built to commemorate the five hundredth anniversary of the college's foundation, a collection of some eighty Greek vases was assembled. These are now housed in the school's Treasury (a converted beer cellar!), and are looked after by a Curator who is himself a member of the Classics department. Most of the major styles of Greek pottery are represented in the collection. Our pupils are privileged indeed to be able to have first-hand experience of genuine artefacts from Ancient Greece without leaving the confines of their own school.⁴

Winchester is the oldest of the great Public Schools of England. For over six hundred years the humane light of classical scholarship has illumined those who have been educated here: we can be confident that this light will continue to shine as the school moves forward into the twenty-first century and beyond.

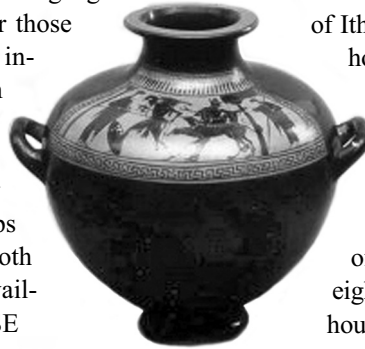
¹ The quotation is taken from an English translation of the Royal Licence as it appears on page 1 of *Winchester College* by James Sabben-Clare (Paul Cave, 1981). I am indebted to this book for much of the historical detail contained in this article.

² This was a commission set up by the government to enquire into the misuse of charitable monies by the Public Schools.

³ The department now consists of seven full time teachers with a little help from two others.

⁴ The College collection of vases has been published by John Falconer and Thomas Mannack as part of the *Corpus Vasorum Antiquorum* (Oxford University Press, 2002).

Stephen Anderson, Head of Classics
Winchester College

An Athenian black-figure hydria in the Winchester College collection showing Heracles and Cerberus

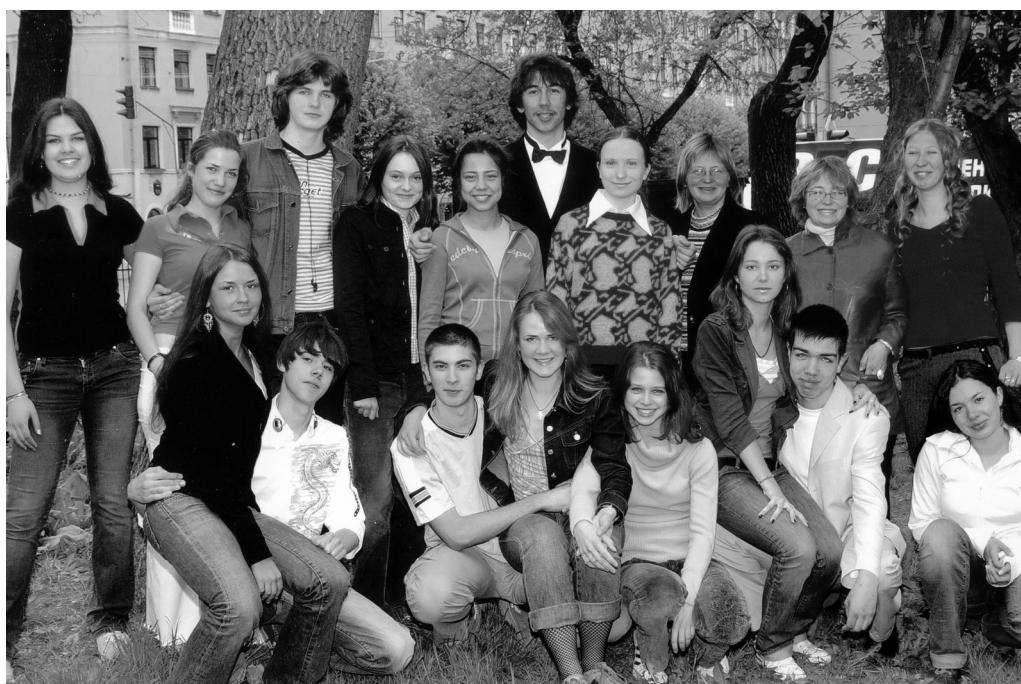

An aerial view of Winchester College

Выпуск 2005 г.

Класс α

1. Алексеев Евгений — Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, физико-технический факультет
2. Борисов Антон — СПбГУ, филологический факультет, испанское отделение
3. Газеева Елизавета — СПбГУ, филологический факультет, отделение теории языкознания
4. Григорьев Кирилл — СПбГУ, химический факультет
5. Гужова Дария — Международный банковский институт
6. Данилова Мария — СПбГУ, биолого-почвенный факультет
7. Дмитрикова Александра — СПбГУ, экономический факультет
8. Колесникова Юлия — Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
9. Морозова Серафима — СПбГУ, медицинский факультет
10. Мочалова Анастасия — СПбГУ, экономический факультет
11. Рахова Полина — СПбГУ, восточный факультет, японское отделение
12. Скобова Ася — СПбГУ, филологический факультет, новогреческое отделение
13. Федосов Михаил — Санкт-Петербургская государственная химико-фармацевтическая академия
14. Шимберев Борис — Санкт-Петербургский государственный университет ИТМО, факультет фотоники и оптоинформатики
15. Ширяева Любовь — Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, инженерно-строительный факультет
16. Якупова Ксения — СПбГУ, экономический факультет

СПИСОК ВЫПУСКНИКОВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ

Класс β

1. Александрова Софья — Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, физико-технический факультет
2. Андреева Татьяна — СПбГУ, филологический факультет, русское отделение
3. Васильцов Давыд — Санкт-Петербургский государственный университет ИТМО, факультет фотоники и оптоинформатики
4. Вершинин Владимир — Российская христианская гуманитарная академия, факультет философии, богословия и религиоведения
5. Востриков Алексей — Санкт-Петербургский государственный университет ИТМО, факультет фотоники и оптоинформатики
6. Галина Дарья — СПбГУ, филологический факультет, новогреческое отделение
8. Герасимов Антон — Санкт-Петербургский государственный университет ИТМО, факультет фотоники и оптоинформатики
9. Горбова Александра — СПбГУ, филологический факультет, испанское отделение
10. Добулевич Ангелина — Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов
11. Журавлева Александра — РГПУ им. А. И. Герцена, философский факультет
12. Журбина Екатерина — СПбГУ, Смольный институт свободных искусств и наук
13. Зюзина Елизавета — Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет, факультет предпринимательства и финансов
14. Кузнецова Надежда — Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И. П. Павлова, лечебный факультет
15. Лебедев Алексей — СПбГУ, филологический факультет, отделение информационных систем в искусстве и гуманитарных науках
16. Никанорова Александра — СПбГУ, химический факультет
17. Савельев Роман — Санкт-Петербургский государственный университет ИТМО, факультет фотоники и оптоинформатики
18. Фахми Екатерина — Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
19. Широкояров Дмитрий — Санкт-Петербургский государственный университет ИТМО, факультет фотоники и оптоинформатики
20. Янус Григорий — Санкт-Петербургская государственная педиатрическая академия

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

- АЛЕКСАНДРОВ** Даниил Александрович — профессор Европейского университета, директор программы фонда Спенсера по исследованию образования
- АЛЕКСЕЕВ** Михаил Алексеевич — кандидат физико-математических наук, директор по развитию НИУ “Институт государственных закупок”
- БАЙБУРИН** Альберт Кашфуллович — доктор исторических наук, профессор, декан факультета этнологии Европейского университета
- БОРИСОВА** Ася Львовна — генеральный директор антикварно-ювелирного дома “Ретро”
- ВАВИЛОВ** Николай Александрович — доктор физико-математических наук, профессор кафедры алгебры и теории чисел математико-механического факультета СПбГУ
- ВАХТИН** Николай Борисович — доктор филологических наук, профессор, ректор Европейского университета
- ВЕРБИЦКАЯ** Людмила Алексеевна — доктор филологических наук, профессор, ректор СПбГУ
- ГАВРИЛОВ** Александр Константинович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института российской истории РАН, руководитель *Bibliotheca classica Petropolitana*
- ДУРОВ** Валерий Семенович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой классической филологии СПбГУ
- ЕЛОЕВА** Фатима Абисаловна — доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания СПбГУ
- ЖУРБИН** Алексей Александрович — генеральный директор ЗАО “Институт «Строй-проект»”
- КОПОСОВ** Николай Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор, декан Смольного института свободных искусств и наук
- НИКИТИН** Алексей Витальевич — президент холдинга “Эвклид”
- ПИОТРОВСКИЙ** Михаил Борисович — член-корреспондент РАН, директор Государственного Эрмитажа
- РЕЗВАН** Ефим Анатольевич — доктор исторических наук, заместитель по научной работе директора Института этнографии РАН
- САТАЕВА** Елена Юрьевна — главный редактор издательства “Крылов”
- ТИКТИНСКИЙ** Эдуард Саульевич — генеральный директор холдинга RVI
- ФУРСЕНКО** Александр Александрович — действительный член РАН, академик-секретарь отделения истории Президиума РАН, заведующий отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН
- ХАКАМАДА** Ирина Муцуовна — общественный деятель, лидер Демократической партии “Свободная Россия”
- ШАХНОВИЧ** Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения СПбГУ